

Ж-14038

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

326310

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№ 386

СИСТЕМА МОВИ ТА
МОВЛЕННЄВА ДІЯЛЬНІСТЬ

Харків
Видавництво "Константа"
1996

1000.000 =

Ученый Совет факультета иностранных языков
Харьковского государственного университета
объявляет о начале работы
специализированного Совета
по защитах кандидатских диссертаций
по специальности 10.02.04 — германские языки
при факультете иностранных языков ХГУ.

Законченные кандидатские диссертации
принимаются к рассмотрению по адресу:
310077 г. Харьков, пл. Свободы, 4. Университет.
Факультет иностранных языков.
Справки по тел.: (0572) 45-71-05; (0572) 45-72-47

КОНСТАНТА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00297382

7

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 386

СИСТЕМА МОВИ ТА МОВЛЕННЄВА ДІЯЛЬНІСТЬ

Заснований у 1965 р.

Харків
Приватне видавництво "Константа"
1996

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№386

СИСТЕМА ЯЗЫКА И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статьях этого вестника рассматриваются проблемы коммуникативной и структурно-семантической лингвистики, речевого поведения человека в целом, аспекты преподавания иностранных языков. Вестник предназначен для лингвистов, работающих в области применения речи, преподавателей, студентов старших курсов, аспирантов и соискателей.

У статтях цього вісника розглядаються проблеми комунікативної та структурно-семантичної лінгвістики, мовленнєвої поведінки людини у цілому, аспекти викладання іноземних мов. Вісник призначено для лінгвістів, що працюють у сфері застосування мовлення, викладачів, студентів старших курсів, аспірантів та пошукачів.

Рецензент: Кафедра загального та прикладного мовознавства ХДУ.
Редакційна колегія: І. С. Шевченко (відп. редактор), Г. В. Єйгер, А. І. Дородних, Л. В. Конопельцева (відп. секретар), В. Г. Пасинок, О. В. Тарасова, Л. М. Черноватий.

Адреса редакційної колегії: Україна, 310077, Харків-77, пл. Свободи, 4, Харківський державний університет, факультет іноземних мов, тел. 45-75-04

В 4602010000
96

О. П. Андреева, канд. филол. наук
Э. Г. Паповяниц, канд. филол. наук

РАЗВИТИЕ ИСЧИСЛЯЕМЫХ ЗНАЧЕНИЙ У НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Явление внутреннего гипостазиса, под которым понимается внутрилексальная конверсия, предполагает возникновение в границах лексемы варианта с иной субкатегориальной характеристикой. В результате внутреннего гипостазиса происходит развитие исчисляемых значений у неисчисляемых существительных и обратный процесс.

Как показал анализ лингвистического материала, в подавляющем большинстве случаев (86%) сдвиг происходит по линии неисчисляемое → исчисляемое существительное.

Можно предположить, что такое существенное преобладание случаев внутреннего гипостазиса по линии неисчисляемое → исчисляемое обусловлено: 1) семантическими потребностями; 2) нивелирующим влиянием системы языка, в которой существует этот процесс, поскольку подавляющее большинство существительных обладает бинарной оппозицией числа. Употребление исчисляемого существительного как неисчисляемого не имеет такого морфологического подкрепления.

Функциональное назначение перехода неисчисляемых существительных в исчисляемые может быть различным: в первую очередь — заполнение лексических лагун путем экономного способа выражения значения дистрибутивной множественности, а также достижение определенного стилистико-прагматического эффекта. Внутренний гипостазис при изменениях подобного рода сопровождается семантическим сдвигом метонимического характера, в основе которого лежит: 1) утрата значения неискренности; 2) развитие значения дистрибутивной множественности, свойственное конкретно-единичным существительным.

Одной из задач исследования было выяснение вопроса, проявляет ли внутренний гипостазис какую-либо избирательность к лексическим характеристикам существительных. Анализ показал, что развитие значений исчисляемости у неисчисляемых существительных протекает с неодинаковой степенью активности в разных семантических группах.

1. Наиболее широко, примерно в 74% случаев, этот процесс затрагивает существительные абстрактные, у которых в их основном словарном толковании сигнификативные признаки преобладают над денотативными. Их в свою очередь можно подразделить на следующие семантические подгруппы: а) 70% составляют абстрактные существительные, обозначающие чувства, состояния, умственную деятельность людей, черты их характера, дающие характеристику отношений между людьми, например: *adorations, anguishes, astonishments, despairs, brutalizations, distresses, meannesses, snobberies, softnesses* и др.

1. And, in that the audience enjoy the brutalizations, don't such films threaten to turn people off the future...? (Morning Star);

2. But it frankly exploited the racial and religious hatreds of the sub-merged catholic peasantry (Pahenham).

6) Следующую подгруппу, которая представлена в 4% случаев (из 74%), составляют существительные нарицательные, отвлеченные, обозначающие политические понятия, явления и события социально-политической жизни, например: *capitalisms, colonizations, insecurities, nationalisms, regressions, violences*.

1) The minor nationalisms seemed to have vanished (Snow).

2) Africa poses a problem to the advanced capitalisms (Labour Monthly).

В словарях все эти нарицательные, отвлеченные существительные, приведенные выше в обеих группах, зарегистрированы как неисчисляемые.

Многие лингвисты [Воронцова, с. 335; Есперсен, с. 214—246; Ярцева, с. 31] связывают появление форм множественного числа у абстрактных существительных с их конкретизацией, под которой понимается полное стирание значения абстрактности и перехода их в конкретную лексику.

Действительно, в целом ряде случаев употребление абстрактных существительных во множественном числе зафиксировано словарями и является возможным вследствие метонимического переноса значения абстрактного понятия на конкретный материальный объект, в результате чего существительное становится исчисляемым, классообразующим, например: *a work(s)* — произведение(я), *a love(s)* — человек, которого любят, *an acquaintance(s)* — знакомый(ые).

Однако, в других случаях изменения в семантике абстрактных существительных в форме множественного числа не дают основания говорить о конкретизации их значения в смысле перехода их в конкретную лексику, т. е. полного стирания значения абстрактности. Изменения, которые происходят в семантике таких, например, существительных как *“behaviors”, “anguishes”* недостаточны для того, чтобы исключить их из числа абстрактных, поскольку отдельные проявления свойств, качеств, как и сами свойства, не имеют в качестве своих денотатов реально существующие предметы.

II. Достаточно активно, примерно в 25% случаев, процесс внутреннего гипостазиса по линии развития исчисляемых значений затрагивает также существительные нарицательные, конкретные, обозначающие вещество, материал, такие как: *bloods, breads, dusts, gins, golds, greases, inks, margarines, milks*.

Данные существительные приобретают значения исчисляемости при обозначении: а) сортов вещества, т. е. в большинстве случаев (примерно 15%) исчисляемость реализуется как сема сортности:

1) Numerous classes of inks have been developed for specific purposes (Kirk).

2) Some of soft margarines are made only with vegetable oils and the ingredients will state “edible vegetable oils” (Woman).

В подобных случаях происходит семантический сдвиг — метонимический перенос значения “вещество” — “разновидности, сорта вещества”. Функциональным назначением переносов подобного рода является заполнение семантических лакун, т. к. в языке нет других средств экономного выражения “сорта, разновидности вещества”, т. е. речь идет о развитии производных значений и обусловленных ими морфологических сдвигах.

Если язык не прибегает к гипостазису, он использует словосочетания, включающие *sort, kind, variete*, т. е. менее экономные способы номинации.

б) В пределах II группы (существительные нарицательные, конкретные, обозначающие вещество, материал), примерно 5% из 25% составляют существительные типа: *beers, breads, coals, coffees, gins, martinis, milks, teas* и др., у которых посредством внутреннего гипостазиса развиваются значения "порции чего-либо":

1) *He was drinking a martini. Lomax called the safragi to bring more Martinis (Manning).*

2) *They dined on half grapefruit and shirred eggs and hot breads... (Doctorow).*

в) Примерно 1/5 примеров в пределах II группы составляют вещественные существительные типа: *bronzes, glasses, jades, ivories* и др., которые, утрачивая значения неискренности обозначают не вещество вообще, а конкретные предметы, сделанные или состоящие из данного вещества:

1) *We had drunk our first glasses of port in the library (Snow).*

2) *The holds of his ships were filled with collections of paintings, rare manuscripts, jades, bronzes, crystal (Doctorow).*

Следует отметить, что в тех случаях, когда внутренний гипостазис используется для обозначения предметов, состоящих или сделанных из этого вещества, таких как *glass, iron*, он является единственным средством, с помощью которого эти предметы находят наименование в языке.

III. Особую подгруппу (1%) составляют существительные конкретные, обозначающие предметы, единственные в своем роде (Уника), которые в результате внутреннего гипостазиса становятся нарицательными исчисляемыми существительными:

1) *Most of dandelions had changed from suns to moons (Bradbury).*

2) *There ought to have been amoon (Kipling).*

Как справедливо отмечает Маркарян Р. С., образование форм множественного числа у этих существительных является возможным в результате семантического сдвига в сторону проявления нарицательности и связано с расширением границ нашего познания, объема наших научных сведений.

Итак, внутренний гипостазис по линии развития исчисляемости у неисчисляемых существительных происходит чаще всего в границах определенных семантических групп. Развитие двудерности у одноядерных абстрактных или вещественных существительных не предполагает возникновения новой лексемы и коренного изменения их содержания. Изменения, которые происходят в семантике абстрактных существительных при внутреннем гипостазисе по линии развития исчисляемости, не всегда свидетельствуют о деабстрагировании их значений.

Список литературы: 1. Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 399 с. 2. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. — 404 с. 3. Маркарян Р. А. Типы семантического противодействия в сфере формообразования: Дисс. д-ра филос. наук. — Ереван, 1974. — 544 с. 4. Ярцева В. Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 5—57.

РЕФЛЕКСИЯ В ДИАЛОГЕ И ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ И ЛОЖНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Истинность и ложность высказывания в языкознании не изучались специально, так как высказывание, с лингвистической точки зрения, не имеет маркеров истинности и ложности. Однако маркеры истинности и ложности высказывания проявляются в лингвистическом аспекте в том случае, если эти логические характеристики высказывания необходимо подчеркнуть. Это можно сделать при помощи отрицания, фраз типа “То, что ты говоришь, неверно”, “это неправильно”, “это верно”, “врешь”, “неправда” и др.

Кроме того, (в рамках “системной лингвистики”), могут изучаться лексические средства выражения концепта “ложь” — “истина”, а также многообразные случаи переноса значений, и — одно из самых важных направлений — “манипуляция словом” — намеренное смягчение характеристик денотатов, выражаемых определенными понятиями.

В данной статье понятия истинности и ложности рассматриваются с прагмалингвистической точки зрения. Здесь эти понятия весьма существенны. От них зависит и понимание коммуникантов, и результат их совместной деятельности.

В данной статье рассматривается в общем виде одна частная, хотя и важная проблема — проблема реакции на истинность и ложность высказывания в диалогической речи в связи с рефлексией партнеров коммуникации о собственной речи и о речи и мыслях коммуникантов (партнеров по коммуникации). Это важно как для понимания диалогической речи в целом, так и для обучения языковым средствам реакции на истинность и ложность высказывания в определенных типичных ситуациях и выборе средств для маркировки этой прагматической категории.

Д. Болинджер в своей статье “Истина — проблема лингвистическая” [Болинджер Д., 1987: 30] пишет, что все то, что может быть использовано находящимися в коммуникации сторонами для засорения канала общения и не является при этом результатом случайности, это ложь. Не требуя, чтобы она обязательно была преднамеренной, он стремится представить ложь в настолько черном свете, насколько это возможно. Конечно, сознательная и преднамеренная ложь существует, но бывает также ложь, вошедшая в обыкновение. Кроме того, есть люди, искренне верящие в то, что они сообщают, и есть правители, которые в своей деятельности руководствуются представлениями о маленькой лжи как части большой правды или о том, что если вы чего-то не знаете, то вам же спокойнее. Таким образом, ложь бывает не только явной и очевидной, но также скрытой и даже неосознанной; истина, напротив, всегда основывается на активности говорящего, на его готовности поделиться имеющейся у него информацией. С позицией Болинджера согласны и другие лингвисты, которые начали исследовать ложь в лингвистическом аспекте. Так, например, Е. И. Морозова [Морозова, 1982: 89] выдвигает следующие проблемы изучения истинности и ложности в прагмалингвистическом аспекте:

- проблема интенции лжи;
- ложь и молчание;

- ложь с помощью слов и предложений;
- ложь в аспекте теории речевых актов.

С точки зрения оптимизации речевого сообщения проблему истинности и ложности рассматривает В. И. Свинцов в статье "Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы совершенствования речевого сообщения" [Свинцов, 1980: 68]. В этой работе автор на основе обобщения ряда работ логиков и философов связывает понятия истинности и ложности с понятиями аргументации, заблуждения и др. Предлагается их рассмотрение на широком фоне коммуникативных процессов.

Естественно, что перечисленными проблемами прагматингвистическое изучение истинности и лжи не исчерпывается.

Рассмотрим следующие случаи отношения слушающего и говорящего к высказыванию — собственному или чужому. Речь пока идет не о систематизации этих случаев, а о некоторых наметках их дальнейшей разработки. При этом истинность и ложность высказывания оцениваются с точки зрения фоновых знаний говорящего, знаний о ситуации и знаний партнеров по коммуникации друг о друге — говорящего о слушающем.

1. Говорящий сообщает ложное высказывание. Здесь выполняются следующие ситуационные условия: а) говорящий сообщает ложное высказывание, но он не знает, что его высказывание ложно; б) слушающий знает, что высказывание ложно и знает о том, что говорящий не знает этого. Типичными примерами являются ошибочные ответы учеников, вызванные незнанием или неполным знанием об изучаемых предметах, а также отсутствием других фоновых и ситуационных знаний. В этом случае речевыми реакциями могут быть фразы типа "это неверно", "неправильно", "ошибочно", "это не так" и др., которые еще предстоит изучить и систематизировать.

2. Говорящий сообщает ложное высказывание и знает об этом. Его цель: ввести в заблуждение слушающего. Слушающий знает о том, что говорящий высказывает ложное суждение и знает о том, что говорящий не знает о том, что слушающий знает об этом. Например,

- Я вчера вечером работал в библиотеке.
- Врешь. Ты был у Нины.

— Дорогая, я задержался на работе. У нас было собрание.

— Врешь. Я знаю, что тебя сегодня вообще не было на работе.

— Что Вам нужно?!...

— Письма Вашего любовника ...

— Их здесь нет, — сказала она... но... он понял, что угадал верно.

(Л. Толстой "Анна Каренина")

В последнем случае ложь можно назвать противоречивой: утверждается наличие события, противоречиво противоположного тому, что было в действительности [Левин, 1974: 111].

3. Говорящий знает о том, что сообщает ложную информацию и знает о том, что слушающий знает об этом. В этом случае слушающий может не давать оценки высказыванию, а наоборот, показать своей репликой, что солидаризируется с ним. Типичным примером могут служить фольклорные произведения типа рассказов о хвастовстве, "проделки хитрецов" и др. Например,

- Ты знаешь, что мой дедушка высоко в небе над облаками.
- А мой дедушка выше него!

- Почему?
- Он там на что-то твердое натыкался?
- Да.
- Так это были ноги моего дедушки.

Übertrumpft.

“Ich sah einst einen Hungerkünstler, der was so mager, daß er keinen Schatten warf”.
“Oh, ich kannte einen, der saß auf einer Bank. Die Maler kamen, strichen die Bank an und merkten gar nicht, daß jemand darauf saß” (Kennen Sie denn? 1963: 17)

Naturalismus.

Sebastian und Fridolin streiten sich über die Malkunst. “Ich habe neulich einen Fuchs so natürlich gemalt”, behauptet Fridolin, “daß mein alter Dackel Tatzelwurm stundenlangdas Bild anbellte”.

“Dass ist doch keine Leistung”, sagte Sebastian, “ich ich habe kürzlich eine Stehlampe gemalt und mit diesem Bild derartige Lichteffekte erzielt, das meine Stromrechnungen um fünfzig Prozent niedriger geworden sind!” (Kennen Sie denn? 1963: 25).

В этих случаях не содержится прямой оценки высказывания, но несомненно, что говорящий и слушающий знают о том, что оба лгут. Реакция слушающего, который хвастается еще больше, чем его партнер по коммуникации, выражается в том, что имплицитно подразумевается: “согласен с тобой, такое может быть, но вот случай еще более удивительный”.

В принципе те же условия соблюдаются и в ситуации, когда говорящий не хочет огорчить слушающего путем прямого высказывания неприятного суждения, но слушающий знает об этом. Например,

Несколько месяцев спустя они случайно встретились в том же парке. Джек, зная о неизлечимой болезни Ларри и заметив, как ужасно он изменился за это время, заговорил спокойно и непринужденно.

— Старик, как здорово, что я тебя встретил. На следующей неделе мой вернисаж. Я буду рад тебя видеть.

— Я очень рад за тебя и обязательно прииду, — ответил Ларри, вновь почувствовав себя нужным и на какое-то мгновение забыв о страшном недуге, не позволявшем ему строить какие-либо планы.

4. Говорящий сообщает ложное высказывание, слушающий не знает ложно оно или истинно и путем определенной речевой стратегии хочет установить это. При этом, в ходе речевой деятельности он может подвергать сомнению утверждение говорящего, задавать дополнительные вопросы, ставить логические ловушки, отрицать истинность высказывания, не будучи убежденным в этом. Типичной ситуацией является допрос подозреваемого, обвиняемого или свидетеля. Здесь возможны и варианты, связанные с различными предположениями коммуникантов:

а) подозреваемый (свидетель, преступник) может догадываться, что следователь знает истину и хочет лишь ее официального подтверждения;

б) подозреваемый (свидетель, преступник) может догадываться, что следователь не знает истину;

в) подозреваемый говорит истину, а следователь считает, что это сообщение ложное;

г) следователь знает, что подозреваемый (свидетель, преступник) сообщает истину, но хочет добиться того, чтобы подозреваемый признал свое собственное высказывание ложным. Психо-физиологический аспект

этой проблемы затрагивает В. И. Свинцов в статье "Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы самосовершенствования речевого сообщения". [Свинцов, 1980: 68]. Во всех этих случаях в ходе диалога возможно использование различных средств, характеризующих истинность и ложность высказывания; дальнейшее изучение проблемы реакции на истинность и ложность высказывания в диалоге предполагает изучение таких проблем как дезинформация, манипуляция сознанием, демагогия, полуправда, способы искажения истины т.п. Опираясь на имеющиеся результаты исследования этих проблем, можно будет разработать методику анализа реакции на истинность и ложность высказываний и построить соответствующие модели.

Список литературы: 1. Болинджер Д. Истина — проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987; 2. Морозова Е. И. К вопросу о лингвистике лжи // Вестник Харьковского университета № 367, 1992; 3. Левин Ю. И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики, автоматического перевода. М., 1974, выпуск № 4; 4. Свинцов В. И. Истинностные аспекты коммуникации и проблемы совершенствования речевого сообщения // Оптимизация речевого воздействия / [Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомоллова и др.]; отв. ред. Р. Г. Котов, М., 1990.

*Бахарева Е. Н., канд. филол. наук
Беляева И. А., канд. филол. наук*

ВЫСКАЗЫВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО НАМЕРЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

В выявлении прагматической значимости высказывания мы видим наиболее перспективный подход к изучению функциональной стороны языка. За исходную посылку при этом принимается положение о том, что прагматика интересуется не тем, что значит данное высказывание, а тем, как и с какой целью оно употребляется [Hallerland, Mey : 8].

Подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств лежат в основе описываемого в данной статье анализа речевых единиц.

Мы рассматриваем высказывания, продуцируя которые говорящий выражает свое положительное или отрицательное отношение к предмету коммуникации. Речь идет о высказываниях субъективной оценки (ВСО). Данные речевые единицы выступают вариантами вербальной репрезентации соотношения между объектом оценки и оценочным признаком, которое устанавливается субъектом оценки при осуществлении акта оценки в процессе речевого взаимодействия. На основании сказанного, семантический инвариант рассматриваемых высказываний может быть представлен моделью *X be good/bad* (*X* — обозначение объекта оценки, *be* — предикат-

ная связка, good/bad — оценочный признак “положительность”/”отрицательность”. Таким образом, модель *x be good/bad* передает в обобщенном виде пропозициональное содержание рассматриваемых высказываний субъективной оценки.

В речевом взаимодействии выражение оценки выступает компонентом общего коммуникативного намерения говорящего. В данной статье приводятся результаты наблюдений за оценочными высказываниями, которые употребляются говорящим для ответа на определенную реплику партнера по коммуникации.

Как показывает анализ, свойства ВСО обусловлены характером речевого акта, в рамках которого они функционируют. На основании соотношения “стимул — реакция” можно выделить такие параметры рассматриваемых единиц как инициативность и детерминированность. Соответственно, мы говорим об инициативных и реактивных высказываниях субъективной оценки.

Реактивные ВСО продуцируются говорящим в составе ответного речевого хода адресата и являются непосредственно детерминированными предшествующей репликой адресанта. Обратимся к наиболее типичным случаям функционирования реактивных высказываний субъективной оценки.

Как свидетельствуют полученные результаты, наибольшей частотностью среди реактивных ВСО характеризуются высказывания, выступающие реакциями на реплику типа “сообщение”. Суть данной исходной реплики можно определить как осуществляемое по собственной инициативе адресанта информирование партнера по коммуникации. Таким образом адресант производит такое информирование, продуцируя высказывания, которые, как и А. А. Калита, мы называем “обобщенно-информативными высказываниями” [Калита : 9].

Согласно полученным данным, наибольший корпус составляют ВСО, выступающие реакциями на **репрезентатив**, используемый адресантом для информирования собеседника о реальных фактах, имевших место в действительности. Например:

‘I’ve booked at the Sawley Arms.’

‘*Fine hotel, that.*’ (Le Carre)

В ответ на сообщение Смайли (адресанта) о том, что он устроился в гостинице “Sawley Arms”, инспектор Ригби (адресат) продуцирует ВСО *Fine hotel, that*. Данное высказывание выступает средством манифестации частной оценки, посредством чего адресат оценивает положительно пропозициональное содержание всей реплики адресата.

В рамках рассматриваемой коммуникативной модели выделяются ВСО, следующие за так называемым “фотографическим” репрезентативом, продуцируя который субъект речи комментирует происходящее в момент говорения:

‘There comes Cohn,’ I said. Robert Cohn was crossing the street.

‘*That moron,*’ Harvey said. (Hemingway)

Стимулом для ВСО может выступать репрезентатив, передающий оценочное мнение “третьего лица”. В этом случае отправитель исходного высказывания не является тождественным субъекту оценки. Продуцент исходной реплики лишь “ретранслирует” оценочное мнение субъекта оценки, который не является непосредственным участником рассматриваемой интеракции:

Hattie. Sonny Jenkins says your father is crazy.

Paris. *That runty screwball.* I beat’t him up. (McCuller)

Исходная реплика Хэтти сообщает об отрицательном мнении Дженкинза — “третьего лица” — по поводу отца Пэриса. Произносится *That runty screw-ball* — *Этот малорослый сумасброд*, Пэрис вербализует свою оценку с признаком “отрицательность” Дженкинза, который оказывается субъектом оценки.

Большой интерес вызывают реактивные оценочные высказывания, детерминированные репликой адресанта, носящей также оценочный характер. При экспликации своего субъективного отношения к предмету речи, получившего аксиологический статус из предыдущей реплики — оценочного высказывания адресанта, адресат **подкрепляет** высказанную ранее оценку. Естественно, это происходит лишь в том случае, когда имеет место совпадение оценочных признаков, эксплицированных обоими коммуникантами, как например:

Captain Grimas linked arms with him outside the dining-hall.

‘Filthy meal, isn’t it, old boy?’ he said.

‘*Pretty bad*,’ said Paul. (Waugh)

Приведенный пример иллюстрирует совпадение оценок двух коммуникантов. Реактивное ВСО *Pretty bad* — *очень плохая* передает отношение Поля к еде, отрицательная оценка которой уже высказана Граймсом в предыдущей реплике-стимуле ‘Filthy meal, isn’t it, old boy?’

В том случае, когда коммуниканты выражают разнополюсные оценочные признаки по поводу одного и того же объекта оценки, создается то, что можно назвать, вслед за М. С. Ретунской, “оценочной полифонией” [Ретунская : 84].

‘Your work here would make a good cover if you were in with Effie,’ said the lawyer.

‘*A very bad cover*. The police aren’t really convinced by my story.’ (Spark)

Своей исходной репликой адресант (Стюард) высказывает мнение о том, что работа над книгой об Иове в отдаленной французской деревне была бы хорошим прикрытием для Гарви: ‘Your work here would make a good cover if you were in with Effie’. Продуцируемая оценка характеризуется признаком “положительность”, на что указывает прилагательное good. Реактивное ВСО адресата (Гарви) *A very bad cover* — *Очень плохое прикрытие* выражает оценку того же объекта оценки с признаком “отрицательность”. Маркером оценочного признака “отрицательность” выступает прилагательное *bad*.

По разнополюсным оценочным признакам, характеризующим разные аспекты одного и того же объекта оценки, можно судить о дифференциальном субъективном подходе говорящих к предмету речи, а также о личностных качествах самих субъектов оценки.

‘Well, at least he’s a hard worker during the week.

‘*A brilliant teacher*,’ said doe-eyed Grace.

‘*Middling as a schoolmaster*,’ Gwen said (Spark)

Посредством ВСО *A brilliant teacher* — *блестящий учитель*, Грэйс (адресант) положительно характеризует Ричарда, на что Гвен (адресат) отвечает *Middling as a schoolmaster* — *Средний как школьный учитель*. Объект оценки указанных двух оценочных высказываний один и тот же — Ричард. Однако в первом случае он оценивается в целом (общая оценка, продуцируемая Грэйс), а во втором случае говорящий (Гвен) выражает свое отношение к объекту более узко, выделяя в нем определенный аспект — способности Ричарда быть школьным учителем. Оценка, передаваемая через реактивное ВСО, предполагает некоторое снижение “положительности”, на что

указывает определение “*middling*” — “средний” в высказывании *Middling as a schoolmaster*.

Экспликацию коммуникантами разнополюсных признаков объекта оценки можно трактовать следующим образом: адресат корректирует оценку предмета речи, выраженную адресантом. Так, в только что рассмотренном случае ВСО *Middling as a schoolmaster* передает оценку с признаком “отрицательность” в ответ на высказывание *A brilliant teacher*, посредством которого говорящий выражает положительную оценку предмета речи. Таким образом производится корректировка оценки предмета речи. Можно сказать, что в данном случае оценочный признак “положительность” трансформируется адресатом в оценочный признак “отрицательность”.

Результаты наблюдений позволяют также говорить о том, что адресат может осуществить “нейтрализацию” оценочного признака, эксплицитированного адресантом.

Представленное в данной статье является лишь небольшим фрагментом наблюдений за функционированием в интеракции речевых единиц, выступающих средством репрезентации оценочного мнения говорящего по поводу предмета речи.

Список литературы: 1. Калита А. А. Интонация Констатирующих высказываний в английской монологической и диалогической речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Киев, 1986. — 23 с. 2. Ретунская М. С. Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речевой деятельности // Человек и речевая деятельность: Вестн. Харьк. ун-та, 1989. — № 339. — С. 81—85. 3. Haberland H., Mey J. Editorial: Linguistics and Pragmatics // Journal of Pragmatics, 1978. — № 1. — P. 1—12.

Безуглая Л. Р.

РАЗВИТИЕ ГИПЕРЭКСПЛИЦИТНЫХ КВЕСИТИВОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Привлечение исторического измерения или, по словам Х. Дрекслера, “историзация” прагмалингвистики [3, с. 69] характеризует современный этап ее развития. Задача диахронического исследования речевых актов занимает одно из центральных мест в постановке историкопрагматических проблем.

Наша трактовка понятия “речевой акт” восходит к основному тезису Б. Шлибен-Ланге: “Речевые акты необходимо рассматривать в конкретных, общественно-исторических контекстах”, поскольку “не существует универсальных речевых действий, существуют лишь исторически определенные, культурно-специфичные, конвенционализированные речевые действия” [6, с. 114]. Имеет некоторые культурно-специфичные особенности и вопросительный речевой акт — квеситив, хотя, на первый взгляд, реализация его может показаться универсальной.

Тенденции в развитии квеситива наиболее полно проявляются при сопоставительном изучении нескольких близкородственных языков. Для

диахронического анализа квеситивов нами были избраны немецкий и английский языки. Исследование, проведенное на материале драматических текстов (19 авторов, 5990 примеров сплошной выборки), позволило установить три класса квеситивов на основании эксплицитности выражения иллокутивной силы вопроса. Основные характеристики квеситива — ситуация вопроса и побуждение к речевому действию. [8, с. 181, 211], выражены в этих классах не в одинаковой мере.

Первый класс представлен эксплицитными квеситивами, реализуемыми вопросительными конструкциями. Ситуация вопроса, предполагающая состояние когнитивного дефицита у говорящего, соотносится здесь с открытым пропозициональным содержанием. Побуждение к речевому действию выражено структурно-интонационными особенностями вопросительного предложения. Поскольку структура предложения, реализующего речевой акт, является одним из основных иллокутивных индикаторов [7, с. 53], можно утверждать, что в данных квеситивах иллокутивная сила вопроса выражена эксплицитно.

Второй класс включает имплицитные квеситивы, представляющие собой косвенные речевые акты, реализованные побудительными либо утвердительными конструкциями. Иллокутивная сила вопроса выражена здесь имплицитно и неравномерно: в квеситивах, представленных побудительными предложениями, побуждение к речевому действию проявляется более сильно, чем состояние когнитивного дефицита говорящего. В квеситивах, реализуемых утвердительными предложениями, степень выраженности когнитивного дефицита сильнее, поскольку данное состояние говорящий декларирует перформативно (*I want to know; Ich weiss nicht* и т.п.).

К третьему классу мы относим гиперэксплицитные квеситивы, характеризующиеся избыточной выраженностью иллокутивной силы вопроса. В данном случае квеситив, реализуемый вопросительным предложением, сопровождается так называемым маркером вопросительности, акцентирующим иллокутивную силу вопроса.

Гиперэксплицитные квеситивы были распространены в немецком и английском языках 16-го века. Проведенное исследование позволяет назвать их использование характерной чертой немецкой речи 16-го века: более половины всех исследованных квеситивов сопровождается маркерами вопросительности. Персонажи английской драмы 16-го века употребляют маркеры вопросительности при квеситивах в 10% анализируемых речевых актов. Вероятно, в более поздние периоды использование маркеров вопросительности было доминирующим способом реализации квеситивов в обоих языках, однако в немецком языке процесс элиминирования маркеров проходил медленнее. Это можно связать с тем общеизвестным фактом, что сложность и противоречивость общественного развития Германии 16-го века отражалась и на языковых процессах: действие объединительных тенденций в языке замедлялось стойкостью диалектной изоляции отдельных областей.

В 18-ом веке частотность гиперэксплицитных квеситивов в языке английской драмы не изменяется, а в языке немецкой драмы сокращается до 10%. В современный период гиперэксплицитные квеситивы составляют в обоих языках лишь 2% исследованных речевых актов.

Таким образом, развитие квеситивов данных языков в 16—20 вв. характеризуется тенденцией к сокращению эксплицитности выражения иллокутивной силы вопроса, т. е. к сокращению прагматического объема вопро-

сительных речевых актов. Данная тенденция является частным проявлением универсальной тенденции к экономике языковых средств, упрощению речи. По словам Р. А. Будагова, "смысл высказывания в конце концов передавался и в старом языке. Но передавался с большой затратой средств, чем в новом языке. Вот в этом смысле можно говорить о совершенствовании ресурсов языка в процессе его исторического движения" [2, с. 94].

Наблюдаются также структурные изменения маркеров вопросительности исследуемых языков. Если в 16—18 вв. среди маркеров преобладали побудительные конструкции (answer, tell, speak, say, instruct, discuss, let me know/hear/see..., sag (an/her), rate zu, red an, lass mir verstehen, to mir bekannt/kund/sagen, tu mich bescheiden...), то в современной речи чаще встречаются утвердительные конструкции и лексемы, отражающие состояние когнитивного дефицита говорящего (I wonder, I want to ask/know, as a matter of interest, I don't know; ich verstehe nicht, tat/wurd mich interessieren, ich will wissen...). Кроме того, в качестве маркеров вопросительности могут функционировать вопросительные конструкции (Can you tell me?, How say you? May I ask?...; Was redst du dazu?, Kannst du sagen?, Darf ich fragen?...) и перфоративные выражения (I say, I beseech, I pray, prithee...; Ich frage dich...). Последние более распространены в английском языке 16—18 вв., чем в немецком.

Национально-специфичной особенностью квеситивов английского языка 16-го века является функционирование в качестве маркеров вопросительности местоимений *what* и *why* в препозиции к квеситиву:

Voltore: Why, what success?

Mosca: Most hapless! You must help, sir.

(B. Jonson. Volpone or the Fox. A.III, S.2).

Однако уже в 16-м веке данные локуции усиливают эмоциональную тональность квеситивов, а в 18-м веке они полностью перешли в разряд междометий — индикаторов иллюкутивной силы выражения эмоций [1 с. 49]. В языке современной немецкой драмы функционирует эквивалент английского маркера 16-го века *what* — вопросительное местоимение *was*, которое, однако, может занимать и постпозицию по отношению к квеситиву.

Имеет место и другое позиционное различие маркеров вопросительности немецкого и английского языков 16—20 вв.: немецкие маркеры, в отличие от английских, никогда не занимают интерпозицию в квеситиве.

Изменению подверглись и функциональные характеристики маркеров вопросительности. В 16-м веке основной их функцией было усиление иллюкутивной силы вопроса, стимулирование адресата к ответу. В 18—20 вв. идет смещение приоритета функций в пользу экспрессивной и этикетной. Часто маркеры вопросительности употребляются в ситуациях, где их таковыми назвать уже нельзя: они индицируют иллюкутивную силу выражения эмоций —

Mrs Malaprop: Why, thou perverse one! — Tell me what you can object to in him? — Isn't he a handsome man? — Tell me that. A genteel man? A pretty figure of a man?

Lydia: She little thinks whom she is praising.

(Sheridan. The Rivals. A.IV, S.1),

либо функционируют в качестве этикетных клише —

Julchen: Es kommt jemand zu mir...

Fischer: Und darf man sich nicht erkundigen, was ist das für jemand?

(S.Lenz. Die buhlschwester. A.I, S.6).

Различия в функционировании гиперэксплицитных квеситивов немецкого и английского языков проявляются на уровне регламентирующей функции маркеров вопросительности. Они способны в большей или меньшей степени отражать позицию каждого из участников общения в биосоциальной иерархии общества, а именно, с точки зрения половых, возрастных, социальных признаков коммуникантов, их родственных связей и степени знакомства.

В английском языке 16-го века выбор маркера вопросительности говорящим зависит от социального статуса его и адресата. Так, маркеры *come, prithe, discuss, speak, tell, answer, let me hear/know/see* встречаются только в ситуациях, где коммуниканты равны по статусу, либо говорящий стоит на более высокой ступени социально-иерархической лестницы, чем адресат. Маркеры *I pray, I beech* употребляет говорящий, равный по статусу адресату либо ниже его.

В немецком языке 16-го века, как и в английском, биосоциальные различия коммуникантов влияют на функционирование маркеров вопросительности. Однако, в английском языке это проявляется на уровне лексики, в немецком — на уровне грамматики. Если в английском языке тот или иной маркер сигнализирует социальные и ролевые отношения коммуникантов, то в немецком эту функцию выполняют грамматические формы одной и той же лексемы, что объясняется наличием в системе немецкого языка 16-го века грамматической оппозиции форм повелительного наклонения *sag-sagt-tu sagen-tut sagen* и т. п. Поэтому социальные отношения коммуникантов обуславливают выбор ими не самого маркера, а лишь его грамматической формы.

В 18—20 вв. регламентирующие свойства маркеров вопросительности ослабевают, поскольку социальное расслоение общества становится менее выраженным. Это находит свое отражение в развитии употребления местоименных форм обращения в составе данных маркеров [5, с. 252].

В квеситивах 16-го века наблюдаем вариативность местоимений *thou/you* в английском языке и *du/ihr/Ihr* в немецком. Варианты местоимения 2-го лица имеют определенную функциональную нагрузку, которая в исследуемых языках является различной.

Выбор говорящим личного местоимения по отношению к адресату в английском языке 16-го века носит регламентно обусловленный характер, т. е. определяется их биосоциальным статусом. Форма *you* употребляется при обращении к вышестоящему или в ситуации равенства коммуникантов из высшего сословия. Местоимение *thou* свидетельствует о социальном снисхождении. В ситуации коммуникантов из высшего сословия встречаются квеситивы и с местоимением *thou* — в случае выражения приятельского расположения или как следствие различных эмоций.

В квеситивах немецкого языка 16-го века варианты местоимения 2-го лица, так же, как английского, выполняют социально-регламентирующую функцию. Для выражения социального равенства или снисхождения употребляются местоимения *du/dir./dich* в единственном числе и *ihr/each* во множественном. В ответ ожидается форма *Ihr/Each*. Однако, данная форма может функционировать в вежливом вопросе независимо от социального статуса коммуникантов. Немецкое местоимение *du* встречается, в отличие от английского *thou*, и в ситуации социального неравенства. В немецком языке 16-го века возможно обращение на *du* низшего к вышестоящему.

Развитие местоименных форм обращения в исследуемых языках 16—20 вв. идет в противоположных направлениях: английский язык в 18-м веке теряет форму *thou*, немецкий язык располагает в 18-м веке более развернутой оппозицией грамматических форм обращения: помимо местоимений *du/ihr/Ihr* персонажи драм “Бури и натиска” употребляют формы 3-го лица *Er/Sie* (ед. число)/*Sie* (мн. число). Обращение на *du* обуславливается доверительностью в отношениях либо более высоким социальным статусом, форма *Ihr* указывает на авторитет адресата, *Sie* (мн. число) является отражением возвышенного стандарта общения, *Er/Sie* (ед. число) устанавливает дистанцию между говорящими [4, с. 120]. В современном немецком языке варьирует доверительное *du* и вежливое *Sie*, причем немецкие исследователи отмечают тенденцию к “демократизации” обращения, все предпочтительнее становится форма *du* [5, с. 246]. Выбор форм маркера *sag/sagt/sagen Sie* обусловлен прежде всего стратегией вежливости.

Таким образом, развитие квеситивов в немецком и английском языках связано с тенденцией к устранению гиперэксплицитности их выражения. Маркеры вопросительности, являвшиеся признаком гиперэксплицитных квеситивов в 16-м веке, в современной речи функционируют независимо от вопросительных речевых актов, являясь контекстуальными индикаторами иллокутивной силы выражения эмоционального состояния говорящего или метакоммуникативными клишированными формами социального этикета.

Список литературы: 1. Беркнер С.С. Проблемы развития разговорного английского языка в 16—20 вв. — Воронеж, 1978. 2. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? — Ї., 1977. 3. Dräxler H.-D. Soziolinguistik, Pragmalinguistik und Sprachgeschichte [...] — Alsbach, 1989. 4. Ehrismann O./Ramge H. Mittelhochdeutsch; Eine Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. — Tübingen, 1976. 5. Finkenstaedt T. You und Thou. Studien zur Anrede im Englischen. — Berlin, 1963. 6. Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten // Sprachtheorie und Pragmatik [...] /hrsg. von H. Weber und H. Weydt. — Tübingen, 1976. — S. 113—119. 7. Sökeland W. Indirektheit von Sprechhandlungen. — Tübingen, 1980. 8. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. — Frankfurt/M., 1976.

Е. В. Бондаренко, канд. филол. наук

ТЕМПОРАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ В “ТЕПЛОЙ” ЛИНГВИСТИКЕ (на материале американских идиом)

Гуманизация общества ставит перед современным исследователем принципиально новые по характеру задачи. Человеческий фактор, ранее считавшийся несовместимым с объективностью научного мировоззрения, сейчас приобретает все больший вес. Естественно, что эта тенденция в первую очередь затрагивает науки, непосредственно вовлеченные в изуче-

ние социальных процессов. Лингвистика, историография, психология и социология теперь обращаются к проявлениям не только общественного, но и индивидуального, личностного.

Показательным в этом отношении является возвращение к философскому наследию Бердяева ("разум большой" и "разум малый"), Соловьева, Флоренского, Хайдеггера, а также разработка их идей, в основном защищающих тезис о комплементарности мировоззрения и миропонимания, т. е. объективного, имманентной системы и субъективного, "наивной картины мира" [Апресян, с. 6; Башляр, с. 258; Цофнас, с. 6]. Нейтральной и в то же время наиболее удачной, на наш взгляд, можно считать терминологическую систему А. Ю. Цофнаса, которая описывает эти два типа мировосприятия в виде дихотомии. Так, *мировоззрение*, имеющее онтологический характер и претендующее на максимальную объективность, описывается как "холодная картина мира" (ХКМ), а *миропонимание*, субъективное, личностное восприятие окружающего — как "теплая картина мира" (ТКМ) [Цофнас, с. 8].

"Холодная картина мира" строится как независимое от автора толкование действительности. В ней нет места для суждений типа: "я думаю" или "мне кажется". Структуру ХКМ составляют законы или законоподобные утверждения, а элементами ее являются любые явления природы и жизни социума. Основное условие существования ХКМ — соответствие этих элементов закономерностям, установленным ею же самой. Элементы при этом теряют индивидуальность, все неповторимое или случайное оказывается несущественным. Человек в холодной или научной, например, лингвистической картине мира, с его гаммой чувств, ощущений, ассоциаций — лишь носитель языка или участник коммуникативного акта. Вместе с тем, современный взгляд на науку уже предусматривает, что и ХКМ формируется разумом, и в первую очередь, индивидуальным. ХКМ — это человеческое знание и поэтому оно не может быть абсолютно лишено субъективизма. Так что с точки зрения сторонников "теплой картины мира", и ХКМ является теплой, хотя и до определенной степени.

Специфика "теплой картины мира", по мнению Цофнаса, обусловлена тем, что "в ней выражается *отношение* человека к чему бы то ни было, и прежде всего, *обеспокоенность его ориентацией в мире*" [Цофнас, с. 9]. В ТКМ знание — это фрагмент внутренней жизни, "переживание", один из аспектов "жизненного мира", рожденный ассоциацией. Если образцом построения ХКМ, несомненно, является наука, то ТКМ, как правило, формирует искусство. Это, однако, не исключает возможности или даже необходимости взаимодействия ТКМ и ХКМ.

На современном этапе развития лингвистики, например, уже осознается ограниченность методологии ХКМ. По мнению Апресяна, "реконструкция наивной модели мира (или ТКМ — Е. Б.) позволяет изменить стратегию описания языковых значений, сделать ее более общей и пронацельной" [Апресян, с. 6]. В исследованиях и объяснениях языковых явлений все чаще включаются эмоциональный, психологический, ассоциативный факторы, теперь учитывается влияние настроения и состояния индивидуума на его речевую деятельность. И все же пока предпринимаются лишь робкие попытки осуществлять систематический подход к языку с точки зрения "теплой картины мира". Очевидно, сказывается малая разработанность идеологии ТКМ, давление на нее традиционного научного мировоззрения.

Первоочередным, на наш взгляд, является правильное понимание взаимоотношения ТКМ и ХКМ в лингвистике как комплементарных способов описания языковых явлений; ТКМ как дескриптивной методологии, способа выявления феноменов языка, в том числе уникальных, нехарактерных, даже случайных и ХКМ как системы, их объясняющей и классифицирующей. Кроме того, следует иметь в виду, что довольно часто материалом лингвистических исследований является художественная речь в различных проявлениях и формах, т. е. продукт индивидуального творчества, формирующего “теплую картину мира”. Анализ феноменов художественного языка, с точки зрения методологии его создания, на наш взгляд, оказывается более естественным.

В связи с тем, что основным фактором формирования ТКМ, как уже подчеркивалось, является беспокойство человека по поводу собственной ориентации в мире, выражение пространственно-временных отношений в “теплой” лингвистике представляет несомненный интерес, т. к. открывает новые подходы к изучению, например, отображения времени в языке. Известно, что построение всякого рода полей темпоральности, составление словарей-тезаурусов лексики с темпоральным семантическим наполнением производилось на основе тезиса о том, что время — есть последовательность точек на временной оси. Ни в коей мере не оспаривая его, считаем необходимым констатировать, что в модели мира человека граница ХКМ и ТКМ довольно расплывчата [Яковлева, с. 75]. Установлено, например, что русская темпорально окрашенная лексика типа существительных *секунда, миг, мгновение, момент* в рамках ТКМ, т. е. художественной поэтической и научно-публицистической литературы, обозначает не только временной промежуток, обусловленный сменой природных явлений, но и эмоциональный взрыв, целую жизнь, долгий период переживания или стечение обстоятельств. “Видимый количественный характер в действительности является качеством, которое нельзя сократить, не изменяя сущности фактов, заполняющих эту длительность”. [Яковлева, с. 89].

Подобные наблюдения открывают перспективы для изучения влияния на языковое поведение индивидуума “наивных” познаний, обиходных представлений, ассоциативных связей, что может значительно углубить знания о лексическом наполнении единиц с темпоральным значением, их сочетаемости и семантической валентности. Указанный подход также может явиться основополагающим принципом построения национального концепта времени или национальной языковой картины мира, например, английской.

Одним из первых шагов в решении такой задачи, по нашему мнению, является установление ассоциативных связей в процессе формирования темпоральной номинации в языке, выявление устойчивых и случайных понятийных корреляций, механизма их взаимодействия.

В качестве объекта данного исследования были идиомы как один из ярких образов проявления ассоциативного мышления человека.

Из корпуса 8000 американских идиом было выделено 419 темпорально окрашенных, что составило всего 4% проанализированного материала. Последняя цифра, очевидно, свидетельствует о достаточности иных, известных ХКМ способов выражения времени в языке.

Тем не менее, в американской идиоматике выявлены следующие устойчивые корреляции с понятием “время”:

— самая устойчивая, т. е. самая распространенная корреляция — “время” — “скорость” — 19,4% от всего числа темпорально окрашенных идиом: *in the twinkling of an eye; like crazy; in high gear; before you can say Jack Robinson* и т.п. Данная корреляция помимо естественных, ожидаемых понятийных отношений, типа “мера” — “время”: *in less than no time*, демонстрирует и единичные корреляции с понятием “фауна”: *in two shakes of lamb's tail; at a snail's pace; (like a bet out of hell; like a horse on fire); “оружие”: quick on the trigger; go great guns; (quick on the draw); “автомобиль”: in high gear; step on the gas!; и даже “город”: go to town;*

— следующая корреляция условно обозначена как “времяпрепровождение, пустая трата времени, ожидание” — 18,8%: *time off for good behavior; (hang around with someone); have a time of one's life* и т.п. Область указанной корреляции распространяется также на такие понятия, как “части тела”: *beat one's head against the wall; twiddle one's thumbs; time hangs heavy on one's hands;* “дыхание”: *shot the breeze; have time to catch one's breath; waist one's breath;* “фауна”: *horse around; have a whale of time; hold your horses!*; неожиданная ассоциация: “время” — “соляные копи” — *back to the salt mines;*

— корреляция относительной ориентации: “поздно — вовремя (модно) — рано” — 14,4%: *until all hours; in time; in the nick of time; at the eleventh hour; up-to-date* и т.п. Корреляция относительной ориентации в единичных случаях распространяется на следующие понятия: “скачки”: *down the wire; under the wire;* “фауна”: *till the cows come home; to go to bed with the chicken;* “мода”: *be old hat;* “кузница”: *strike while the iron is hot;* “грязь”: *stick-in-the-mud;*

— корреляция абсолютной ориентации: “прошедшее — настоящее — будущее” — 8,7%: *the here and now; one of these days; in the short run; of late* и т.п. Случайные ассоциации, связанные с данной корреляцией, распространяются на такие понятия, как: “небо”: *on the horizon; pie in the sky;* “карты”: *in the cards;* “дождь как помеха”: *get a rain ticket;*

— корреляция “время” — “человек” — 8,5%: *in the prime of life; one's second childhood; in all one's born days; at death's door* и т.п. Помимо естественных понятийных связей типа “время” — “жизнь”, “рождение”, “смерть”, существуют случайные соотнесения с понятиями типа: “семья”: *old enough to be one's father;* “карты (покер)”: *cash on one's chips;* “фауна”: *spring chicken;*

— корреляция “время” — “частотность” — 7,8%: *day in day out; by the hour; now and then; now and again* и т.п. Случайные понятийные связи здесь не распространены;

— наконец, “время” — “длительность” — 6,6%: *nine-to-five job; for days on end; one-night stand* и т.п. Данная корреляция также распространяется на понятия: “фауна”: *in a coon's age; for donkey's years;* “город”: *night on the town;* и даже “сковорода”: *flash in the pan.*

Помимо устойчивых понятийных отношений, перечисленных выше, в темпоральной идиоматической номинации существуют и единичные, случайные ассоциативные корреляции, для которых сложно найти общий семантический (понятийный) признак. Наибольший интерес в этой группе представляют идиомы без компонентов с временной семой, обладающие темпоральным семантическим наполнением. Это: *Jenny-on-the-spot* — человек, всегда находящийся в нужном месте в нужное время; *paint the town red* — шумно праздновать во время ночных городских гуляний; *have a*

brush with smb. — недолго общаться с кем-л.; go places — иметь блестящее будущее; carry smth. over — продлить срок, например, кредита. В указанной группе намечаются такие корреляции, как “время” — “цвет”; “время” — “личное имя”; “время” — “место”.

Не менее любопытную картину составляют идиомы с формальным темпоральным компонентом, не обладающим временным значением. Это идиомы типа: pull a fast one — обманывать; not to give one the time of day — пренебрегать кем-л., не симпатизировать; wait-and see attitude — скептическое отношение; have seen better days — старый, поношенный; make time with somebody — ухаживать за кем-л., флиртовать; save the day — добиться успеха при ожидаемом негативном результате. Характерно, что наиболее “популярной” в таких нетемпоральных идиомах является ассоциация с понятием “день”: not born yesterday — опытный человек; in one’s birthday suit — голый; as different as night and day — совершенно различные; as clear as the sun at noonday — ясно как день; see the light of day — видеть конец долгой работе; scare the daylights out of smb. — испугать до смерти; save the day; have seen better days; call it a day — закончить; beat the living daylight out of smb. — выбить душу из кого-л. Данное наблюдение указывает на то, что понятие “день” в действительности гораздо шире ассоциации со временем суток. Оно соотносится с такими понятиями, как “испуг”, “завершение”, “нагота”, “ясность”, “опыт”, “различие” и др.

Таким образом, анализ материала даже ограниченного объема дает убедительные, на наш взгляд, доказательства тому, что понятие времени в “теплой” лингвистике обладает очень широким ассоциативным диапазоном. В него входят несколько устойчивых корреляций: “время” — “скорость”, “времяпрепровождение, пустая трата времени, ожидание”, “рано — вовремя (модно) — поздно”, “прошедшее — настоящее — будущее”, “время” — “человек”, “время” — “частотность”, “время” — “длительность”. Кроме устойчивых, достаточно широко известных ассоциативных корреляций, в их рамках обнаруживаются понятийные отношения с далекими от времени реалиями, которые, тем не менее, углубляют общее понимание и смысловое наполнение понятия “время”.

Понятие “день”, преобладающее в составе идиом без временного значения, также оказывается неожиданно соотносенным с широким диапазоном понятий. Это дает основание предполагать наличие некоторого, а возможно, и существенного расхождения между семантическим наполнением темпоральных сем в “холодной” и “теплой” лингвистических картинах мира.

Список литературы: 1. Апресян Ю. Д. Новая стратегия описания языковых значений // Семиотика и информатика. — 1982. Вып. 28. С. 6—14. 2. Башляр Т. Новый рационализм. — М. 1987. 3. Цофнас А. Ю. Комплементарність світогляду її світорозуміння // Філософська думка і соціологічна думка. 1995/1—2. С. 5—22. 4. Яковлева Е. С. Фрагмент русской языковой картины времени // Вопросы языкознания. 1994/5. С. 73—89.

Е. Н. Бортничук, канд. филол. наук
Л. П. Пастушенко, канд. филол. наук

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ АФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Изучение словарного состава современного английского языка является одной из важнейших задач языкознания. Пополнение лексики языка, как известно, происходит по различным моделям собственной системы образования новых слов, путем заимствования готовых единиц из других языков, а также за счет расширения объема значений уже существующих слов. Однако самым ярким и определяющим процессом в развитии лексики языка выступает постоянное и интенсивное обогащение ее за счет новых, ранее неизвестных говорящих слов. Этот процесс происходит постоянно, отражая изменения в окружающем нас мире и отвечая потребностям носителей языка. Именно поэтому такое большое значение имеет изучение продуктивных способов образования новых лексических единиц, их типов и тех моделей, по которым они создаются, степени их продуктивности, активности и употребительности. Общеизвестно, что образование новых слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых аффиксальных элементов, в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования.

Словообразовательная система постоянно развивается, видоизменяется, обогащается. Изменения происходят в инвентаре словообразовательных средств, изменяются продуктивность и активность словообразовательных моделей, употребительность лексических единиц, созданных по словообразовательным моделям, возникают новые значения у уже имеющих словообразовательных моделей. Функционирование и эволюцию словообразовательной системы языка особенно наглядно отражают лексические новообразования, без анализа которых наше представление о действии словообразовательных способов, средств и моделей было бы неполным. Изучение неологизмов на каждом отдельном этапе развития языка дополняет и уточняет уже имеющиеся данные о словообразовательной системе, а также показывает характер изменений, происходящих в словарном составе языка под их воздействием и дает возможность установить особенности социально-исторического развития данного языкового коллектива. Необходимость тщательного изучения функционирования словообразовательной системы с учетом степени активности и продуктивности способов словообразования, словообразовательных средств и словообразовательных моделей на данном конкретном этапе ее развития очевидна, а помощь словарей и толковых, и двуязычных, неоценима. Одним из наиболее активных способов английского словообразования является аффиксация или прогрессивная деривация. Словообразовательная структура производного слова предполагает наличие трех обязательных элементов: основы, аффикса и модели, по которой происходит присоединение аффикса к производящей основе. Следовательно, любое аффиксальное производное является

результатом взаимодействия этих трех элементов: словообразовательная основа, исходя из своих структурных, семантических и грамматических характеристик, присоединяет к себе возможные аффиксы по объективно существующим моделям. Как известно, производные слова — вторичны, это зависимые единицы, сохраняющие формальные и семантические связи с исходными (производящими) основами, а обязательными признаками производного слова являются производность по форме и мотивированность по содержанию. Значение и структура производного слова формируются на общей основе — на основе данного производящего слова или словосочетания и данного словообразовательного средства. Как правило, производные слова фиксируются словарями. Однако, в отличие от слов, образованных по конверсии или в результате словосложения, аффиксальные производные не всегда находят отражение в словарях в виде отдельной словарной статьи. В то же время аффиксы — связанные морфемы, ряд словарей представляет их в виде самостоятельных вокабул, мотивируя это тем, что описания значений и функций аффиксов дает возможность понять производные слова, не включенные в словарь, либо производные слова не зарегистрированные словарями, но созданные по нормам языка. Как правило, словарная статья, посвященная аффиксам, содержит и словообразовательные модели, которые отражают реальные связи, существующие по линии сочетаемости, основы и аффикса. Форма представления словообразовательных моделей варьируется и может быть либо графической, либо описательной, например, одна из словообразовательных моделей с суффиксом *-er* разными словарями представлена следующим образом: толковый словарь Лонгмэн (Longman 1982) — (*v - n*): a dancer; толковый словарь А. С. Хорнби (Хорнби 1982) — (*v + er = n*): runner; Новое издание толкового словаря А. С. Хорнби (Hornby, 1989) — (*with vs forming ns*): lover; Большой англо-русский словарь (1972) “образует от глагольных основ существительные, обозначающие ...”. Что касается аффиксальных производных, то наблюдается несколько способов их представления словарями. Наиболее распространенный способ — это представление производного отдельной словарной статьей. В этом случае о слове дается полная информация: его грамматическо-семантическая категория, производное, значение, сочетаемость и т. п. При втором способе производные слова включаются в словарную статью, посвященную исходной свободной основе. Производное подается либо полностью, например, dancer, n в словарной статье dance, либо в сокращенном виде, например, в словарной статье humanism, n, даются — *ist, n, agi.*; — *istic, adj.* При такой подаче производных, словари, как правило, не дают их значений и произношений, указывается только их грамматико-семантическая категория. Число производных в словарной статье колеблется от одного до трех, реже четырех. Такое представление производных является экономным и удобным и развивает языковую компетенцию пользователя словаря. Следует отметить, что далеко не все производные могут быть представлены таким образом, а лишь те значения, которые выводимы из значения основного слова словарной статьи. К сожалению, пока не существует единого подхода к отбору аффиксальных производных и отбор производится субъективно и полностью зависит от составителей словаря. Следовательно, одно и то же производное слово может быть представлено в разных лексикографических источниках по-разному, что иногда затрудняет поиск нужного слова.

Создание унифицированной системы отбора производных для их представления в словарях будет способствовать более рациональному размещению словарного материала, а также повысит эффективность использования лексикографических источников.

Список литературы: 1. Большой англо-русский словарь в двух томах под общим руководством И. Р. Гальперина. 1972. I Т. — 822 с., II Т. — 863 с. 2. А. С. Хорнби при участии А. П. Коуи. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Специальное издание для СССР. М., I Т. — 509 с., II Т. — 527 с. 3. A. S. Hornby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fourth Edition. Chief Editor A. P. Cowie. Oxford, 1989 — 1580 p. 4. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1982. — 1303 p.

Т. В. Братусь

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН КАК ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА (к постановке вопроса)

Предмет моего исследования — “Языковые средства выражения комического в английских и американских детективах”. Актуальность этой темы состоит в том, что детектив как литературный жанр еще не был объектом специального анализа ни в лингвистическом аспекте, ни с точки зрения его этнокультурной специфики.

Прежде всего, представляется целесообразным обратить внимание на некоторые факты в истории развития жанра в Великобритании и США, которые помогут раскрыть его этнокультурную специфику в этих странах, что в дальнейшем может оказаться полезным для изучения лингвистического аспекта проблемы.

Известна точная дата рождения детективного жанра — апрель 1841 года, когда в одном из американских журналов появились три новеллы Э. По. Сам автор назвал их логическими рассказами.

Однако, хотя США и считаются родиной детектива, его появление там прошло малозаметно. Видимо, “читательская элита” относилась иронично-снижительно к только что родившемуся жанру, а для широких американских масс, недавних переселенцев и их потомков, “логические рассказы” Э. По представлялись малоинтересными, нединамичными. Да и такой их герой, как аристократ-интеллектуал Дюпен, постоянно сидящий в затемненной комнате и пространно рассуждавший о дедуктивном методе расследования, казался малоубедительным. Он совсем не воодушевлял массового американского читателя.

И только позднее Великая депрессия 1929—32 гг. привела к зарождению нового направления в жанре, когда традиционно-классический детектив стал заметно сдавать позиции. Описываемые в нем преступления и их расследования теперь, на фоне жесткой действительности, явно выглядели надуманными. На их место встали жесткие истории реальности.

Английский писатель Энтони Беркли Кокс назвал эту резкую смену акцентов “революцией в жанре”.

Для удовлетворения спроса на развлекательное чтение в это время в США стали создаваться небольшие, дешевые издания, т. н. “pulp magazines”. Наиболее популярным среди подобных изданий был журнал “Черная Маска”, который первым начал печатать произведения нового направления в детективном жанре. На его страницах публиковали свои произведения Сэмюэль Хеммет, Эрл Гарденер, Стэнли Чендлер. Их романы привлекли широкое внимание и критиков, и читателей. Все убедились и согласились с фактом; что родился новый детективный роман, с иным — совсем не похожим на прежние — привычные — героем-сыщиком: мужественным и грубоватым парнем, работающим уже не из-за любви к искусству, не из побуждений интеллектуального развлечения (как это характерно для прежних классических детективов), а за гонорар клиента, — теперь это уже профессия, а не прихоть праздного ума.

С тех пор такие детективные произведения стали называть жесткими, черными, а по американской терминологии — “круто-сваренными” или просто “крутыми”.

Любопытна история возникновения этого термина, этимология которого восходит к годам I Мировой войны. Американские офицеры тогда носили на мундирах твердые воротнички, которые приходилось периодически накрахмаливать. При этом необходимо было заварить кипятилок до состояния “крутого яйца” — так офицеры и денщики ориентировались в процедуре накрахмаливания. В дальнейшем этот термин “крутосваренный”, “крутой” — стал употребляться со значением несколько иным: “жесткий”, “бесчувственный”, даже “злобный”, “циничный”. В условиях суровой армейской дисциплины рядовые солдаты награждали в разговорах между собой такой кличкой наиболее свирепых сержантов и офицеров, жестко муштровавших новобранцев. В художественной литературе этот термин впервые использовал Ф. Фицджеральд в “Великом Гетсби” (1925). Потом он получил распространение в детективном жанре для характеристики “жестких” произведений Черной школы.

Следует хотя бы коротко остановиться на специфике английской действительности, существенно отразившейся на особенностях “чисто английского” детектива.

Сыщик-любитель в качестве героя детективных произведений — характерная англо-саксонская стилевая черта. Это можно объяснить национальными свойствами англичан: особенностями психики, характера, склонностью к замкнутости, пуританству. Сказывается влияние самого английского быта, обычаев, морали, педантизма, стремления к сокрытию от постороннего взгляда своей частной жизни. По крылатой поговорке: “Мой дом — моя крепость”. Элементы внутренней страсти, азарта, а в отдельных случаях — и намерение преступить закон, — все это скрывается под маской добропорядочности, хороших манер, общепринятого стандарта поведения. Подобное умение англичан сдерживать свои эмоции и создает благоприятную почву для популярности детективных произведений, в которых важна не только сама тайна, но и умение сокрыть ее. В силу этого детектив именно в Великобритании получил наиболее благоприятные условия для развития. [Кошенко, 1993].

Специфика английской и американской действительности нашла свое отражение в стилистических особенностях жанра в обеих странах, а также в способах отражения комического.

В романах "Черной школы" преобладает грубый юмор, граничащий с фарсом, тогда как в классических английских детективах наиболее часто наблюдаемый вид комического — это ирония и даже сарказм.

Комическое практически не изучено в тех жанрах, в которых оно не является доминирующим (в отличие от малых фольклорных жанров, например), поэтому в дальнейшем планируется не только выявить особенности юмора в его отображении как в английских, так и в американских детективах, но и использовать полученные данные для сопоставительного изучения особенностей американского и английского национального юмора, а также выявить тенденции развития жанра, его тональности и выбора стилистических средств для выражения комического.

Тональность обычно связывается с окраской речи: непринужденностью, неофициальностью, дружелюбием, прохладностью, юмористичностью и т. п. [Орлов, 1991].

Юмористическая тональность отражает комичность в действиях, состояниях или поступках различных лиц (включая партнеров по коммуникации) или в самой ситуации с т. з. адресанта.

В жанре детектива ироническая тональность выполняет следующие функции: характеризует действующих лиц (в первую очередь сыщика-любителя или профессионала), создает эффект напряженного ожидания, обеспечивает "передышку" от трагических событий, смягчает описание сложных и опасных условий, в которых действуют персонажи детектива.

Ироническую тональность в детективах целесообразно рассматривать в зависимости от той роли, которую она играет в типичных для детектива типах диалога — оппозитивном (диалог "сыщик — подозреваемый", "сыщик — преступник", "сыщик-любитель — полицейские"); информативном ("сыщик — свидетели", "сыщик — лица, находящиеся в какой-то связи с преступником", "сыщик — коллега — сыщик"); директивным ("сыщик — преступник", "преступник — преступник", "преступник — жертва"), а также в авторской речи (описание и оценка событий).

Каждый из коммуникантов в таких диалогах характеризуется в английском детективе своими тональностями высказывания, взаимодействующими и сочетающимися с иронической тональностью, и обладающими своим особым арсеналом стратегий выражения. Такова в общих чертах рабочая гипотеза, верификация которой и составляет основную цель запланированного кандидатского исследования.

Список литературы: 1. Кащенко А. М. Зарубежный детектив. Энциклопедия, 1993. 2. Орлов Г. А. Современная английская речь, 1991.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ФРАЗ

Универсальные фразы — языковые единицы, отличающиеся от стандартных фраз во временно-пространственном плане, иногда имеющие иные, чем в макротексте, лицо, число и род субъекта. Универсальность их обусловлена абстрактностью содержания этих микротекстов. Они представляют собой отвлечение от конкретных фрагментов действительности, обобщение ряда подобных ситуаций.

Изучению УФ посвящено довольно много работ в отечественной стилистике. Рассматривались и признаки абстрактности в УФ (Жеребков, Радзиевская) и роль их в художественном тексте (Пилипчук), однако недостаточно внимания до сих пор было уделено связи УФ как микротекстов со стандартными предложениями в макротексте.

УФ является специфической формой текста. Они полностью раскрывают тему макротекста, выступая в качестве его ядра, конденсируя содержание текста, т. е. неся основную смысловую нагрузку. Их включение несколько не нарушает коммуникативной и смысловой целостности макротекста благодаря импликации. Связь между УФ и стандартными предложениями осуществляется на уровне логических отношений или может иметь внешние сигналы, среди которых выделяют лексический повтор, тематические группы слов, глаголы *Verba dicendi*.

На основе проведенного анализа употребления УФ в связном тексте по произведениям немецких авторов Э. М. Ремарка, В. Гауфа, Б. Келлермана (всего 400 примеров) были выделены следующие виды связей УФ и предложений конкретного содержания: спецификация; обобщение; сравнение; причинно-следственная связь; интерпретация. Кроме того, были построены силлогизмы указанных видов связи, поскольку взятые для анализа сверхфразовые единства имеют форму логических заключений. Аксиома всех построенных силлогизмов выражена первой фигурой силлогизмов. Хотя все предложения представлены одной фигурой, они относятся к разным типам модусов.

Предложения, связанные при помощи интерпретации, имеют чаще всего модусы EIO и AII: *Nur nichts herankommen lassen, sagte Köster. Was man herankommen läßt, will man halten. Und halten kann man nichts (Remarque, 36)*. В данном случае УФ раскрывает смысл предыдущей фразы. Принцип построения предложений в тексте катафорический. Сигналом связи выступает тематическая группировка слов: *herankommen lassen — halten*. Исходя из анализа примеров можно построить следующую схему связи УФ и конкретного предложения: Утверждение. (Потому что) УФ. Как правило внешний сигнал “потому что” заменяется логической связью. Частота встречаемости в тексте данного типа связи — 33,3%.

Предложения, связанные при помощи обобщения, имеют модусы AII и EIO: *Das stimmt noch aus meinem vernünftigen Jahr. Da mußte ich jeden Tag auf dem Balkon in der Sonne liegen. Und abends um acht Uhr schlafen gehen. Heute abend gehe ich um acht Uhr noch einmal baden. “Das werden wir sehen”, sagte ich.*

“Im Vorsätzen ist der Mensch immer groß. Im Ausführen nicht”. (Remarque; S.132). Сомнение о реальности выполнения намерений не выражается прямо, а обобщается, указывая, что подобное происходило не раз (immer) и со многими людьми (Mensch). УФ объясняет слова “das werden wir sehen”. Об обобщении свидетельствует генерализирующий презенс глагола sein при показателе генерализации immer и показателе общности при компоненте субъект der Mensch. Сигналом связи служит лексическая группировка gehe (Präsens в значении будущего) — werden — sehen — Vorsätzen — Ausführen. В тексте выражения построены по анафорическому принципу. Силлогизм: Все А есть В. Поскольку С относится к А, то С есть В. Модус данного силлогизма ЕЮ. Частота встречаемости в тексте данного вида связи — 14%.

Одним из наиболее употребительных видов связей УФ и стандартных предложений является спецификация (33,3%). Это обусловлено свойствами УФ. Спецификация — переход от общего к частному. УФ является своеобразной аксиомой. За ней следует ее трактовка. Предложения построены по катафорическому принципу: конкретные предложения раскрывают ее смысл, нанизывая факты. Необходимо отметить также связь на уровнях — выражение и содержание, наличие подтекста: Sie besaß nicht mehr den Ehrgeiz, ihn nach ihren Wünschen zu erziehen, wenn er sie auch gleich selbstsüchtig, eigensinnig und rechthaberisch wiederfand... Der Klügere gibt nach, pflegte sie nun mehr stets zu sagen, wenn sie verschiedener Meinung waren, und wich jedem Streit aus. (Kellermann, S. 377). Модус данного суждения АII.

Силлогизм причинно-следственной связи (12,3%) имеет следующую форму: А есть В. Поскольку В есть С, то, значит, А есть С. УФ дает объяснение почему произошло так, а не иначе: Parzival war dumm. Wäre er klug gewesen, hätte er nie den heiligen Gral erobert. Nur wer dumm ist siegt im Leben; der andere sieht vielzu viele Hindernisse und wird unsicher, ehe er beginnt. (Remarque; S.81).

Сравнение констатирует закономерность подобного случая. Принцип построения предложений может быть как анафорическим, так и катафорическим. Сравнение пересекается переходом от абстрактного к конкретному и наоборот. Силлогизм высказывания для данного вида связи: А есть В. С есть как А. Значит С есть как А. Значит С есть В. В качестве примера рассмотрим употребление УФ в сказке В. Гауфа: “Wie ist es dir jetzt? fragte Michael lächelnd. “Wahrhaftig du hast doch recht gehabt, antwortete Peter, während er behutsam das Kreuzlein aus seiner Tasche zog. “Nicht wahr? Und zaubern kann ich, das siehst du; aber komm, jetzt will ich dir den Stein wieder hineinsetzen. Peter trat einen Schritt zurück und hielt ihm das Keutzelein entgegen. “Mit Speck fängt man Mäuse, und diesmal bist du der betrogene (Hauff; S.87). Частота встречаемости — 7%.

Итак, мы рассмотрели основные виды связей УФ и конкретных предложений, при наличии или отсутствии сигналов связи. Все УФ объединяет противоречие между стандартностью употребления и нестандартностью образования. Цель использования УФ в художественном тексте это экспрессивная передача главного содержания текста и связь с воплощением авторского замысла. УФ, благодаря своим структурно-семантическим особенностям, характеру внутренней связи компонентов и дистрибутивным связям, повышают информативность текста. Роль их при этом достаточно велика из-за специфики фразеологического значения, включая денотативный, сигнификативный и коннотативный ингредиенты.

Список литературы: Hauff W. Märchen, M., 1986; Kellermann B. Totentanz, Berlin, 1954; Remarque E.M. Drei Kameraden. M., 1972.

Е. Б. Васютинская

МЕТОНИМИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ ПРИРОДЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИРИКЕ (от ренессанса до романтизма)

Задача данной работы состоит в том, чтобы проследить роль метонимии в номинации денотативной сферы ПРИРОДА как компонента картины мира в лирике хронологически сменяющих друг друга направлений английской литературы 16 — первой половины 19 веков.

Собственно суть метонимии в лирическом тексте состоит прежде всего в том, что с помощью этого тропа производится экспликация элемента референтного пространства текста, который в случае применения в данном микроучастке текста прямой номинации был бы имплицирован. Одновременно тот объект, который логически (с точки зрения логики текста) должен был бы представлен эксплицитно, репрезентуруя метонимией имплицитно. По замечанию Колшанского, импликация встречается практически в любом коммуникативном отрезке [Колшанский]. Таким образом, например, выражение “mountains bleat” (Thompson) означат “sheep bleat on the mountains” имеет уже свою, иную чем в первом случае, импликацию. Известно, что импликация вообще характерна неоднозначностью восстановления, [Арнольд]. Таким образом, метонимия как экспликация имплицированного объекта направляет восприятие микроучастка текста в определенное русло, а следовательно происходит актуализация текстуально-значимой связи некоторого элемента, входящего в систему опорных элементов референтного пространства текста (а именно эти элементы и должны были бы быть обязательно представлены эксплицитно, если бы текст строился без применения тропов).

В конечном итоге описанное действие метонимии приводит к появлению у определенного элемента референтного пространства текста своего рода перспективы в картине, которую представляет текст лирического произведения как сложный знак.

Метонимия может служить средством культурологического “окрашивания” картины мира. Это происходит прежде всего там, где в качестве образа метонимии используется денотат, непосредственно в референтное пространство текста не входящий, но относимый общественным сознанием к атрибутам объекта метонимии.

Перейдем к изложению материала. Исследовавшиеся тексты разбиты на три хронологически последовательные группы, каждая из которых будет отдельно описана.

1. Ренессансно-барочная лирика.

В текстах ренессансно-барочной лирики (16 — начало 17 вв.) метонимизация денотативной сферы ПРИРОДА применяется относительно мало.

Характерные черты метонимизации денотативной сферы ПРИРОДА в ренессансно-барочных текстах проявляются в следующем:

1.1. Преобладание метонимии с жесткой (обязательной) связью между объектом метонимии и ее образом. Например: "...Suns may ... re-gild the ... East" (Herrich); метонимическая пара небо/восток (небосвод обязательно предполагает наличие частей, относящихся к каждой из четырех сторон света).

1.2. Распространение метонимических пар с гомоденотативной связью, (то есть таких, в которых при отсутствии жесткой связи между объектом и образом как денотат, соответствующий объекту метонимии, так и денотат, соответствующий ее образу, принадлежат к одной и той же субсфере номинации). Например: "Hast the fairest Planet to they home / Within the Western foe ..." (Spenser) — метонимическая пара море/пена, оба денотата относятся к гидросфере.

1.3. Практически полное преобладание гомотематических метонимий, то есть таких, в которых как объект, так и образ принадлежат к одной и той же сфере номинации (в данном случае к сфере природы). В качестве примера подходят обе вышеприведенные метонимии из ренессансно-барочных текстов.

1.4. Культурологическое "окрашивание" текстов с помощью метонимии практически ограничивается использованием античной образности. Например: "And ships through Neptune spread their wings" (G.Fletcher).

1.5. Синхронический и диахронический анализ метонимии показывает, что новизной в данном аспекте рассматриваемые тексты не характеризуются. Диахронические параллели ренессансно-барочная лирика обнаруживает уже в древнейших текстах Старого света. Немало в ренессансно-барочной лирике также метонимий, имеющих параллели в самых разных фольклорных текстах. Наконец, в рассматриваемых текстах достаточно много аналогий с античными текстами.

Синхронические параллели рассматриваемых текстов в значительных количествах обнаруживаются, в частности, во французской ренессансно-барочной лирике. Например: "With stretching sayles to plow the swelling waves" (Peele) — море/волны. Ср.: "Maintz Lieux foudroyez./ Les antres noyes/ Des Undes saletes" (Du Bellay).

2. Лирика классицизма, сентиментализма и предромантизма.

В данном корпусе текстов объектов природы относительно ренессансно-барочной лирики несколько расширяется. Это выражается в следующем:

2.1. В дополнение к существовавшим уже в ренессансно-барочной лирике субферам номинации появляются такие субсферы, как "топосфера", "свет" (как физическое понятие), "природа" (как совокупное понятие). Ср.: "Africa's burning sands (о пустыне)" (Crabbe). Общая степень расширения метонимий, относящихся к вышеназванным субферам номинации, невелика.

2.2. Расширяется круг объектов метонимии в пределах традиционных форм.

2.3. Увеличивается количество образов, применяемых к традиционным объектам метонимизации. Например, следующие метонимические обозначения наступления вечера на фоне ренессансно-барочной лирики нетрадиционны: "Sun stretched out all the hills" (Milton), "...on the cold water faintly shone the sloping light" (Pope).

2.4. Начинает расти распространение метонимий, имеющих нежесткую связь объекта с образом. Например: "The insect youth ... float amid the liquid poop" (Gray) — воздух/полдень.

2.5. Начинает расти распространение метонимий с гетероденотативной связью объекта с образом. Например: "... blackbirds songs begin (о наступлении вечера)" (Campbell).

Начинается распространение гетероромантических метонимий. Например: "When ... the weary tired wanderers weep (ночью)" (Blake) — природа/человек.

2.7. Культурологическое окрашивание текстов практически полностью ограничивается обращением к античной образности. Например: "When Phosphor shines so clear ..." (Pope).

3. Романтизм.

В лирике романтизма четко прослеживаются следующие признаки:

3.1. Появление новой (в дополнение к уже существовавшим в текстах классицизма, сентиментализма и предромантизма) денотативной субсферы, которую можно обозначить как субсфера пространства, в частности следующие объекты метонимической номинации: "горизонт", "пространство за горизонтом", "эйкумена" (как пространственное понятие. Например: "... beneath the dark blue line / Of western distance (т.е. за горизонтом)" (P.B.Shelly).

3.2. Включение новых (относительно текстов 16-18 вв.) объектов метонимии в традиционные субсферы номинации. Например: "The flower must drink the nature of the soil" (Keats) — почвенная влага/природа (почвы).

3.3. Применение нетрадиционных образов к традиционным объектам метонимии. Например: "... the bat / Wheels silent by (о наступлении вечера) ..." (Coleridge).

3.4. Преобладание метонимий, имеющих нежесткую связь объекта с образом.

3.5. Значительное увеличение распространенности метонимий, имеющих гетероденотативную связь объекта с образом.

3.6. Значительное увеличение степени распространенности гетероматических метонимий.

3.7. Получают распространение метонимии, образы которых представляют собой объект природы в виде, подразумевающим способность быть воспринятым лишь человеком (анализирующим субъектом). Речь идет в этих случаях о придании объекту природы "человеческого измерения". Например: объект природы/признак этого объекта, воспринимаемый тем или иным органом чувств. Ср.: "...Wanderer ... Inhales the sweetness of the Rose" (Coleridge).

3.8. Культурологическое окрашивание текстов в целом сводится к использованию античной образности.

3.9. Общая степень применения метонимии в номинации сферы природы в лирике романтизма по сравнению с текстами 16—18 вв., значительно повышается.

4. Общая интерпретация полученных в ходе исследования данных приводит к следующим выводам.

4.1. Малоразвитость метонимии в номинации природы в ренессансно-барочной лирике говорит прежде всего о том, что данная сфера номинации в целом не актуализируется тем специфическим способом, который обеспечивает метонимия. А это означает, что природа как компонент кар-

тины мира в ренессансно-барочных текстах лишена глубинной перспективы (или во всяком случае обладает ею лишь в незначительной степени), и природа второстепенна по значимости и выступает лишь в виде инструмента более полного представления человека.

Преобладание метонимий, эксплицирующих обязательные импликации (а именно это происходит в случаях с метонимиями, имеющими жесткую связь объекта с образом), указывает на то, что маркируются связи, которые и в имплицитном виде подразумевались бы достаточно однозначно. Все свидетельствует о пониженном внимании к изображению природы и ее периферийном статусе как компонента картины мира, репрезентируемой ренессансно-барочной лирикой.

Культурологическое окрашивание картины мира с помощью метонимии сводится к порождению сильного античного фона и фактически приводит к мифологизации картины мира (в которой действуют — как бы по условной договоренности автора и реципиента текста — персонажи античных мифов как реальные субъекты).

Синхронический и диахронический анализ метонимий, используемых в номинации природы, показывает, что резкой уникальностью в данном аспекте английская ренессансно-барочная лирика не характеризуется. Это свидетельствует о том, что каких-то особых задач, связанных с метонимической номинацией сферы природы данный этап английской лирики не имел.

4.2. Демонстрируя определенный рост использования метонимии относительно ренессансно-барочной лирики, языковая форма классицистических стихотворений отражает тот факт, что природа у авторов этой эпохи (в частности у английских) хотя и не занимает центрального места в эстетической концепции, однако уже может становиться одним из наиболее значительных предметов изображения. См., например, [Соловьева, 1984, с. 29]. Этой же чертой классицистических текстов объясняется рост распространения метонимий с нежесткой связью между объектом и образом, а также постепенное распространение (хотя все еще незначительное) гетероденотативных и гетеротематических метонимий.

Культурологическое окрашивание классицистических текстов представляет собой продолжение ренессансно-барочной традиции, то есть сохраняет сильный античный фон.

4.3. Резкий и значительный рост применения метонимии (а также ее качественное разнообразие) в романтической лирике, безусловно, отражает тот особый статус, который природа обретает в мироощущении романтизма. Ср.: "... оппозиция природа—общество или природа—цивилизация — была центральной, осевой в мировоззрении и художественном мире большинства романтиков, прежде всего западноевропейских". [Наливайко, с. 174].

Преобладание метонимий с нежесткой связью объекта с образом, значительный рост гетероденотативных и гетеротематических метонимий, во-первых, придают природе как компоненту картины мира гораздо большую "многоперспективность" в сравнении с текстами доромантических направлений, а, во-вторых, делают ее (природу как изображаемую сферу) композиционно значительно более сложной, характеризующейся как элемент универсума значительно большим количеством связей и их разнонаправленностью.

Распространение метонимий, образы которых актуализируют в объекте природы "человеческое измерение", реализует на уровне языковой формы литературно-художественного произведения одну из сущностных черт романтизма: "... романтики ... ставили природу выше культуры, следовательно близость к природе у них была высшей оценочной категорией не только в сфере философско-социальной или философско-этической, но и в сфере эстетико-художественной". [Наливайко, с. 174]. То есть метонимии подобного рода могут порождать "незримое" присутствие человека в изображаемом участке природы, поддерживая идею особых отношений человека и природы в романтизме.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения//Вопросы языкознания. — 1982. — № 4. — С. 83—91. 2. Колшанский Г. В. Прагматика языка//Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. — М., 1979. — Вып. 151. — С. 66—81. 3. Наливайко Д. Романтизм як естетическа система//Вопросы литературы. — 1982. — № 11. — С. 156—194. 4. Соловьева Н. А. Английский предромантизм и формирование эстетического метода. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 146 с.

*B. И. Говердовский, докт. филол. наук.
W. I. Gowerdowskij*

Das Konnotationssystem im Deutschen in Hinsicht der gegenseitigen Verständigung der Sprachpartner

---

In der Informationstheorie wird die Mitteilung als ein denotativer (semantischer) Inhalt verstanden. Folgende Beispiele weisen paarweise die gleichen denotativen Mitteilungen: nicht einmal andeutungsweise vorhanden — keine Spur, Mißgeschick — Kreuz, sich betrinken — besaufen.

Trotzdem ist jede Komponente eines Paares der anderen Komponente in Bezug auf den Konnotationssystem nicht äquivalent. Neben dem denotativen Inhalt tragen die zweiten lexischen Einheiten in den Paaren zusätzlich eine konnotative Information. Es ist klar, daß in den Sprechakten die konnotative Information eine große Rolle für die Sprechakten spielt. In einer Sprache kann ein Wort konnotativ, in einer anderen Sprache nicht konnotativ sein (ausgesprochen denotativ). "Brillenträger" ist beispielsweise im Deutschen konnotativ neutral, also denotativ, im Russischen dagegen ist es denotativ und konnotativ: очкарик. Beide Wörter sind denotativ gleichwertig, konnotativ aber sind sie nicht äquivalent.

Das Interessanteste besteht aber darin, daß es keine Möglichkeit gibt, dieses Wort auf eine andere Weise in die russische Sprache zu übersetzen. Vgl. auch: Rauchzimmer=курительная трубка≠курилка. Es besteht mithin das Problem der adäquaten konnotativen Übertragung aus einer Sprache in eine andere. Das trifft sowohl für den Menschen als Übersetzer, als auch für die Maschinenübersetzung zu.

Einen konnotativen Inhalt können nicht nur Wortstämme, sondern auch andere Affixe tragen. (Говердовский 1989).

Es gibt verschiedene Arten von Konnotationen: schriftsprachbezogene, sprechbezogene, meliorative (verbessernde), pejorative (erniedrigende), historiebezogene, ideologie- und kulturgebundene, terminologie- und archaismusbezogene Konnotationen u.a.

Die genannten Termini dürfen nicht in die Irre führen: Sie haben keinen lexikologischen Sinn, sondern einen psycholinguistischen. Konnotationen sind Assoziationen im Bewußtsein eines Sprechenden. Dieses oder jenes konnotatives Wort gehört nicht unbedingt zur Schrift- bzw. gesprochenen Sprache, ist also nicht als ein auf die Schriftsprache bezogenes Wort zu bewerten. Der Sprachträger bewertet ein solches Wort bewußt (oder in der Kommunikation auch automatisch-unbewußt) als ein mehr "striktes" ein wenig gehobenes oder als ein teilweise "fremdes" oder "freies", "ungehemmtes" Wort im Vergleich zu seinem Synonym, das nicht als solches gilt. Das gleiche trifft auch auf andere Arten der Konnotationen zu: Konnotationen spiegeln nicht entsprechende lexikologische Begriffe wieder, sondern nur Assoziationen bei einem Sprachträger.

Besonders wichtig ist das Problem des adäquaten Verständnisses in der einsprachigen Kommunikation, da ein Ausdruck bzw. ein Wort. Das hängt von verschiedenen Umständen ab: vom kulturellen Niveau eines Sprechers, von seinem Bildungsstand, von seinem Fach, seinem Alter, ja sogar von seinem Geschlecht. Die Konnotationen sind auch territorial nicht gleichwertig. Letzten Endes, gehören die Konnotationen sowohl zu language, als auch zu parole, d.h. sie können auch okkasionel sein und daher nicht von allen Sprechenden gleich empfunden werden. Es wurden vom Autor 15 Arten (Konnotate genannt) von Konnotationen festgestellt. Diese verschiedenartigen Einheiten wurden dann in ein einheitliches Modell aufgenommen.

Konnotate sind konkrete, in verschiedenem Maße mit individuellem und/oder kollektivem Inhalt gefüllte Nebenbedeutungen. Konnotate sind immer an das Denotat geknüpft und mit ihm zusammen bilden sie den konnotativ-semantischen Komplex, mit dem der Sprachträger in seiner Sprachtätigkeit operiert. Diese Konnotateinheit läßt sich in drei Typen einteilen, die verschiedenartig gerichtet sind: auf die Psyche des Sprechenden (expressiv-emotional-bewertender Typ), auf die Sprache (kontextualer Typ) und auf die äußere Wirklichkeit (historischkultureller Typ).

Zum ersten Typ gehören folgende Arten den Konnotation.

Konnotation der Ironie. Das sind nicht nur Wörter, die Ironie ausdrücken, sondern auch diejenigen, wo die Konnotation sehr tief verborgen ist und sie kann nur eventuell im Kontext erscheinen. Daneben kann man diese Konnotationsart als language-bezogen betrachten, da sie sich teilweise durch sprachliche Mittel affixe systematisieren läßt: Schmieren, Lappalie, äugeln, französieren, lieben u.a.

Konnotation des Euphemismus. Sie gehört ebenfalls sowohl zur Sprache als auch zur Rede. Vergleicht man die Paare Invalide- Körperbehinderter, Putzfrau — Raumpflegerin, so spürt man in den zweiten Wörtern jedes Paares die Nuancen, die wir hier als Konnotation des Euphemismus bezeichnen.

Konnotation der Verstärkung. Sie gehört schon mehr zur Sprache als zur Rede, weil sie durch wortbildende Elemente in verschiedenen Redeteilen sehr stark ausgeprägt ist. Dazu zählen Halbpräfixe wie Bären-, Bomben-, Heiden-, bei Substantiven und abgrund-, baum-, bitter-, blitz-, blut-, bomben-, brand- u.v.a. bei Adjektiven.

Konnotation des Jargonismus. Diese Konnotationsart umfaßt ehemalige Wörter aus den verschiedenen empfunden werden können Berufssprachen, die schon

allgemein verständlich sein können, weil sie in die allgemeine Sprache schon aufgenommen worden sind, aber Spuren von ihrem ehemaligen Gebrauch tragen. Die Konnotation ist in diesem Fall die Spur selbst, die Assoziationen von ihrer früheren Existenz als Jargonismus.

Konnotation der Melioration. Sie ist in den Wörtern enthalten, die zur "Milderung" der Rede dienen. Meistenteils sind das Diminutive.

Konnotation der Pejoration ist der obengenannten Konnotation der Melioration entgegengesetzt. Es gibt im Deutschen dafür eine große Menge von morphologischen Ausdrucksmitteln. Sie sind in der Hauptsache bei Substantiven anzutreffen: die Suffixe -aille, -aster, -ei, -erei, -ion, u.a., die Halbpräfixe Affen-, Lause-, Hunde-, Mist-, Sau-, u.s.w. Die letzten verleihen den Wörtern neben der Konnotation auch eine neue Denotation, d.h. sie gelten als denotativ-konnotative.

Der zweite Typ schließt die Konnotationen ein, die im droßen Maße nicht nur von der Psyche des Sprachträgers abhängen, sondern viel mehr an die Sprache selbst geknüpft sind.

Schriftsprachbezogene (buchsprachliche) Konnotation. Diese begleitet Wörter, die sich vom Hintergrund der neutralen Sprache als mehr "geltend" abnehmen. Es geht hier nicht um die Schriftsprache als einen lexikologischen Begriff, sondern nur um die Assoziation bei einem "mittleren" Sprachträger. Vgl.: Behausung, Briefschaften, darreichen, vorauslegen, heldenmäßig u.dgl.m.

Sprechbezogene (mundsprachliche) Konnotation. Im Gegensatz zu der vorhergenannten Konnotation erscheint sie in einem neutralen Kontext als ein wenig frei und ungehemmt. Vgl.: Robinsonade, Raufbold, abküssen, sich davonmachen (vgl. die neutralen Stämme bei Verben), angetrunken, gestiefelt usw.

Konnotation der Neuheit. Dazu gehören keinesfalls nur Neologismen, sondern auch selten gebrauchte Wörter. Das sind auch Lexeme mit niedriger Gebrauchsfrequenz von Affixen: Astro-, Mini-, Neu-, Non-, -ade, -fex (Sub.), -esk (Adj.) u.v.a.

Konnotation des Archaismus. Darunter werden nicht nur Archaismen selbst verstanden, sondern auch diejenigen Wörter, die die Neigung zum Veralten zeigen, Die Gebrauchschäufigkeit dieser Wörter nimmt stets ab: Urform, Ursage, Turnier, Dossier.

Wörter, die aus Dialekten in die Literatursprache übergehen, tragen manchmal noch die Züge ihres Ursprungs. Bemerkt ein Sprechender diese Merkmale, so gelten diese Wörter für ihn als konnotativ. Diese Regel bezieht sich natürlich auf alle Arten von Konnotationen.

Bei der fremdsprachlichen Konnotation geht es wiederum um die Assoziation, die mit einem jeweiligen Wort verbunden sind. Der Sprecher benutzt diese Nebenbedeutungen, um seine Rede etwas "schriftkundiger" zu machen. Diese Konnotationen kommen durch eine große Anzahl von entlehnten Affixen zum Ausdruck, die mehr oder weniger von der Sprache assimiliert wurden: An-, Anti-, De-, -age, -ant, anz, -asmus, -at, usw. (Sub.): de-, dis-, ex-, -ett, -ibel, usw. (Adj.).

Terminologibezogene Konnotation. Sie entsteht in den Wörtern der Allgemeinsprache, wohin aus der Fachsprache gekommen sind. Diese Konnotation drücken viele Affixe aus: Ab-, Gegen-, Re-, -ator, -thek, u.a. (Sub.): trans-, -ifizier(en) u.a. (V.): -fach, -förmig, -haltung u.a. (Adj.).

Der dritte Typ ist durch ideologie- und kulturgebundene Konnotationen vertreten.

In einem Wortstamm können zugleich mehrere Konnotationsarten dabei sein. Ein und dasselbe Konnotem kann auch mehrere Konnotate tragen. Dazu einige Beispiele. Algorithmus; Konnotat; fremdsprachliches, schriftsprachliches, terminologisches, ideologisches; Amoralität: fremdsprachliches, ideologisches. Mißgestalt: mundsprachliches, pejoratives. Versöhnler: ideologisches, pejoratives; Kosmovision: schriftsprachliches, fremdsprachliches, terminologisches, neuheitliches, translocieren: schriftsprachliches, neuheitliches, fremdsprachliches, abgrundhäßig: mundsprachliches, pejoratives, verstärkendes; antiamerikanisch: fremdsprachliches, ideologisches, superfein: neuheitliches, fremdsprachliches usw. usf.

Die Konnotate können sowohl sozial (allgemeingültig), als auch individuell sein. Die lexikographische (allgemeingültige) Wortbedeutung und die Konnotate stellen die Äquivalenz des Informationsinhaltes zwischen den Gesprächspartnern sicher. In Kommunikationsakten braucht der Sprecher vor allem lexikographische Bedeutungen, für das tiefere und umfassendere Verständnis aber hat er sich an den Konnotaten zu orientieren.

Die konnotative Betrachtung der Wortbedeutung deckt die tieferen Ursachen der Äquivalenz der Bedeutung bei den Kommunikationspartnern auf. Diese Klärung ist möglich dank der Existenz der konnotativen Einheiten, die bei den Gesprächspartnern überein — bzw. nicht übereinstimmen. In einem Sprechakt eines Wortes aktualisiert, zugleich erscheinen dabei die Konnotate, die von der Bedeutungsstruktur her für pragmatische, stilistische, expressive und kommunikative Zwecke zur Verfügung stehen. Die Bedeutung ist ein Phänomen der Rede, ergo — ein Phänomen des Bewußtseins. Im Gedächtnis des Menschen existiert ein Wort als ein Komplex von Komponenten (Konnotaten, die für ein bestimmtes Lexem in einem bestimmten Zeitabschnitt ungefähr relevant sind). Die Suche nach einer Wortbedeutung geschieht in einem sprachlich-kognitiven Prozeß mit Hilfe einer automatiachen Analyse der im Gedächtnis vorhandenen Konnotatenhierarchie. Die Aktualisierung eines Wortes im Sprechakt ist also ein Komplex von Denkopoperationen mit den Konnotaten.

Es steht außer Frage, daß die Konnotation die höchstwichtige Bedeutung auch für intersprachliche Kommunikative hat. Das ruft seinerseits die Notwendigkeit hervor, den fremdsprachlichen Unterricht auf die konnotative Grundlage zu stellen.

Н. Н. Гребенюк

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРИРОВАНИИ ДИСКУРСА: РАЗРЕШЕНИЕ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Неоднозначное высказывание не изменяет структуру дискурса самим фактором своего появления. Наши данные, полученные в ходе анализа диалогической речи в художественном преломлении, показывают, что в довольно значительном количестве случаев адресат способен правильно расшифровать неоднозначное сообщение, в частности, когда обмен информацией осуществляется посредством особого кода, известного

обоим коммуникантам. В таком случае коммуникация не нарушается и каких-либо изменений в ходе беседы не обнаруживается:

'Give me a date.'

'Ten sixty-six.'

'Fourteen ninety-two,' she answered.

'Four thousand four BC,' I agreed.

'Seventeen seventy-six,' she reposted.

'Two thousand twelve,' I answered.

'You have a grisly sense of humor, Miss Baldwin. All right, you're tentatively you.'

Вместе с тем адресат не всегда способен сразу понять, какой из возможных смыслов высказывания имел в виду говорящий. В таком случае общий ход беседы на время приостанавливается для дачи пояснений, необходимых для разрешения возникшей проблемы непонимания [Richards 1983, с. 147], в результате чего возникает "вставка" (side sequence) [Kenworthy 1992, с. 119]. Когда понимание достигнуто, беседа возобновляется с того места, где она была прервана:

'We'll need a first-rate pathologist to tell us just how the Mannichon solution links up with the nuclear material of whatever cells it has affinity for and how it penetrates the cell wall. We'll need a crackerjack biochemist. And an expert fieldworker to examine how the product behaves in a free environment. This is big, man. No use wasting time on bums. And then, of course, the angel.'

'The angel?' Mannichon was at sea. Up to then, religion hadn't seemed to be an integral part of the operation.

'The moneybags,' Crockett said impatiently. 'All this is going to cost a packet. We can use the laboratory for a lot of things, but finally, we have to set up on our own.'

Of course,' Mannichon said, his vocabulary as well as his vision enlarged.

'First, the pathologist,' Crockett said. 'The best man in the country is right in the shop. Good old Tageka Kyh.' (I. Shaw)

Подобные "разрешающие последовательности" (misapprehension sequences) могут иметь следующую структуру [Coulthard 1985, с. 76]:

(неоднозначное высказывание)

1. запрос (misapprehension);

2. пояснение (clarification);

3. завершение (termination);

(продолжение беседы)

Таким образом, в нашем примере за высказыванием *And then, of course, the angel*, содержащим контекстуально многозначное слово "angel", следует запрос в виде повтора 'The angel?' и пояснение — 'The moneybags, etc.'. После завершения ('Of course') ход беседы возобновляется: *First, the pathologist, etc.*

Наши данные свидетельствуют о том, что значительное количество неоднозначностей, вызывающих непонимание, разрешается в диалоге подобным образом. В то же время, базовая структура может усложняться:

'How did we get here?' he asked, shivering slightly.

'We hitched a lift,' said Ford.

'Excuse me?' said Arthur. 'Are you going to tell me that we just stuck out thumbs and some green bug-eyed monster stuck his head out and said, 'He fellas, hop right in I can take you as far as the Basingstoke roundabout'?"

'Well,' said Ford, 'the Thumb's an electronic sub-etha signalling device, the roundabout's at Barnard's Star six light years away, but otherwise, that's more or less right.'

'And the bug-eyed monster?'

'Is green, yes.'

'Fine,' said Arthur, 'when can I go home?'

"You can't," said Ford Prefect, and found the light switch.

В данном случае мы имеем фактически два запроса, относящихся к неоднозначному высказыванию We hitched a lift: первый из них начинается словами Excuse me?, второй — And the bug-eyed monster? Необходимость второго запроса объясняется тем, что первое пояснение (Well, etc.), по мнению спрашивающего, не снабжает его всей желательной информацией, и для того, чтобы ее получить, ему приходится спрашивать вторично.

Еще более сложное образование представлено в следующем примере:

"What was that voice?" Shouted Arthur.

"I don't know," yelled Ford, "I don't know. It sounded like a measurement of probability."

"Probability? What do you mean?"

"Probability. You know, like two to one, three to one, five to four against. It said two to the power of one hundred thousand to one against. That's pretty improbable you know."

A million — gallon vat of custard upended itself over them without warning.

"But what does it mean?" cried Arthur.

"What, the custard?"

"No, the measurement of probability!"

"I don't know. I don't know at all. I think we're on some kind of spaceship."

"I can only assume," said Arthur, "that this is not the first — class compartment."

Здесь мы видим уже три запроса. В то время как два из них (Probability? What do you mean? But what does it mean?) относятся к первоначальному высказыванию — It sounded like a measurement of probability, третий запрос (What, the custard?) имеет целью прояснить смысл второго, который сам по себе неоднозначен, и, таким образом, внутри разрешающей последовательности мы получаем еще одну последовательность, подчиненную.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Разрешение неоднозначного высказывания в диалогической речи приводит к возникновению особых последовательностей с определенной смысловой структурой.

2. "Разрешающая последовательность" допускает вариации в своем конкретном дискурсном воплощении.

3. Разрешающие последовательности могут быть:

а) простыми, имеющими трехчленную структуру: запрос — пояснение — завершение;

б) линейными, когда присутствуют два или более запроса, относящихся к одному и тому же неоднозначному высказыванию;

в) нелинейными, когда один из запросов относится к другому запросу.

Список литературы: 1. Coulthard N. Introduction to discourse analysis. — New-York, 1985. — 212 p. 2. Kenworthy J. Language in Action: An introduction to modern linguistics. — London, 1992. — 132 p. 3. Richards J. C., Schmidt R. W. Conversational analysis//Language and communication. — London, 1983. — P. 117—155.

Л. М. Григорьева, канд. филол. наук

ОБ ИЗУЧЕНИИ КВАНТОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТЕ

(на материале микротекстов на немецком языке)

Передача информации о системах разного рода носит квантовый характер, основывающийся на единстве прерывного и непрерывного. Как и любая другая материальная система, речевая цепь и прерывна, и непрерывна. Прерывность заключается в том, что тесно связанные элементы речевой цепи оказываются удаленными друг от друга, а между ними располагаются другие, непосредственно не связанные с “разорванными” частями. Непрерывность заключается в том, что в целом все элементы речевой цепи связаны, динамически взаимодействуют; в психолингвистическом плане это выражается в том, что при восприятии речевой цепи разрыва в смысловом континууме не происходит. Принцип квантования информации в связи с линейностью речи объясняет все основные процессы производства и восприятия речи и позволяет рассматривать структуру предложения и текста как постепенное развертывание информации. Некоторые проблемы, связанные с развертыванием информации в предложении, уже были предметом специального исследования [Адмони, 1973; Андропова, Воронина, Ейгер, 1979; Долинина, 1977; Ейгер, 1966; Weinrich, 1986]. Что касается развертывания информации в тексте, то эта проблема рассматривалась в аспекте трансляции смысла — главным образом в работах, связанных с изучением повторной номинации и семантической изотопии [Габ, 1990; Леонтьев, 1979; Москальская, 1981 и др.].

Квантование информации в тексте на основе изучения взаимоотношений между отдельными предложениями изучено еще явно недостаточно: в лингвистическом плане рассматривались некоторые частные вопросы, связанные с понятием прерывности/непрерывности, контактности/дистантности компонентов языковой структуры [Блехман, 1984; Григорьева, 1991; Кожина, 1984; Кудрина, 1987; Москальская, 1978; Колбина, 1995]. Между тем для изучения информационной структуры текста существенно определение способов и видов квантования информации, а также их организации в единое целое. Рассматриваемая проблема предполагает изучение взаимодействия лексических носителей информации, их синтаксического объединения, ритмических и других фонетических закономер-

ностей в связи с особенностями оперативной памяти человека и конкретной спецификой каждого языка. Поэтому изучение такой сложной проблемы целесообразно начинать с более простых текстов — с микротекстов. Микротексты можно разделить в соответствии с количеством фраз, их образующих, на одно-, двух- и трехфазовые (обоснование такого деления приводится ниже). Каждый из этих микротекстов охватывает тексты разного сорта. Так, однофразовые тексты могут носить самый разнообразный характер (пословицы, скороговорки, афоризмы, лозунги, реклама, инструкции, анекдоты, телеграммы, доверенности, заявления и т. д.), и нет такого функционального стиля, в котором они отсутствуют. Естественно, способ квантования информации в каждом из этих текстов будет носить специфический характер, но все они благодаря своей однофразовости и предельной лапидарности будут обладать и некоторыми общими информационными характеристиками. На синтаксическую структуру однофразовых текстов влияет ряд факторов: **прагматика** (так, структура текстов, которые рассчитаны на легкое запоминание, многократное воспроизведение и должны охватываться одним взглядом (лозунги, надписи на майке), характеризуется минимальной длиной и максимальной простотой), **традиция** (расписка, доверенность, справка и другие аналогичные тексты официально-делового стиля составляют из уважения к традиции по структурной схеме, доставшейся в наследство от предыдущих поколений), **версификационно-композиционные** ограничения (например, пришедший из английской поэзии лимерик обязательно начинается оборотом “Жил(а)-был(а)” и эпитетом “старый(ая)” или “молодой(ая)”) и имеет строго организованную синтаксическую и семантическую структуру), **материальная форма**, в которой он воплощается: татуировка, надпись на мемориальной доске, гравировка на часах и т. п. [Береговская, 1995: 91—95].

Двухфразовые тексты могут охватывать часть из перечисленных выше однофразовых сортов текста: эпиграмму, афоризм, объявление, эссе, анекдот, рекламу, ходячие фразы, инструкцию и т. д. (Здесь возможны и преференциальные отличия от однофразовых текстов: так, двухфразовые пословицы встречаются в европейском фольклоре редко). Однако квантование информации будет носить здесь другой характер. Если в однофразовых текстах необходимо для передачи всей информации выстраивать одну цепочку различной длины и структуры для разных сортов текстов, то двухфразовые тексты в отношении квантования информации обладают своей спецификой. В таких случаях информация передается более подробно и большими порциями; конечно, и здесь каждый сорт текста накладывает на объем и способ квантования информации в каждом предложении свои ограничения. Изучение квантования информации в таких текстах может, по нашему мнению, включать следующие проблемы:

1. Исследование семантической насыщенности информацией в каждом предложении и определение соотношения этой насыщенности между двумя предложениями микротекста.

2. Вычисление количественных характеристик степени связности предложений, под которыми мы понимаем коэффициенты семантической изотопии (среднее количество изотопических связей между первым и вторым предложениями) и включенной информации (среднее количество блоков включенной информации во втором предложении).

3. Построение диаграмм коэффициентов семантической связности для различных типов семантико-синтаксических отношений между кон-

тактными предложениями двухфразового текста (экспликации, дополнения, авторизации, оценки и развития), которые были определены на материале кратких текстов немецкой газетной хроники. Поскольку семантико-синтаксические отношения изучались на текстах недиалогического характера, то можно предположить, что для некоторых сортов двухфразовых текстов могут быть релевантными иные соотношения, например, когда определенный сорт текста — шуточный вопрос, «покупка», загадка и т.д. — связан с диалогом. В дальнейшем предстоит более детально рассмотреть эти отношения на материале других сортов текста.

4. Анализ компонентного состава предложений на уровне категориально-семантических значений составляющих и вычисление их информативной значимости (состава предикативных единиц) предложений. Показатель информативной ценности предложения может быть уточнен еще двумя признаками: показателем иерархической глубины, или этажности структуры, и вычислением соотношения единиц сообщения и единиц номинации, т. е. количеством синтаксических компонентов в каждой предикативной единице и в среднем в тексте [Золотова, 1995: 107].

5. Определение степени информативной плотности всего текста в целом в зависимости от коммуникативного назначения, жанрово-стилистических и др. особенностей, в том числе с позиций квалитметрии.

При изучении перечисленных выше проблем целесообразно рассмотреть также следующие вопросы:

- в какой мере полученные количественные данные соотносятся в определенных условиях с такими понятиями, как «золотое сечение» и «магическое число» Миллера;

- как осуществляется гармонизация межфразовых отношений при наличии симметрии или коммуникативно-обусловленной асимметрии;

- какой характер носит взаимоотношение авто- и синсемантии, а также предсказуемость второго предложения на основе первого;

- каково соотношение модального и временного плана предложений.

Перечисленными вопросами вся проблематика исследования двухфразовых микротекстов не исчерпывается. Более конкретная постановка вопросов требует учета специфики различных сортов рассматриваемых текстов.

Группа трехфразовых текстов принципиально отличается от двухфразовых тем, что здесь возникает возможность более усложненных логико-семантических отношений — последовательное и параллельное развертывание. Кроме того, в трехфразовых текстах находит свое наиболее полное выражение важнейший способ передачи мысли — умозаключение.

Представляется, что указанные три вида микротекстов являются основными моделями текста. Дальнейшее увеличение числа предложений в тексте может привести лишь к усложнению рассматриваемых моделей (их расширению или комбинированию). В этом смысле интересно было бы описать такие модели в развитии идей о моделировании текста, высказанных О. И. Москальской [Москальская, 1978; 1981].

Можно полагать, что после завершения описания простых ядерных моделей (одно-, двух- и трехфразовых текстов) более эффективным окажется изучение структуры любых других текстов.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Партитурное строение речевой цепи и системы грамматических значений в предложении//Филол. науки. — 1961. — №3. — С. 78—89. 2. Андропова В. Б., Воронина Л. А., Эйгер Г. В. та ін. До контрастивного аналізу «розриву» мовного ланцюга//Нариси з кон-

трастивної лінгвістики. — Київ, 1979. — С. 159—163. 3. Береговская Э. М. Стилистическая грамматика однофразового текста//Филол. науки. — 1995. — №2. С. 90—100. 4. Блехман М. С. Типологизация сверхфразовых связей и некоторые возможности их формализации//Науч. техн. информ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. — 1984. — № 1. — С. 21—27. 5. Габ М. А. Семантическая изотопия и ее роль в адекватной интерпретации текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1990. — 22 с. 6. Григорьева Л. М. Семантико-синтаксические отношения между контактными предложениями: дисс. ... канд. филол. наук. — Киев, 1991. — 241с. 7. Долинина И. Б. Системный анализ предложения. — М.: Высш. шк., 1977. — 176 с. 8. Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе//Вопр. языкознания. — 1995. — № 2. — С. 99—109. 9. Ейгер Г. В. Сложные предложения с совмещением сказуемых в современном немецком языке: Дисс. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1966. — 240 с. 10. Кожина М. Н., Данилевская Н. В. О развитии смысловой структуры в научном тексте посредством развернутых вариативных повторов (к постановке вопроса)//Межвуз. сб. науч. тр. — Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. — Пермь, 1984. — С. 123—131. 11. Колбина В. В. Интерпозиция придаточного предложения в современном немецком языке. — Дисс. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1995. — 186 с. 12. Кудрина Н. А. Способы развертывания структуры предложения как объект изучения и обучения//Межвуз. сб. науч. тр. — Лингвистические проблемы профессиональной подготовки учителя иностранных языков. — Тамбов, 1987. — С. 28—34. 13. Леонтьев О. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации //Синтаксис текста. — М.: Наука, 1979. — 368 с. 14. Москальская О. И. Грамматика текста. — М., 1981. — 183 с. 15. Москальская О. И. Композиционная структура микротекста/Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. — Вопросы романо-германской филологии. — 1978. — Вып. 125. — С. 46—50. 16. Москальская О. И. Системное описание синтаксиса немецкого языка. М., 1978. — 153 с. 17. Weinrich H. Klammersprache Deutsch Sprachnormen in der Diskussion. — Berlin, 1986. — S. 116—145.

О. И. Денисов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ФРАЗ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В настоящее время проблема функциональных стилей (ФС) находится в центре внимания лингвистилистики, и не только лингвистилистики: вопросы языковой вариативности — а именно к их числу относится учение о ФС — важны и актуальны и с общелингвистической точки зрения. Вместе с тем, проблема ФС в целом и тем более в ее частных аспектах еще далека от окончательного и исчерпывающего разрешения, поскольку спорным остается целый ряд вопросов. Есть все основания утверждать, что ФС — это разновидность литературного языка, вызванная к жизни соци-

альными потребностями, т. е. выполняющими определенную функцию. “Каждый язык можно рассматривать как некий код ..., который представляет собой не что иное, как нормы литературного языка, и который разбивается на ряд субкодов — функциональные стили. Иными словами, литературный язык — это инвариант общей языковой системы, а функциональные стили — язык художественной литературы, язык газеты, язык научной прозы, язык официальных документов — являются вариантами этой общей языковой системы” [Гальперин, 1981, с. 30].

ФС, таким образом, представляет собой именно разновидность литературного языка, т. е. сам этот язык, но лишь употребляемый с некоторым креном в какую-то одну сторону, что приводит к выдвиганию на передний план одних элементов языка и затуханию других (при почти неизменном равновесии третьих), предполагает некоторую их перегруппировку и не более. Так, научный стиль, например, английского языка, несмотря на все его своеобразие, это все тот же английский язык, примененный к нуждам наук, что и определяет некоторую специфику его употребления. Специфические языковые средства в любом стиле, конечно, есть, и они сообщают стилю определенную окраску и диагностируют данный стиль, но подавляющее большинство языковых средств в любом стиле — это общие неспецифические средства, и специфика стиля в значительной степени складывается из частотных характеристик и своеобразия организации таких языковых средств. “Последовательный учет количественных (частотных) характеристик общепотребительных языковых единиц имеет принципиальное значение для построения системы ФС и их описания в сфере любого литературного языка [Наер, 1981, с. 6].

Одной из таких общепотребимых единиц языка являются многокомпонентные именные фразы (МИФ), т. е. препозитивные атрибутивные словосочетания, которые имеют два и более зависимых элементов при ядресуществительном. Анализ проводился на базе текстов газетного, научнотехнического и художественного стилей объемом в 9 млн. печатных знаков. В свою очередь, каждая разновидность текстов в пределах одного ФС имела объем равный 1 млн. печатных знаков (каждый функциональный стиль представлен тремя разновидностями текстов). Четкое соблюдение равенства объемов не случайно, так как подобным образом появляется возможность уяснить вопрос относительно плотности употребления МИФ, а также разнообразия их структурных типов в текстах различной функциональной принадлежности. В зависимости от наличия/отсутствия в составе МИФ союзов и знаков пунктуации изучаемые словосочетания подразделяются на, соответственно, “неслитные” и “слитные”. Первые, в свою очередь, имеют три подтипа. а именно: союзные, бессоюзные и смешанные.

Сопоставим вначале общие показатели “слитных” и “неслитных” МИФ. Всего было отмечено 500 структурных типов “слитных” МИФ, на которые приходится 24947 случаев употребления, и 854 структурных типа “неслитных” МИФ — 3333 случая употребления. Однако по числу случаев употребления “слитные” МИФ значительно превосходят “неслитные”. От общей суммы 28280 на первые приходится 82,2%, а на вторые — только 11,8%. Аналогичная тенденция просматривается и при сопоставлении данных по каждому отдельному ФС.

Среди “неслитных” МИФ самыми распространенными являются союзные конструкции — на их долю выпадает 47,2% структурных типов и 57,6% случаев употребления. Далее следуют бессоюзные МИФ — 34, 8% от

общего числа случаев употребления и 31,3% от общего числа структурных типов “неслитных” МИФ. Наименее употребляемыми являются смешанные МИФ — 21,5% и 7,6%. Однако такое положение присуще не всем ФС. Так, в текстах художественного стиля (ХС) среди “неслитных” конструкций на первом месте бессоюзные фразы — 46% структурных типов (против 41,5% у союзных) и 61% случаев употребления (против 35,8% у союзных). Широкое употребление бессоюзных МИФ в текстах ХС во многом объясняет и наибольший вес всего класса “неслитных” именных фраз среди трех ФС — 61,3% от общего числа структурных типов и 15,5% от общего количества случаев употребления МИФ в текстах ФС.

Чтобы более рельефно представить себе плотность (частотность) употребления МИФ в текстах научно-технического (НТС), газетного (ГС) и художественного стилей, обратимся к следующей таблице, в которой частотность употребления МИФ в текстах ХС принимается за единицу.

	ХС	ГС	НТС
Общие данные	1	1,19	1,39
Слитные МИФ	1	1,27	1,48
Неслитные МИФ	1	0,79	0,94
Союзные МИФ	1	1,45	1,94
Бессоюзные МИФ	1	0,36	0,21
Смешанные МИФ	1	1,82	3,67

Пропорциональное сопоставление случаев употребления различных видов МИФ, приводимое в данной таблице, показывает, что наибольшей плотностью употребления МИФ характеризуются тексты НТС, что обеспечивается наибольшей распространенностью в них “слитных” МИФ. “Неслитные” МИФ более типичны для текстов ХС, причем, в основном, это явление имеет место благодаря высокой степени употребляемости бессоюзных словосочетаний, так как союзные и смешанные подклассы МИФ менее характерны для данных текстов, чем для НТС и ГС. Газетные тексты отличаются тем, что в пяти случаях из шести их показатели в данной таблице занимают позицию посередине, исключением здесь являются лишь пропорции для “неслитных” МИФ, где они оказываются на последнем месте.

К стилеразличительным чертам следует отнести и особенности в употреблении МИФ различного объема. Среди трехкомпонентных ИФ отмечены такие тенденции: трехкомпонентные ИФ в текстах ХС занимают первое место, в текстах НТС — второе, в текстах ГС — третье. Исключение — “неслитные” МИФ данного объема в текстах ГС опережают НТС. Среди именных фраз с тремя зависимыми членами исключений нет. Употребление данных словосочетаний наиболее характерно для текстов ГС. Тексты НТС находятся на втором месте, а тексты ХС — на третьем. Анализируя следующую группу МИФ, необходимо отметить, что тексты ХС выделяются в том плане, что ИФ с пятью и более компонентами играют в них менее заметную роль, чем в других ФС. На долю этих словосочетаний в текстах ХС приходится 2,3%, тогда как в текстах ГС и НТС соответствующие цифры 5,4% и 6%. Особенно четко данная тенденция просматривается при анализе МИФ с количеством компонентов от 8 до 14. Если в текс-

тах ГС зафиксировано 10 случаев употребления ИФ данного разряда, а в текстах НТС — 23, то в произведениях ХС — только пять, причем самой глубокой из них является девятикомпонентная фраза.

Остановимся теперь на следующих фактах. Из 580 структурных типов “слитных” и 854 структурных типов “неслитных” МИФ в проанализированных текстах всех ФС совпадают, соответственно, 109 и 57 структурных типов, т. е. 18,8% и 6,7%. Примерно столько же совпадений структурных типов “слитных” и “неслитных” МИФ было отмечено в текстах двух ФС — 107 и 56, т. е. 18,4% и 6,6%. Остальные структурные типы (364 “слитных” и 741 “неслитных”) зафиксированы только в текстах какого-либо одного ФС. В процентных показателях это, соответственно, 62,8% и 86,7%. Имея подобные цифры, есть все основания считать, что в данном плане различия в употреблении МИФ в трех ФС наиболее существенные.

В заключение представляется резонным отметить, что полученные результаты подтверждают исходную посылку о том, что между различными ФС имеются особенности в использовании таких языковых средств, которые являются общими для всех функциональных стилей; и коль скоро качества этих языковых средств остаются неизменными, различия эти должны носить функциональный и количественный характер и в силу этого служить стилеразличительным признаком.

Список литературы: 1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука. — 1981. — 139 с. 2. Наер В. Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции. //Лингвостилистические особенности научного текста. — М.: Наука. — 1981. — С. 3—13.

*В. А. Дмитренко, канд. филол. наук
Т. Н. Малышева*

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Отражение философской, эстетической концепции автора зависит от многих факторов: жанра, темы, характера изображаемого, а также от структуры самого высказывания и тех стилистических функций, которые ему присущи. В прозе XX века наблюдаются две противоположные тенденции: снятие четких разделов между синтаксическими единицами и разбегание синтаксических единиц на пунктуационно обособленные части. Именно желание избежать перенасыщения структуры предложения, стремление сделать предложение короче, отрывистее, желание приблизить письменный литературный язык к живой разговорной речи вызывает все более частое использование присоединительных конструкций с сочинительной связью (далее — ПК) — текстовых единиц, составные части которых объединены в единое структурно-коммуникативное целое присоединительным

анафорическим союзом [4, 5]. Ввиду того, что ПК отвечают общей тенденции и напряженности, сжатости и динамичности современного литературного стиля и встречаются в языках второй половины XX века, они обычно квалифицируются лингвистами как явление сугубо современное. Однако диахронический анализ английского литературного языка позволил лишь раз убедиться в том, что большинство явлений, свойственных современному языку, в той или иной степени имели место в старом языке. Так обстоит дело и с явлением ПК [6; 15]. Присоединение преобладает уже у романтиков — М. Арнольда, Т. Мура — оно может быть поддержано параллельными конструкциями и анафорой. Эффект непосредственности иногда создается уподоблением синтаксиса разговорному [2; 177—178]. У английских писателей реалистические тенденции проявляются в их стремлении обогатить свой язык особыми синтаксическими формами, свойственными живой разговорной речи. Благодаря своим богатым стилистическим возможностям ПК являются неотъемлемой частью современной английской прозы.

В стилистическом аспекте ПК одним из отправных теоретических положений должно быть определение понятия стилистического приема. Как известно, стилистический прием — “это сознательное и намеренное использование некоторых фактов языка (включая и выразительные средства), в которых наиболее существенные черты (как структурные, так и стилистические) языковых форм подняты на уровень обобщения и вследствие этого представляют собой порождающую модель” [8; 24—26]. Несмотря на столь прочные, давно завоеванные присоединительной конструкцией позиции в художественной прозе, стилистические функции ее рассмотрены недостаточно полно. Как показало исследование, ПК обладают практически неограниченными стилистическими возможностями. Одного беглого взгляда достаточно, чтобы заметить, что в любой конструкции рельефно выделяются и акцентируются коммуникативно важные звенья высказывания, обеспечивается весомость и выразительность каждому из компонентов. М.Т. Гаибова выделяет следующие стилистические функции ПК: оценочно-характерологическую, описательную, описательно-психологическую, комментирующую, детализирующую, эмоционально-усилительную [3; 5—17]. Л.П. Алексеенко упоминает также резюмирующую функцию [1; 6—11].

Являясь средством художественно-образительной экспрессии, ПК выполняет по замыслу автора ряд других стилистических заданий. Прежде всего, следует выделить функцию рельефного выделения и акцентуации коммуникативно важных звеньев ПК, внесение нового рематического акцента. Вместе с тем, это не нарушает ее структурно-коммуникативной целостности, обеспечивает весомость каждого компонента: *I'll only hope I'll be up to the other job. And by the way, please don't mention this to anyone just yet...* (I. Murdoch). В данном примере выделены обе части ПК — как на письме, так и в живом звучании, чему способствует пауза между основополагающим высказыванием и присоединяемой частью, вводимой присоединительным союзом *and*, который акцентирует внимание собеседника на присоединяемую часть, подчеркивая ее важность в коммуникативном аспекте.

ПК является одним из средств экстенсификации мысли, при сохранении компактной формы ее выражения: *She went to a plastic surgeon and emerged some weeks later without a scar or stitch. But it was a different nose; the surgeon in his way was an artist and, as I have said above, Millicent's nose had no*

sculptural qualities. (E. Waugh). Данная ПК является структурой укладочного типа, т. е. легко трансформируется в сложносочиненное предложение. Однако ПК компактнее предложения. Она объединяет в двух фразах семантически разноплановые высказывания.

Одновременно выполняя по замыслу автора различные стилистические задания, ПК могут в значительной степени ритмизировать текст, создавая эффект эфонии — чувства легкости при произнесении или восприятии: They had thought he was dead. But they had been wrong. Later they had thought he was certain to die. But again they had been proved wrong. For over a week he had been unconscious. But he had lived. (P. Abrahams). В данном примере три ПК. В нем используется прием синтаксического параллелизма; ритм здесь обеспечивает цельность текста, а также способствует созданию особого эмоционального напряжения: вначале передается ожесточенное, вопреки неизбежному сопротивлению организма смерти, в конце — присоединяемая часть возвещает о победе жизни над смертью.

Наиболее часто ПК используется для передачи устной спонтанной речи, т. к. данная структура свойственна непринужденному общению: Para is having a walk with one called Lady Muriel... And there is a honeymoon couple very embarrassing. And a clergyman and a lovely pansy with a camera and white suit and lots of families from the industrial north. (E. Waugh). Подобное перечисление, прерываемое частыми паузами, раскрывает механизм возникновения спонтанного высказывания: мысль развивается поэтапно, путем ассоциативного нанизывания отдельных высказываний.

Когда повествование построено на чередовании авторской и персонажной речи, с помощью ПК осуществляется монтаж повествовательных планов. Весьма оригинально этот прием используется Ирвином Во: ...I'll read you my notes for our first treatment:

But this was not to be; before Simon was dressed Miss Grits had been recalled to the studio on urgent business. (E. Waugh). Присоединяемая часть ПК выделена в абзац, что в совокупности с союзом *but* создает эффект неожиданности, внезапности, весьма характерный для стиля И. Во. Подобные конструкции встречаются в произведениях чаще, чем ПК с союзом *and*, что, вероятно, объясняется сатирической направленностью прозы этого писателя.

Наибольший интерес представляют так называемые описательно-психологические ПК, т. к. они способны передать любой оттенок эмоционального состояния персонажа. Наиболее простой способ такой передачи — использование ПК в прямой речи: "It is the will of the Lord that we should be different". "And the whites rich?" Mako asked. The old man was silent. "And the colored and natives poor?" The old man was still silent. "And the whites treating us like slaves?" The old man shook his head but said nothing. (P. Abrahams). Присоединяемые части в данном случае удачно передают едкий сарказм персонажа, усиливающийся как за счет синтаксического параллелизма, так и за счет "параллельного" молчания старика.

Ориентация на разговорную стихию не только при построении диалогических повествований, но и авторского монолога стала одним из самых существенных факторов развития языка современной прозы. Причин для этого много: и социальные (общая тенденция к демократизации языка), и психологические (стремление к непринужденности и раскованности при установлении общения писатель—читатель), и эстетические (поиски новых изобразительных средств) [7; 160]. В таком случае ПК служат для

изображения хода мысли автора или его героев, отражая "поиск нужного слова", развивая поэтапно мысль. Автор словно раскрывает свою творческую лабораторию, усиливая тем самым прагматическую установку повествования.

В рамках функции передачи спонтанной речи, как ее подвиды, можно выделить функции добавления и перечисления: No, darling, this is on me. And Mr Dwight, of course. (Modern British Short Stories). Добавляя еще один элемент к уже сказанному, говорящий стремится усилить предыдущую фразу, поэтому присоединяемая часть, помимо союза, нередко сопровождается вводными усилительными словами-релятивами of course, sure.

Анализ ПК в различных типах абзацев показал, что локализация ПК, их характер, структура, обусловлены как композиционно-речевым уровнем художественного произведения (формы повествования), так и индивидуально-авторскими особенностями, эстетическим намерением писателя. Так, внутри абзаца ПК выполняет функции экспрессивного выделения каких-либо его компонентов. Внутри фрагмента, между абзацами, ПК, кроме экспрессивно-выделительной, выполняет еще структурно-организующую функцию связи. Суть функции в том, что ПК является связывающим звеном, обозначающим переход от одной темы к другой. В этом случае ПК, как правило, находится в середине абзаца, однако встречаются они и в конце. В середине абзаца ПК служат также средством смыслового и экспрессивного выделения тематически важных элементов микротемы. Особенно интересны случаи, когда смысловое ядро рассекается по всему абзацу, и центральные звенья его, выделенные в присоединяемую часть, способствуют более четкому восприятию темы: Its roof was intact; and it is the roof that makes the difference between the second and third grade of Irish country houses. Once that goes you have mores in the bedrooms, ferns on the stairs and cows in the library, and in a very few years you have to move into the dairy or one of the lodges. But so long as he has, literary, a roof over his head, an Irishman's house is still his castle. (E. Waugh).

ПК используется в функции зачина. В этом случае основополагающее высказывание нередко завершает предыдущий абзац, а присоединяемая часть выносится в верхнюю границу абзаца. Это случай графического разделения ПК с помощью красной строки:

I wanted to get my first impression for a second time.

And this time I saw an absolute purpose in the overgrown garden. (Modern British Short Stories).

Достаточно часто встречаются ПК в конце абзаца, где они подводят итог, завершая микротему. В этом случае ПК выступает в резюмирующей функции: Then he said that he would let me know about the hospital bed, and would I come back in a fortnight. And that was that. (M. Drabble).

Потенциальные возможности ПК как экспрессивного средства, безусловно, велики и требуют дальнейшего исследования ее стилистических потенций, а также открывают перспективы в изучении семантических и прагматических особенностей данной лингвистической единицы.

Список литературы: 1. Алексеенко Л. П. Речевые средства в завершающей фразе английского диалога. — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Киев, 1990. — 14 с. 2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — М., 1990. — 301 с. 3. Гайбова М. Т. Присоединительные конструкции и их стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка). — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. —

М., 1973. — 21 с. 4. Дмитренко В. А. Структурно-семантические особенности и функции сложных предложений и присоединительных конструкций с сочинительной связью (на материале английских диалогических текстов). — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1987. — 17 с. 5. Дмитренко В. А. К вопросу о метатекстовом присоединении//Вестник ХГУ. — Вып. 372. — С. 22—26. 6. Карпенко М. В. Наблюдения над структурой присоединительных конструкций в современном русском литературном языке. — Дисс. ... канд. филол. наук. — Черновцы, 1958. — 233 с. 7. Мясничева Н. Н. Конструкции разговорного синтаксиса в современной художественной прозе//Межвуз. сб. науч. трудов. — Л., 1990. — С. 158—164. 8. Galperin I. R. Stylistics. — М., 1971. — 344 p.

В. А. Дмитренко, канд. филол. наук

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ МАЛОФОРМАТНЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ С ЖАНРОВО- СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТОЙ КОМИЧЕСКОГО

В жанровом разнообразии фольклора особенно ярко выделяются малоформатные тексты, эстетические функции которых всегда привлекали внимание читателей, а также исследователей фольклора и литературы.

Среди таких текстов особый интерес вызывают произведения, в основе которых лежит категория комического. В них имманентно доминирует прагматический фактор, находящий выражение в реализуемой иллюкутивной силе и программируемом перлокутивном эффекте. Комические тексты всегда рассчитаны на эффект в коммуникативном плане. Если рассматривать их в терминах фреймов, то достаточно очевидно наличие общих терминалов, одним из которых чаще всего оказывается понятие “смех”. Именно на основе этого когнитивного параметра, прагматического по своей сути, проявляется как исходное, так и различное в природе рассматриваемых категорий.

Малые жанры комического, хотя в принципе и не гомогенные явления, не лишены некоторой степени родства. К фольклорному микромиру комического относятся пословицы (в частности, их разновидность — пословицы-гибриды), поговорки, народные афоризмы, скороговорки, небылицы, каламбуры, шуточные вопросы, загадки, велеризмы*, анекдоты, мини-сказки и ряд других паремий. Как видно, объем исследовательского материала огромен. Однако, как гласит восточная мудрость, “не обязательно выпить все море, чтобы узнать, что вода в нем соленая” — т. е. можно увеличить содержательную емкость исследования, используя типологическое сходство данных текстов.

* Велеризмы — это изречения, состоящие из одной реплики и из одной ремарки персонажа. Название типа восходит к имени одного из героев романа Ч. Диккенса “Посмертные записки Пиквикского клуба”, Сэма Вэллера, который часто употреблял изречения подобной структуры.

В германском и славянском языкознании проблема жанров малых форм с жанрово-стилистической доминантой (далее — ЖСД) комического стоит остро. Несмотря на то, что появились интересные работы, посвященные отдельным фольклорным и литературным жанрам малых форм с элементами комического, полностью эти тексты не изучены: в частности, отсутствуют диахронические исследования, недостаточно работ лингвистического характера, фрагментарны сведения о природе данных жанров, отсутствуют исследования креолизованных текстов, типа карикатур, не исследован вопрос о синкретизме вербальной и иконической систем комического, не рассмотрена проблема многоплановости текстов фольклора малых форм с доминантой комического, их композиционной и смысловой трансформации, определенного изоморфизма жанров, не разработаны функционально-прагматические классификации данных текстов по конкретным критериям и многие другие вопросы.

Поэтому настоящей остается проблема сопоставительного и интегрирующего изучения малоформатных текстов фольклора с ЖСД комического и выработка глобальной картины связей различных текстов, которые включаются в так называемый “микромир комического”.

Изучаемые тексты строятся на основе фундаментального диалектического противоречия, заключающегося в том, что описание конкретного жанра есть одновременно и описание данных текстов вообще.

Типологическое изучение “микромира комического” в фольклоре сочетает два неразрывно взаимосвязанных аспекта: 1) различение этих текстов по совокупности признаков; 2) объединение данных текстов по существенным характеристикам. Таким образом, одним из этапов анализа малых текстов фольклора с ЖСД комического было установление родственных отношений между определенными группами текстов, наблюдавшихся на различных языковых уровнях, что послужило базой для создания генетической типологии данных текстов. Основной критерий, по которому данные тексты объединяются в одну большую группу — присутствие в них категории комического и малый объем их формального выражения. Тем не менее, способы реализации категории комического в них разнообразны, как многообразны и сами эти жанры, распадающиеся, прежде всего, на две эксплицитно выраженные группы: креолизованные (т. е. содержащие вербальные и невербальные компоненты) и вербальные. В свою очередь, вербальные формы существуют в разнообразных структурных выражениях: в виде монологического, диалогического и монолог-диалогического типов высказываний. “Микромир комического” в фольклоре может быть представлен как фразовой (половицы, поговорки, скороговорки, каламбуры), так и сверхфразовой (анекдоты, загадки, велеризмы, мини-сказки, побасенки) структурами, выраженными короткой цепочкой связанных друг с другом предложений или диалогом.

В свою очередь, фразовые паремии с ЖСД комического подразделяются на замкнутые и незамкнутые. Класс замкнутых составляют половицы-гибриды, народные афоризмы и ряд других фразовых единиц, которые клишированы от начала до конца. На два класса подразделяются также и сверхфразовые тексты малых форм. К первому относятся тексты в виде монологического текста, для воспроизведения которого достаточно одного человека. Таковы побасенки, мини-сказки, анекдоты. Во второй входят тексты в форме диалога, для воспроизведения которого необходимы уже два коммуниканта. Таковы загадки, анекдоты, народные считалки,

“армянские загадки”, “покупки” и некоторые другие типы таких сверхфразовых текстов. Помимо фразовых и сверхфразовых в фонде микромира комического встречаются тексты, занимающие промежуточное положение между теми и другими. К числу подобного рода текстов относятся, например, велеризмы, типа: “Волку Евангелие читали, а он сказал: “Поторопитесь, стадо уходит!””.

В каждой структуре данного жанра складывается своя иерархическая координация компонентов, выделяется доминанта, подчиняющая себе компоненты большего значения, которые, в свою очередь, подчиняют себе более дробные. Говоря о компонентах, имеющих в разных комических микротекстах фольклора разную степень значения — от второстепенной до нормативной, целесообразно использовать термин ЖСД. ЖСД комического понимается как инвариант данных комических жанров, реализующийся в любых текстах данного типа. ЖСД комического определяется на основании комических приемов и языковых средств, которые присутствуют в данном тексте, а также ситуации, которая представляется комической. ЖСД комического — не совокупность этих признаков в произведении, это его система. Как и всякая система, она строится на принципах связи ее элементов и их иерархии. Выделение элементов более функционально значимых в данном тексте соответствует выделению элементов, доминантных для жанра. Доминантными признаки являются не только более частотными, но наиболее предметными, прагматически обоснованными, т. е. позволяющие при минимальном их количестве распознать и правильно интерпретировать прагматическую функцию данного жанра. Думается, что для определения ЖСД комического важно не описание всех существующих комических приемов и средств, а нахождение минимума таких особенностей, достаточных для его жанровой идентификации.

Доминантными признаками текстов малых форм с ЖСД комического являются, в частности, наличие комических ситуаций (ситуативный юмор, в трактовке Г. Г. Почепцова); наличие комических приемов и языковых средств, способствующих экспликации комических ситуаций; формальное обрамление (рамка); композиционная структура данных текстов. Наличие комической ситуации — пожалуй, основное условие при выделении текстов с ЖСД комического. В данном случае реализуется возможность установления некоторых ситуаций, с точки зрения когнитивных параметров, репрезентируемых текстами фольклора с ЖСД комического, которая достигает в них наивысшей степени выраженности, так сказать, комической энтропии. Независимо от субъектов речевой деятельности условия коммуникации в комическом тексте требуют, чтобы он оказывал определенное воздействие. Требуемый эффект возможен при соблюдении двух условий: а) должен быть осуществлен такой отбор комических приемов и языковых средств, который бы обеспечил адекватное воплощение конкретной коммуникативной программы; б) реципиент должен воспринять комический текст адекватно замыслу его создателя.

Одним из популярных приемов комического является повторение компонентов высказывания. Это наиболее удачный способ создания комической ситуации, придающий неповторимость произведению. Комизм ситуации состоит в повторении определенных коммуникативных звеньев высказывания, повтор же создает комическую ситуацию даже там, где ее, кажется, нет. Ср. анекдот о жабе: “Папа, расскажи мне страшную-пре-страшную сказку”, — обращается сын к отцу. Погруженный в газету, отец

начинает: “Жил-был Иван-Царевич. Идет он однажды по лесу и видит...” — “Жабу?” — прерывает мальчик. “Почему жабу? Нет, прекрасную Марью-Царевну. Вот идут они дальше вместе и видят...” — “Жабу?” — прерывает малыш. “Ну, почему жабу? Нет, избушку на курьих ножках. Заходят в избушку, а там, за столом...” — “Жаба?” — спрашивает мальчик. Папа в ужасе закричал: “Нет, не жаба!” Изначально мальчик придумал себе жабу, которая его страшит, а папа рассказывает о знаковых героях и ситуациях. Именно так он себя и настроил, и так хотел воспринять текст. Однако здесь возникло противоречие — между тем, что рассказал папа и тем, что хотел услышать малыш. Возникла комическая ситуация.

Весьма удачно этот прием заимствуется и литературой. Так, в повести Р. Киплинга “Маугли” шакал, желая угодить более сильноному, власти имеющему в джунглях питону, как бы “непреднамеренно” повторяет одну и ту же фразу, создавая тем самым блестящую комическую ситуацию: “Питон: Так они называли меня лягушкой? Шакал: Да, и еще земляным червяком! Питон: Так они называли меня желтой рыбой? Шакал (радостно): Да, и еще земляным червяком!”

Другой комический прием — интерференция, т. е. намеренное изменение смысла данного текста путем подстановки другой фразы вместо обычной или прибавление новой. Этот прием нередко используется в так называемых пословицах-гибридах или народных афоризмах: С волками жить — полюбишь и козла; Кто не работает — тот ест; Береженого бог бережет, а небереженого конвой стережет и т. д.

Способы реализации комического разнообразны. Нередко комический эффект создается за счет использования прямой или образной мотивировки. Между тем, определение характера мотивировки некоторых форм микротекстов вызывает известные практические трудности, которые с помощью одной лишь интуиции не всегда можно выявить. Совершенно очевидно, что помимо соответствующих общих описаний, характер мотивировки текстов следует определять, опираясь на конкретные и четко различимые признаки. Пример прямой мотивировки (“в лоб”): — Отец, долго ли нам еще терпеть такую бедность? — Сорок дней. — А потом? — Привыкнем. Примером образной мотивировки может служить анекдот с двусмысленностью: Customer: I'm sorry, I've made a mess of my order, you must think I'm a perfect idiot. Shopkeeper: No, nobody's perfect.

Безусловно, полный прагматический эффект может быть достигнут, если произведения микромира комического будут правильно поняты, с учетом всех необходимых, принимающих участие в их создании элементов, факторов коммуникативной ситуации, а также всего комплекса стратегий обработки такого текста.

*Г. В. Ейгер, докт. филол. наук
Н. И. Маслова, канд. филол. наук*

ЛИНГВО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ (к постановке проблемы)

Антропоцентрический подход к языку, получивший распространение в последнее время, делает необходимым учет динамики языков в много-

мерном социокультурном пространстве: наряду с постоянными изменениями системы языка, вызванными не только собственно лингвистическими, но и географическими, культурологическими факторами, требует трактовки определенных операционных понятий социолингвистики, таких как “языковая ситуация”, “социокоммуникативная система”, “языковая политика”, “языковое планирование”, “языковая гетерогенность” и “лингво-культурная общность”.

Под лингво-культурной общностью (ЛКО) будем понимать такую общность людей, для части из которых родным языком является язык, доминирующий в данной стране, тогда как другая часть населения владеет им в различной степени: на уровне субординативного или координативно-го билингвизма.

Будем различать, вслед за Гектором Хэммерли [Hammerly, 1994, p.256—257] различные типы контекстов, в которых происходит процесс интеркоммуникации: “дистанцированный”, когда на изучаемом (втором) языке не говорят в сообществе и “локальный” контекст, когда изучаемый язык является доминирующим в сообществе. Автор упоминает и варианты английского языка, которые используются жителями полуострова Индостан, Филиппин и Нигерии: их исследователь относит к третьему, промежуточному, типу контекста, в котором стандартизированный международный вариант индо/филиппино/нигерийского английского, по его мнению, следует отнести к “дистанцированному” контексту, тогда как общепринятый в стране — Индии — на Филиппинах — вариант, подверженный индизации, нигеризации и пр. в ходе контакта с живыми автохтонными языками, функционирует в локальном контексте. Более того, в этом нативизированном, локальном контексте, как сообщает исследователь, вовсе не принято придерживаться стандарта произношения Великобритании.

Предложенная Г. Хэммерли типология контекстов соответствует, в общих чертах, традиционным моделям, включающим типологию EFL/ESL или, если использовать функциональную метафору Б. Б. Качру, можно говорить об английском языке, функционирующем в “inner or outer circle” (внутреннем/внешнем) круге. [Kachru, 1985, p. 21—30].

Отметим, что терминологические различия не должны затушевывать того бесспорного факта, что все ячейки представленных типологических построений не являются гомогенными. Степень социокультурной негомогенности, как нам представляется, зависит не только и не столько от типа контекста, а, скорее всего, связана с а) наличием/отсутствием живых эндогенных языков с/без развитой литературной традиции; в) состоянием полилингвальной ситуации в стране; с) ходом (наличием/отсутствием) сформированной аксеологической деонтической нормы локального варианта английского языка (АЕ; СЕ; UkrE и т. д.); d) наличием/отсутствием “литературы языкового контекста”, пласта художественной прозы и публицистики на иностранном (в данном случае, английском) языке; е) различиями в ходе процесса трансплантации английского языка. С учетом вышеупомянутых параметров предлагается выделять первичные и производные ЛКО, прямой и косвенной (опосредованной) трансплантации. Тогда, под первичным ЛКО мы будем понимать совокупность индивидуумов, групп и коллективов, для которых государственный язык является родным и которые объединены общностью культуры. Вторичные (производные) ЛКО — это сообщества, в которых для части населения государственный язык не является родным, они владеют им с разной степенью субординативного

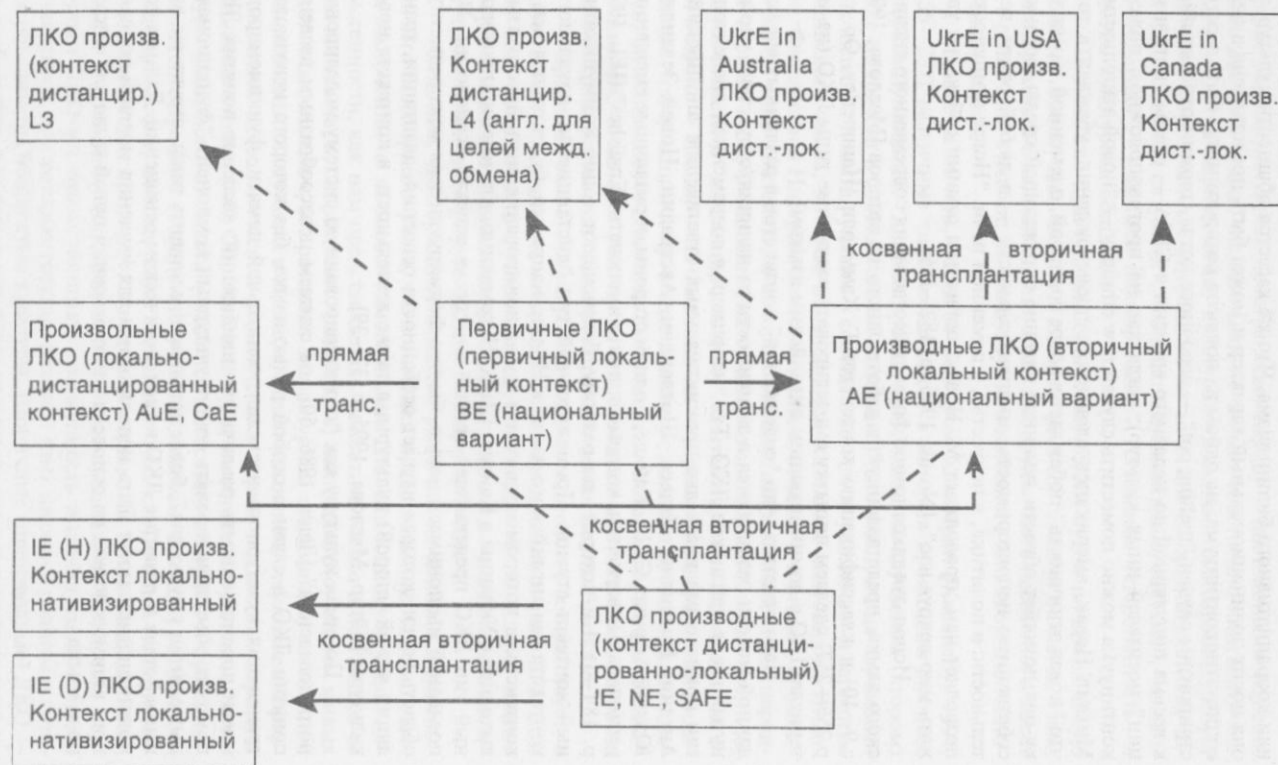
или координативного билингвизма. Что же касается общности культур, то она носит полинациональный характер и может быть представлена в виде социо-этноконтиуума, на одном из полюсов которого могут быть зарегистрированы случаи "melting pot" — варочного котла (термин относящийся к весьма популярной до недавнего времени в США — схемы "нативизации" носителей иных культур); тогда как на противоположном полюсе континуума можно поместить случаи new ethnicity — "новой этничности". Михаил Новак, американец словацкого происхождения, убежден в том, что "новая этничность" побеждает в споре со старой, племенной, поскольку она помогает обрести гуманное видение окружающей среды, осознать собственную неповторимость, индивидуальность — в любой сфере деятельности: в политике, в искусстве, у доменной печи. "Новая этничность" позволяет нам, продолжает М. Новак, оставаться самими собою, но уважать мир вокруг нас". [Novak, 1986, p. 182—186].

Используя такономию форм существования современного английского языка, представленную в работе одного из авторов [Маслова, 1992, с.9—10] и классификацию контекстов Г. Хэммерли [Hammerley, Op. cit, p.256—257] сделаем попытку смоделировать различные типы ЛКО (на материале ЛКО с доминирующим английским языком).

Надо отметить, что "содержания" контекстов в различных ячейках данной модели различаются в зависимости от наличия/отсутствия упомянутых выше признаков ЛКО. Так, например, в современной диалектологии принято различать два принципиальных ответвления: английский в Англии, Ирландии, Уэльсе, Шотландии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, США, Канаде, с одной стороны, и различные смешанные региональные варианты, которые принято именовать "Englishes" [IEL, 1992, p. 184—185] и которые, по-разному, балансируют социо-коммуникативный контекст страны. Промежуточный тип "дистанционно-локального" контекста для английского языка в Индии, например, будет отличаться от контекста, в котором происходит функционирование английского языка выходцев с Украины в Канаде, США. Несомненно, что именно производный тип ЛКО представляет особый интерес в аспекте ксенологии. Под последней мы понимаем новую, быстро формирующуюся междисциплинарную область науки, которая изучает особенности освоения, адаптации, трансляции чужой (второй) культуры, а также деятельность в контексте новой культуры [Ейгер, Маслова, 1995, с. 37—39].

Понимая культуру как "структурированную систему моделированного поведения" [Лало, 1986: 50] мы считаем целесообразным введение понятия ЛКО в связи с особой ролью языка, без которого невозможна трансляция культурного наследия, социальной памяти, функционирование и преемственность различных цивилизаций: введение понятия ЛКО поможет объективизировать социокультурный компонент "функциональных единиц у культуры", более детально представить типы, структуру, взаимодействие и развитие ЛКО в ксенологическом освещении. Данные ксенолингвистики могут быть использованы для изучения моделей социального взаимодействия на основе анализа освоения новой культуры с помощью языка.

Типы ЛКО

Анализ многочисленных литературных данных и собственные длительные наблюдения над различными ЛКО дают основание выдвинуть следующие проблемы: а) классификация ЛКО; б) взаимовлияние первичных и производных ЛКО в процессе интеркоммуникации; в) адаптация (групповая и индивидуальная) к новой культуре; г) ход и особенности процесса творчества на неродном языке; е) усвоение нового (второго) языка; ф) роль национальной памяти (предубеждений, стереотипов) и т. д. Изучение и анализ различных типов ЛКО находится пока еще на начальном этапе. Полагаем, что в разных науках уже накоплен материал, который может быть синтезирован для разработки следующих вопросов:

1. Методы анализа ЛКО. Перспективным представляется здесь подход к анализу культуры в ЛКО как идиомы — попытка применить некоторые приемы фразеологического исследования на основе постулата когнитивной лингвистики о наличии в языке и культуре общего методологического содержания [Киященко, 1996, с. 137]. В более конкретном плане могут быть разработаны такие методы анализа, как лингво-ксенологический анализ и сферный подход (моделирование духовной, материальной и социальной сфер) и степени их расхождения. В этой связи существенный интерес представляет метаязык типологии описания культуры [Лотман, 1969, с. 471—483]. Поскольку между ЛКО постоянно происходит диалог, предполагающий обмен смыслами, накопленным культурным богатством и сфокусированными в неопределенно большом количестве оппозиций, то полезным может оказаться оппозиционный анализ таких важнейших противопоставлений как “они — мы”, “наше — чужое”, “приятное — неприятное”, “добро — зло” и т. д. Новый смысл возникает в процессе снятия этих полюсов, нахождения меры их взаимопроникновения. Так, например, члены ЛКО могут осмысливать друг друга не только как носителя добра и зла, но и как сложную динамичную личность [Ахизер, 1995, с. 3—21]. При этом необходимо иметь в виду, что всякий культурный синтез связан с неадитивностью, “эффектом сборки”, метасистемным переходом [Гучинов-Руссев, 1995, с. 140].

2. Адаптация в системных ЛКО. Здесь представляются важными изучение информационного поведения человека в условиях новой культуры, необходимость учитывать большой поток информации, нередко в условиях дефицита времени, в условиях неопределенности, а также при отсутствии необходимых средств для решения задач, обеспечивающих жизнедеятельность в условиях новой среды.

Все вышесказанное, по-видимому, приводит к необходимости повышения “платы” за ошибки в действиях, которые реализуются в измененном окружении, но базируются на прошлых или несоответствующих данной среде знаниях и навыках. В связи с этим и возникают такие проблемы как проблема взаимокоррекции, изменения в сознании и окружении человека.

3. Взаимовлияние в разных ЛКО. Представляется целесообразным определить систему отношений, релевантных для описания взаимодействия ЛКО, в частности изучение 4-х видов отношений, влияющих на темпы развития цивилизованной духовности: 1) отношение к пространству — времени, способы их персонализации. В ряде новейших исследований по социальной психологии подчеркивается важность ориентации в пространстве для студентов-иностранцев, которые обучаются в различных, новых ЛКО [Emmeneger 19]; 2) отношение к воспроизведению, особенности семейно-

брачных отношений, взаимодействие поколений и т. п.; 3) отношения по поводу распределения социальных ролей; 4) отношения, направленные на поддержание социального единства [Петякшева, 1996, с. 188]. Если рассматривать ЛКО как социокультурный тип, то отношения между ЛКО можно охарактеризовать с помощью идей соционики. Адаптационные процессы, происходящие в ЛКО, связаны с самоидентификацией членов сообщества. Здесь представляет в этой связи интерес понятие самоидентификации, которое дает Д. Мид. Под самоидентификацией он понимает “способность человека воспринимать свою жизнь в целом как связанное единое целое”. В процессе общения члены ЛКО, адаптирующиеся к новой культуре, меняют, в той или иной мере, свои привычки, взгляды на жизнь в целом, что находит отражение в их “я — идентификации” [ ]. Становление механизмов идентификации рассматривается в работе [Dipper, Hiestand, 1995, p. 47, 117]. По У. Хабермасу, эта идентификация образуется из совокупности личной и социальной идентификации. Между ними, для комфортного существования, необходимо становление баланса. Этот баланс устанавливается с помощью “техник” взаимодействия, среди которых исключительная роль отводится языку [Антонова, 1996. с. 131]. В новых исследованиях обращается внимание на необходимость изучения культуры как системы значений, обнаруживающих определенное сходство с языком [Ладо, Указ. соч., 1985, с. 50—57].

Взаимовлияние ЛКО1 и ЛКО2 и переосмысление ценности первичной под влиянием знакомства с чужой культурой привлекает внимание представителей различных дисциплин [S. f.: Girouz, 1993, Dhillon, 1994, Dipper, Hiestland, 1995]. Изучение влияния чужой (второй) культуры на процесс творчества также активно разрабатывается в последнее время. Существенный социальный и психологический интерес при этом представляет изучение творчества писателей на втором (чужом) языке с учетом роли первого языка и культуры. Анализ творческого процесса первичных и производных ЛКО, связанных с различными способами трансплантации чужого (английского) языка и различной контекстуальной обусловленности — новое, перспективное направление социолингвистики, которое может дать интересные данные для теоретического осмысления хода адаптации к новой социокультурной среде. Зачастую, процесс творчества в условиях новой ЛКО сопряжен с конфликтом в ходе адаптации. Примером последнего может служить ход адаптации украинских поэтов в ЛКО Америки. Так в глубокой статье о судьбах эмигрантской поэзии, проф. Б. Рубчак подробно останавливается на причинах, порождающих “отчуждение” поэта-эмигранта в ходе адаптации к новой социо-культурной среде [Rubchak, 1983: 87]. Автор отмечает, что когда процесс творчества становится вовсе невозможен из-за “отчуждения” и ломки в ходе адаптации, единственное, что остается это спасительный круг родного языка, общей культуры. “Неразрешимый парадокс” состоит в том, что “язык поэзии (украинской) не дает поэту полностью погрузиться в окружающий мир, т. к. высших творческих взлетов поэты достигают, лишь когда пишут на родном языке, тогда как второй язык, по мнению исследователя, сужает их творческий горизонт” [Rubchak, Op. cit, p. 113]. О возможности конфликта между творчеством и адаптацией говорят и другие исследователи; в частности, описывая лингвистическую ситуацию в Канаде, где украинский язык и английский язык украинцев играют немаловажную роль. Так, Ираида Герус-Тарнавская, касаясь процесса канадизации украинского языка,

отмечает, что украинский язык в Канаде — это заметное явление социокультурного контекста страны, т. к. Канада является трансплантированным языком. Исследователь вполне справедливо отмечает, что “стремление сохранить родной язык, укрепить и развить его (в условиях нового социокультурного окружения) для будущих поколений” возможно только на пути обретения “новой этничности” [Tarnavetska, 1983, p. 157—168].

Нарушение баланса в ходе адаптации может привести к “культурному шоку” [Kumer, 1993, p. 193].

Анализ многочисленных литературных данных и собственные длительные наблюдения над различными ЛКО дают основание говорить о необходимости полидисциплинарного подхода к их изучению. При этом могут быть использованы как идеи и понятия, так и уже сформировавшийся аппарат разных наук. Полученные данные позволят описать ЛКО с такой степенью подробности, чтобы она могла послужить моделью для описания более сложных культурных сообществ и изучения взаимодействия культур.

Список литературы: 1. Антонова Н. В. Проблемы личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракции и когнитивной психологии//Вісн. Харків. держ. унів. — 1996. — № 1. — С. 131—143. 2. Ахизер А. С. Об особенностях современного философствования//Вопросы философии. — 1995. — № 12. — С. 321. 3. Гученов-Руссес Н. Природа культуры//Общественные науки и современность. — 1995. — № 6. — С. 128—140. 4. Ейгер Г. В., Маслова Н. И. Роль ксенологии в теории интеркоммуникации//Вісн. Харк. держ. унів. — № 384 (Том I). — С. 37—40. 5. Киященко Л. П. На 11 Международной конференции по логике и философии науки//Вопросы философии. — 1996. — № 1. — С. 137—141. 6. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур//Новое в зарубежной лингвистике. — вып. XXV, М., “Прогресс”, 1989. — С. 32—62. 7. Лотман Ю. М. О метаязыке типологического описания культуры//Ученые записки Тартуского университета. 8. Маслова Н. И. Эволюция английского языка в Индии в 40—80 гг XX столетия (на материале глагольных форм). Автореф. канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1992, 16 с. 9. Петякшева Н. И. Проблемы диалога цивилизаций//Вопросы философии, 1996, № 1, С. 186—191. 10. Kachru B. B. Standards. Codification and Sociolinguistic Realism: the English Language in the Outer Circle//English World Wide. A Journal of Varieties of English. 1985. vol. 7, p. 21—30. 11. International Encyclopedia of linguistics, editor in chief W. Dright, V. 1, p. 184—185. Oxford University Press 1992. 12. Iraida Gerus-Tarnavetska. “The canadianization of the Ukrainian language”, “New soil — old roots. The Ukrainian experience in Canada”. Winnipeg, 1983. 13. Girouz, Henry A. “Living Dangerously. Multiculturalism and Politics of Difference” New York, Bern, Paris, Vien 1993. 187 p. 14. H. Hammerly “A Multilingual Model for English as a “Remote” and as a “Local” language in: — IRAL, XXXII/4 (1994), November, p. 255—275, Yulius Groose Verlad Heideberg. 15. M. Kumer “Beitrag zum Fachprogramm der Expolingua”, Berlin 1993, 226 p. 16. Michael Novak “The New Ethnicity: the Next Ten Years” in: “The Ukrainian Experience in the United States”. A symposium, ed. by Paul R. Magoesi. Harvard Ukrainian Research Institute 1985, 183—197 p. 17. Bohdan Rubchak “Homes as shells: Ukrainian emigre poetry”, “New soil — old roots. The Ukrainian experience in Canada”. Winnipeg, 1983. 18. Dhillon A. P. “Multiple Identities” Phenomenology of Multicultural Communictin. Frankfurt, Berlin, Bern, New York,

1994, 206 p. 19. Dipper Ch., Hiestland R. (Hrsg) Siedler — Identitat. Frankfurt, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1995, 199 p.

Г. В. Ейгер, докт. филол. наук

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРЛОКУТИВНЫХ ОПТИМИЗАТОРОВ

Данная работа является продолжением ряда публикаций на тему “Языковые средства оптимизации перлокутивного эффекта” (“Социальный фактор эффективности речевого общения”, Харьков, 1993; “Изучение перлокутивного эффекта высказывания — новая проблема прагмалингвистики”, Мелитополь, 1994; “Оптимизация перлокутивного эффекта”, Харьков, 1995).

Общеизвестно, что одной из основных задач прагмалингвистики является выявление факторов, влияющих на форму и содержание речевого высказывания, а также определение условий, влияющих на выбор языковых средств в процессе коммуникации.

Исходным моментом следует считать схему коммуникации, включающей в себя: говорящего, слушающего, само высказывание, состоящее из пропозиции и пропозициональной установки, тональности, мотива, кода, ситуации и самого перлокутивного эффекта.

Для того, чтобы информация была воспринята адресатом соответствующим образом, необходимо соблюдать определенные правила (постулаты) и нормы языкового общения, описанные уже в ряде работ лингвистов [Карнеги, 1991], [Грейс, 1990]. Несоблюдение этих правил может привести к сбоям в процессе коммуникации, к неадекватному восприятию информации и, как следствие, к нежелательным для коммуникантов последствиям.

В подавляющем большинстве случаев регулятивную функцию в процессе коммуникации играют так называемые прагматические фильтры, представляющие собой “... набор различных факторов (социальных, физиологических, интеллектуально-психологических с переменными и константными компонентами), строго индивидуальных по составу и содержанию для каждого отдельного коммуниканта в каждом из бесчисленного множества ситуаций общения и в каждый ее момент.” [Добрунова О.В., 1994]. Такие прагматические фильтры заставляют участников коммуникации строить свою стратегию и тактику общения с учетом ограничений, накладываемых рамками существующих между ними отношений, и ситуаций.

Особое место в ряду еще не описанных языковых средств оптимизации речевого воздействия (РВ) занимают так называемые перлокутивные оптимизаторы (ПО) — средства, направленные на предупреждение, смягчение или устранение нежелательных для коммуникантов перлокутивных последствий. Исходя из уже описанной выше схемы коммуникации, следует отметить, что перлокутивные оптимизаторы (ПО) могут относиться к различным аспектам речевой ситуации, а именно:

1. к слушающему;

II. непосредственно к самому высказыванию;

- а) к его тональности
- б) к пропозиции высказывания
- в) к пропозициональной установке
- г) к коду высказывания

III. к ситуации общения;

IV. к мотивам высказывания.

Рассмотрим следующие примеры:

1. ПО, относящиеся к мотиву высказывания

Говорящий предвидит, что слушающий не поймет или неправильно понимает, почему он говорит данное высказывание и вводит ПО, объясняющие мотив высказывания: Hilbert: ... Jeanne, ich erzähle das nicht, um mich zu entschuldigen... ich weiß, jeder von uns ist mitschuldig... bis auf die kleine Minderheit, die den Kampf nie aufgegeben haben. (M.Zimmering, 1984).

2. ПО, относящиеся ко всему высказыванию.

Говорящий предполагает, что данное высказывание вызовет негативную реакцию слушающего, т. е. нежелательный перлокутивный эффект, и прибегает к ПО: "Ich habe eine Antwort für Sie. Aber es ist keine angenehme Antwort, und ich weiß nicht, ob es Ihnen von Nutzen ist, sie zu erfahren. Wollen Sie sie wissen?" (L.Feuchtwanger, 1956) или "Ich bedauere, es Ihnen sagen zu müssen, aber ich kann mir einen jugendlichen Liebhaber und Helden nicht leisten, Mark Löwenthal, von dem man in der ganzen Stadt herumerzählt, daß er Verhältnisse habe." (H.Zinner, 1984).

3. ПО, относящиеся к пропозициональной установке: "Nehmen Sie es nicht übel, bester Herr Balthasar", sprach der Professor Mosch Terpin, "aber das war ein etwas wunderlicher Spaß..." (E.Hoffmann, 1955) или "Entschuldigen Sie Reichkomissar", ergreift Berthold vorsichtig das Wort, "nier ließse sich vielleicht propagandisch einhaken." (L.Gentz, C.Andrießen, 1969).

4. ПО, относящиеся к пропозиции.

В данной ситуации, слушающему неясно, о ком идет речь, т. е. предмет разговора, и говорящий дает объяснения:

"Köster? Kenn ich nichts! Was hat er gesagt? Wie hat er sie behandelt?"

"Behandelt? Behandelt hat er sie nicht. Köster sucht ihn."

"Wen?"

"Jaffe."

"Herrgot, wer ist dennn dieser Köster?"

"Ach so — entschuldigen Sie. Köster ist mein Freund. Er sucht Professor Jaffe. Ich konnte ihn nicht erreichen. (E.Remarque, 1963).

5. ПО, относящиеся к коду высказывания.

В данном случае говорящий начинает говорить на другом языке и объясняет причину такого поведения: Er fing plötzlich Deutsch an, dessen sie völlig mächtig war bis auf einen geringen Akzent. "Erlauben Sie mir", sagte er, "daß ich deutsch spreche. Sie haben mir von Ihrem Heimweh mitgeteilt." (P.Heyse, 1958).

6. ПО, относящиеся к слушающему.

Говорящий понимает, что его высказывание носит ликоповреждающий характер и вводит ПО: Birneis: (lacht selbstgefällig, dann versönlich) Du bist ein Narr. Zäuner. Nimm's mir nicht übel. Wir wollen dir aus dem drec helfen, und du redest daher wie ein Millionär." (A.Scharrer, 1984).

При этом ПО могут быть как без соответствующих пояснений, "Verstehen Sie, Herr von Knacke, Sie sind ein dämlicher alter Drahtesel und gehören längst auf den Schrott." (A/Wendt, 1984). так и с пояснениями и даже с усилением в виде повторов: "Um des Gotten willen!" erboste sich der Geheimrat. "Sehen Sie kein Narr! Verzeihen Sie, das sollte ich natürlich nicht sagen, aber seien Sie wirklich kein Narr!" Je mehr Kosten entstehen, um so eher ist die Aussicht da, das die Mutter den bengel wirklich eines Tages einmal in eine handfeste Irrenanstalt sperrt. Sie tun der Menschheit einen Dienst," (H.Fallada, 1955).

7. ПО, относящиеся к тональности высказывания.

Здесь говорящий приносит извинения за неадекватный ситуации тон высказывания, прибегая к ПО: Herr von Studmannn verbeugte sich nur, weiß bis unres Haar.

"Entschuldigen Sie, daß ich etwas heftig wurde Herr von Studmann", sagte sie und hielt ihm die hand hin.

"Es geht mir nicht sehr gut, aber das müste ich ja eigentlich nicht sagen müssen." (H.Fallada, 1955).

8. Значительное число ПО связано с ситуацией общения:

а) При нарушениях речевого этикета: "Verzeihen Sie, Monsieur Dupont, daß ich mich noch nicht vorgestellt habe. Mein Name ist Steppenkötter" (H.Schauer, 1977).

б) невнимательное отношение к слушающему: "Wie war das, Herr von Studmann? fragt Frau Eva und lacht. "Entschuldigen Sie, ich war mit meinen Gedanken ganz woanders". (H.Fallada, 1955).

в) прерывание собеседника в момент его речи или вмешательство в разговор: "... Verzeihen Sie, wenn ich unterbreche, Bürger Sekräter, aber lesen Sie, bitte, nur das Wichtigste". (L.Feuchtwanger, 1956).

г) сбой в канале связи, вызванные ситуацией: "Entschuldigen Sie," sagte ich verzweifelt in das Telefon, "ich kann Sie nicht verstehen, hier tob ein Säugling; aber es ist nicht meiner." (Remarque, 1963).

Введение ПО не всегда обеспечивает достижение поставленной автором цели:

"Wovon reden Sie? Meine Jungen sind im Ausland."

"Verzeihen Sie, aber ich muß annehmen..."

"Bitte gehen Sie! Lassen Sie mich in Ruhe." (W.Schreyer, 1970).

Обстоятельства таковы, что слушающий не может принять высказывание говорящего и отказывается даже слушать его.

К перлокутивным оптимизаторам могут относиться такие директивы, как вид речевого акта, которые регулируют эмоциональное состояние слушающего: "Erschrecken Sie nicht", sagte ich gepreßt... aber befor ich fortfahren konnte, sagte sie seltsam ruhig, "Ich weiß alles, er ist tot." (H.Böll, 1968).

В заключение отметим, что перлокутивные оптимизаторы указанного типа обнаруживаются не только в диалоге, но и в художественном тексте — в речи "рассказчика", псевдоавтора, например: "... Auch der eben geschlossene Abschnitt ist für meinen Geschmack viel zu angeschwollen und nur zu ratsam will es mir scheinen, mich nach der ausharrenden Geduld des Lesers zu fragen." (T.Mann, 1975).

Здесь в тексте в качестве специального метакоммуникативного вклинения вставлена отдельная фраза, в которой перлокутивные оптимизаторы состоят из двух частей:

- 1) констатация недостатка в стиле изложения;
- 2) просьба к читателю некоторое время примириться с таким стилем изложения.

Дальнейшее исследование данной темы предполагает:

- изучение взаимоотношений между видами РА и характером ПО, а также взаимодействие между видами различных ПО;
- определение их синонимии и вариативности;
- расположение ПО в структуре одной или нескольких реплик с учетом типичных грамматических структур, в которых используются данные перлокутивные оптимизаторы.

Список литературы: 1. Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. Л., 1991. 2. Грейс Г. П. Логика и речевое общение. М., 1990. 3. Добрунова О. В. К вопросу о причинах успешной (неуспешной) коммуникации // Гуманітарні аспекти наукових досліджень у вищому педагогічному навчальному закладі. — Горлівка, 1994. 4. M. Zimmerling, "Familie Blanchard" // Stücke aus dem Exyl, 1984, S.241. 5. L. Feuchtwanger, "Brüder Lautensack", Pöbneck, 1956, S.81. 6. H. Zinner, "Arrangement mit dem Tod", B., 1984, S.23. 7. L. Gentz, C. Andrießen, "Das Spiel mit dem Tode", B., 1969, S.85. 8. E. Hoffmann, "Klein Zaches genannt Zinnober", // Deutsche Novellen aus dem 19. Jahrhundert, Moskau, 195, S.193. 9. E. M. Remarque, "Drei Kameraden", Moskau, 1963, S.80. 10. P. Heyse, Novellen, Moskau, 1958, S. 125. 11. A. Acharrer, "Die Zäuners" // Stücke aus dem Exil, B., 1984, S.157. 12. A. Wendt, "Die Dachdecker und andere Stücke und Texte", B., 1983, S. 51, 54, 142, 181, 208. 13. H. Fallada, "Wolf unter den Wölfen", B., 1955, S. 258, 280 (B.II), S.467 (B.I), S.113 (B.I). 14. H. Schauer, "Die Jagt der Gejagten", 1977, Halle, S.11. 15. L. Feuchtwanger, "Exyl", B., 1956, S.494. 16. W. Schreyer, "Schwarzer Dezember", Halle-Leipzig, 1970, S.94. 17. H. Böll, "Mein trauriges Gesicht", Progress, 1968, S.29. 18. T. Mann, "Doktor Faustus, B., 1975, S.93.

А. И. Иванченко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРА КАК ХАРАКТЕРНОЙ ЧЕРТЫ РЕЧЕВОГО АКТА ЭКСПРЕССИВА

Основной задачей нашего исследования было изучение некоторых особенностей синтаксической структуры речевых актов экспрессивов (РАЭ), под которыми в данной работе понимаются речевые акты, иллюкутивная цель которых (по Серлю) заключается в выражении психологического состояния говорящего [Серль, 1897, с. 185] и к которым в настоящее время относят все виды высказываний, интерпретируемых как оценочные (одобрение—неодобрение), или включающие определенный оценочный компонент (оскорбление—комплимент) — т. е. (по Вольфу) социально обосо-

ванные извинения, поздравления, и т. п., а также оценочные высказывания, выражающие эмоциональное состояние говорящего и оказывающие эмоциональное влияние на слушателя [Вольф, 1985, с. 161—166].

Как одна из наиболее характерных черт РАЭ рассматривались повторы — наличие которых, с нашей точки зрения, в большинстве случаев позволяет отнести РА к классу экспрессивов [Александрова, 1984, с. 183—184] — а также случаи их сочетания с другими формально-семантическими характеристиками РАЭ: эмоционально-маркированной лексикой, прерывистостью синтаксической структуры и ее незавершенностью. Повтор более изучен в лингвистической литературе с точки зрения его формальных морфологических, синтаксических, частично тестобразующих характеристик, и менее изучен с точки зрения его функций в процессе речевой деятельности. Известно, что основной функцией повтора является эмоциональная или эмоционально-усилительная [Киселева, 1981, с. 14—17] — поэтому объектом настоящего исследования явилась речевая деятельность человека, т. е. повседневная речь. Материал исследования составили около 200 высказываний с различными видами повторов из прозаических произведений современных англо-американских писателей. В качестве повторов рассматривались образования, повторяемые не только в пределах предложений, но и предложения-высказывания и группы таких предложений, повторяемые на значительном расстоянии в тексте. Задание настоящего исследования включало характеристику эмоционально-усилительной функции повторов, классификацию их с точки зрения теории речевой деятельности, изучение их сочетаемости с другими формально-семантическими характеристиками РАЭ и изучение прагматических функций таких образований, а также их способности характеризовать различные аспекты речевой ситуации, до сих пор довольно мало изученной. С использованием научного аппарата прагмалингвистики и текстологического анализа при изучении способов использования повторов, учитывалось их соотношение с такими компонентами речевой ситуации как сам говорящий, его интенция, слушатель/читатель с его способностью воспринимать текст. В результате проведенного исследования были получены следующие выводы:

1. Повтор может встречаться как в одном РА, так и в целом РАЭ, расположенных последовательно или на некотором расстоянии в пределах одного небольшого текста. Такой повтор может представлять собой как повторяемую единичную номинацию, так и ряд номинаций, и даже повторяемые РА. Исходя из этого, предлагается следующая система классификации повторов: 1) Повтор речеактовой, т. е. в пределах одного РА а) в завершенной и б) в незавершенной синтаксической структуре (с интенсификатором или без). Под интенсификатором понимаются междометия, усилительные частицы, прилагательные и наречия, присоединяемые к повтору, а также интонационные средства выделения повторов (передаваемые в письменной речи курсивом или другими средствами) и морфологические средства типа “do” в повествовательных конструкциях. 2) Повтор текстовой а) чистый и б) переспрос. Таким образом, выделяется повтор в пределах одного РА и в тексте.

РЕЧЕАКТОВЫЙ ПОВТОР. Под речеактовым повтором (РАП) мы понимаем повтор одной или нескольких лексем в пределах одного РА (возможно также сочетание речеактового и текстового повторов, когда одна и та же номинация повторяется в нескольких РА, о чем см. ниже).

РАП в завершенных синтаксических структурах реализуется при определенных экстралингвистических условиях — говорящий переживает достаточно бурные эмоции, выражаемые при помощи РАЭ. Завершенные синтаксические структуры с повторами, как правило, восклицательны, например: *But he is so stupid — so stu-upid! One does not write such things to woman. But do not trouble, Hannelle — it is words, words, words!* [Lawrence, 1985, p. 248].

РАП может сочетаться с особыми эмоционально-маркированными синтаксическими моделями — номинативными и инфинитивными конструкциями: *Books, books, books! Books, paper, pens, ink! Books! Walls and bastions, buttresses and gables of books!* [Baruch, 1964, p. 230]. *To be hated — fathomlessly hated! — he know it among the terrible, blackguffed mountains* [Lawrence, 1985, p. 197].

РАП в сочетании с незавершенной или прерванной синтаксической структурой свидетельствует о высокой степени концентрации эмоций, что ведет к дезорганизации, упрощению синтаксической структуры, неупотреблению системных средств синтаксиса: *"Would you like to read the letter? asked Johanna. — "But Johanna! Why will you do such a thing? Why trouble him with such a — such a —" cried Louise* [Lawrence, 1985, p. 300]. *"You are a fool — I have you! Talking it over with her — everything, everything. I have you — I hate you!"* [Lawrence, 1985, p. 249].

В этом случае типичными интенсификаторами являются междометия или интонационные средства выражения, например: *"In his eyes was a gleam of ill-wishing as wicked as any I had seen. 'There, you ...' He ground his teeth at me. 'You-you-you are bad! I-I-I'll hurt you! I'll hurt you'"* [Baruch, 1964, p. 68].

То же относится к случаям сочетания повторов и прерывистости структур: *He sat up. There was a white blotch under the window. It was Johanna crouching there, sobbing. "Why have you got up? You'll be cold." — "Oh no—oh no—", she sobbed. "But what is the matter? Come back to bed" — "No—no—no—o!" she sobbed madly. "No—no! Leave me alone—Leave me alone!"* [Lawrence, 1985, p. 240] — а также к сочетанию повторов и незавершенности структур. Примечательно, что многие обрывы в речи, незавершенные предложения заканчиваются повтором. Повторяется в конечной позиции не обязательно полнозначное слово, выполняющее важную коммуникативную функцию — это может быть и служебное слово: *"She must have gone out and posted it last night just before. — before—" he ripped open the envelope and drew out a thick enclosure"* [Christie, 1983, p. 26].

ТЕКСТОВОЙ ПОВТОР В качестве текстового повтора (ТП) могут выступать как лексемы так и РА: *"I pity you. I pity you. You may well despise life. Yet I pity you. Life will despise you"* [Lawrence, 1985, p. 107].

В случае повтора РАЭ могут повторяться как неэтикетные, так и этикетные экспрессивы, например: *"Oh my God, she said. Then she said it louder, so other people heard. They gathered around, and she opened the box and she almost screamed when she saw the sapphire with a beautiful star in it. "Oh, my God!" she said again. She gave Billy a big kiss. She said: "Thank you, thank you, thank you!"* [Vonnegut, 1976, p. 72]. В качестве интенсификаторов здесь могут выступать интонация или морфологические средства типа "do": *"All I can say, Gilbert, is that I am sorry for you! I am sorry for you!"* [Lawrence, 1985, p. 171]. *I can't help it that I needed that, can I? I did need it* [Lawrence, 1985, p. 162].

ТП может также сочетаться с прерывистостью синтаксической структуры или чаще с ее незавершенностью: "I thought you were drunk. I thought you had to be drunk before you came to see me. I thought you'd been out with that blonde. I thought — I don't know what I thought! [Chandler, 1988, p. 161]. "To say I don't love you! To say such thinks!" he whispered into her hair. "To say I don't love you when-oh God!" [Lawrence, 1985, p. 296]. В последнем случае происходит, кроме того, сочетание ТП с инфинитивной конструкцией, одной из особых эмоционально-маркированных синтаксических моделей. В сочетании с ТП могут употребляться также номинативные конструкции — что обычно бывает вызвано высокой степенью концентрации эмоций, приводящей к дезорганизованности речи говорящего, заикливании его на определенных идеях, очевидно, служащих источником наиболее мощного эмоционального напряжения: "Spoon! I bit of a spoon!" she uttered the word as if it was full of castor oil. "Spoony! Spooning!" the very sound of it turned her stomach acid [Lawrence, 1985, p. 18]. Особую остроту в сочетании с ТП приобретают номинативные конструкции, используемые для передачи отрицательных эмоций (the/this, that, those/N; you and your N): "The camel! The camel!" she screamed from the opposite bank. "You look such a sight — like a camel with a hump!" So she screamed from the distance and laughed with derision [Lawrence, 1985, p. 307]. "But it is an unclean carrying—on for a man like you." — "Not at all. I do remember! You and your remembering!" (ibid)

В большинстве случаев повтор-переспрос является РАЭ, и вызван несоответствием представлений о мире говорящего и адресата, что и вызывает у последнего эмоциональную реакцию, при выражении которой он использует переспрос: "Papers!" John demanded. "Papers, major?" The man in the back seat was clearly annoyed. "Don't you know who I am?" [Kirkwood, 1986, p. 256].

Эмоциональные повторы-переспросы отличаются, как правило, многократным (2—5 и более раз) повторением: "Oh you are cruel to me, you are cruel to me, you are —" she sobbed with a strange irrational continuance of a child — "I? Why? How? How am I cruel to you?" — "You are! You torture me — yes — you do!" — "But how? How? I don't torture you" [Lawrence, 1985, p. 31].

В качестве интенсификаторов в эмоциональных повторах-переспросах выступают, как правило, интонационные средства (передаваемые в письменной речи курсивом) или вводные элементы типа *what the hell, why on earth, etc*: "Mr Trout" she said "if I win, can I take my sister with me, too?" — "Take your sister, too? Hell, you think money grows on *trees*?" [Vonnegut, 1976, p. 83]. "You are really horrid to her" — I am horrid to her? Oh dear oh Lor! Isn't she horrid to *me*? Doesn't she make the pray for me and have another bout of nerves. Doesn't she make the house smell of *valeriana*? Isn't she a bitch? Has she written to me since I'm back from *Odessa*?" [Lawrence, 1985, p. 30].

Близки к эмоциональным повторам-переспросам эмоциональные ТП в диалогической речи, представленные восклицательными номинативными конструкциями, как правило, с последующим расширением/уточнением, с усилением за счет введения интенсификатора или с противопоставлением: "He's got his human side to him right enough" he said — "Human! You call it human! A yellow dog in the streets has more humanity!" [Lawrence, 1985, p. 18]. Очевидно, такие конструкции служат для выражения иронии/сарказма, причем на более высокую степень концентрации эмоций указывают многочисленные повторы: "I'm here and in Boston, in a way." — "In a way! In a way! Damn your ways! Damn your spirit!" [Baruch, 1964, p. 209]. "But

I thought I loved him—" — "Thought! Thought! You've thought too much! I'd leave off thinking if I were you." [Lawrence, 1985, p. 209]. Крайним случаем такого ТП является повторение с расширением и противопоставлением незначимого слова, единственного члена эллиптического РА: "Who put me in your funny private house?" — "But—" — "But me no butts. I'll drown you in a butt of Malmsey wine. I wish I had a butt of Malmsey wine to drown in myself" [Chandler, 1988, p. 158].

РАП и ТП часто сочетаются. В ТП, как правило, встречаются повторы в пределах одного РА. Возможно либо повторение одной и той же лексемы как в одном/нескольких РА, так и в последующих — либо повтор различных лексем в различных РА: "I love you. I love you. I only love you. And I love nothing but you in all the world — nothing in all the world" [Lawrence, 1985, p. 259].

Таким образом, кроме вышеприведенных, можно сделать такие выводы: 2. Как РАП, так и ТП могут усиливаться интенсификаторами (междометиями, частицами, прилагательными и т. п.) для подчеркивания их эмоционально-экспрессивного потенциала. 3. Повторы часто сочетаются с другими формально-семантическими характеристиками РАЭ (прерывистой и незавершенной синтаксической структурой, номинативными и инфинитивными конструкциями). 4. Повтор обычно свидетельствует о сильной эмоции говорящего, что отражается в дезорганизации синтаксической структуры.

Список литературы: 1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М.: 1984. 2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: 1985. 3. Киселева Т. Ю. О лингвистическом статусе лексённой редупликации//Пограничные явления (синтагматика, парадигматика). Пермь: 1991. 4. Серль Дж. Классификация иллюкутивных актов//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: 1987. — С. 181—197.

А. П. Краснящих

МЕТАЛИНГВИСТИКА МОДЕРНИЗМА (М. М. БАХТИН И ДЖ. ДЖОЙС)

В первой половине XX века мировая философская мысль обновилась совершенно новым мироощущением: практически одновременно в разных странах появились и образовали свои школы самостоятельные оригинальные теории с единой исходной посылкой — диалогом. Отталкиваясь от неокантианства Марбургской школы Германа Когена, феноменологии Эдмунда Гуссерля и исследования Р. Гирцеля "Диалог. Литературно-исторический опыт" (1895), диалогические концепции определили эстетико-культурологическое мышление всего века.

Среди теоретических построений Аби Варбурга (1866—1929), разрабатывавшего в 1900-е годы нелинейный исторический метод "диакритической иконологии" (конфликтный характер мета-контактов в толковании символов), "Я и Ты" (1922) Мартина Бубера (1878—1965), представлявшего бытие как глобальный диалог между богом и человеком, человеком и

миром, "Язык и реальность" (1969) Ойгена Розенштока-Хюси (1888—1975), работы русского философа, текстолога и литературоведа Михаила Михайловича Бахтина (1895—1975) "Проблемы поэтики Достоевского" (1929), "Автор и герой в эстетической деятельности" (1924), "Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве" (1924), "Слово в романе" (1934—1935) наиболее полно и целостно передают суть диалогического мировоззрения.

Исходя из приоритета прозы как самой динамичной, неофициальной и наименее ангажированной части культуры М. М. Бахтин доказывает, что роман и именно полифонический стал воплощением прозаического идеала. В ряде основных критериев полифонического романа: карнализации, амбивалентности, гротеска, внутренне диалогизированного слова — понятие металингвистики является ключевым. Высказывание, которое должно изучать металингвистика, — это монада литературно-художественного процесса, интонационно окрашенное и интенционно обусловленное связующее звено между культурами, эпохами и жанрами: "Всякое конкретное высказывание — социальный акт. Будучи даже единичным материальным комплексом — звуковым, произносительным, зрительным, высказывание в то же время — часть социальной действительности. Оно организует общение, установленное на ответную реакцию, само на что-то реагирует; оно неразрывно вплетено в событие общения. Его единичная действительность есть уже не действительность физического тела, а действительность исторического явления" [2, с. 134].

Высказывание концентрирует основную идею диалога: оно говорит не "о ком-то", оно обращено "к кому-то". Именно этот вектор, этот выход за границы законченности и закрытости слова М. М. Бахтин и рекомендовал изучать будущим металингвистам. К сожалению, фундамент науки, заложенной русским философом, остался не востребованным: его идеи до сих пор не получили должного воплощения.

Интересно, что теоретически неоформленная и поныне, металингвистика существовала уже в начале XX века в произведениях (а именно текст полагался М. М. Бахтиным в основу диалогической концепции) русского модерниста Андрея Белого и ирландца Джеймса Джойса (1882—1941). Периодически обращаясь в своих работах к хронотопу творчества А. Белого и посвятив несколько лекций, прочитанных в начале 20-х годов, А. Белому и Вяч. Иванову (теорию символизма ученик М. М. Бахтина В. С. Библер в своей книге "Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры" (М., 1991) считает одним из истоков диалогического мышления М. М. Бахтина), М. М. Бахтин, тем не менее, прошел мимо полифонических и металингвистических инноваций модернизма.

Гораздо последовательнее в исследованиях был испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955), еще недостаточно осмысленный нами диалогический мыслитель. В работе "Дегуманизация искусства" (1925) Ортега теоретизировал художественное миропонимание модернизма ("нового искусства" в его терминах), в "Восстании масс" (1929) диагностировал кардинальные изменения в социальной психологии и мышлении человека XX столетия и, наконец, в труде "Человек и люди" (отдельные главы — 1939 г., полностью — 1956 г.) пришел к выводу, полностью совпадающему с идеями М. М. Бахтина: "...мы убеждаемся в своем я после того и благодаря тому, что узнали тех, кого называем ты..." [3, с.376].

Подчеркнем, что, как и М. Бахтин, исследуя специфику intersubjectных отношений, Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал актуальность металингвистического метода, который он называл "теорией речений": "...слово же становится словом не когда оно произнесено, а когда оно услышано. Произносящий старательно артикулирует звуки, фонемы, которые до этого он уже слышал в чужом произношении. Таким образом, в сложившемся языке важен, прежде всего, звук услышанный, а сам звук — явление акустическое" [3, с.460].

Нам представляется весьма существенной закономерность, что в генезисе диалогического мировоззрения двух выдающихся философов XX века исходной точкой был модернизм. Исходя из постулата М. М. Бахтина о конкретном тексте как историко-литературном средоточии всех прошлых и будущих текстов, охарактеризуем металингвистику модернизма в произведениях наиболее значительных его представителей: Андрея Белого, Джеймса Джойса, англичанки Вирджинии Вулф (1882—1941) и аргентинца Хулио Кортасара. В романах этих модернистов можно выделить четыре композиционных уровня металингвистики.

1. Архитектонический. В "Улиссе" (1922) Дж. Джойса векторы диалогических отношений как центростремительны (замкнуты в континууме романа), так и центробежны (коррелируют со всей предыдущей литературой): первые детерминированы взаимоотношениями восемнадцати глав, наделенных собственной индивидуальной музыкой, цветом и символом-лейтмотивом; вторые проявляются в пародийной (условие для любого диалога по М. Бахтину) стилизации целых глав под эпос, романтизм, бульварную литературу, дамский роман или газетные штампы. К тому же любое действие и событие "Улисса" аллюзирует к гомеровской "Одиссее".

Дж. Джойс впервые применил метод одновременности происходящего. В 1925 году в романе "Миссис Деллоуэй" В. Вулф, явно апеллируя к "Улиссу", дает "поперечный срез" жизни лондонского Уэст-Энда в один из июльских дней 1923 года (восьмисотстраничное действие "Улисса" уложено в 16 июня 1904 г.).

Этот художественный метод одновременного изображения многих событий Х. Кортасар в романе "Книга Мануэля" (1973), произведении, во многом теоретически резюмирующем модернистские находки, определил так: "Линейное повествование разбилось на куски из-за множества синхронных событий" [1, с. 183].

2. Стилистический. Поток сознания главных героев "Улисса", "Миссис Деллоуэй", "Книги Мануэля" и "Петербурга" (1913) А. Белого, зародившись в эмбрионах внутреннего монолога XIX века, в начале века XX достиг вершин внутреннего диалога, который с помощью аллюзивного метода реминисценций и цитат связывает мышление персонажей с предшествующей литературой, дает оценку прошлому с позиции настоящего и одновременно сегодняшним днем проверяет мышление вчерашним. Для этого в романах широко используется прием перебоя мыслей и прием параллельного развертывания двух рядов мыслей, а также передачи слитности потока сознания с автоматически совершаемыми действиями.

Диалог охватывает не только литературный контекст, но и взаимодействие с конгениальным читательским мировоззрением. Метод "моста" (термин Х. Кортасара) разворачивается по схеме: реминисценция — диалогическое опосредование в сознании персонажа — апелляция к интеллекту читателя.

3. Вербальный. В постмодернистских, итоговых для авторов, романах "Поминки по Финнегану" (1939) Дж. Джойса, "Волны" (1931) В. Вулф, "Москва" (1939) А. Белого практически нет ни одного монологически твердого, неразложенного слова. Крайняя и острая внутренняя лингвистическая диалогизация реализуется в дериватах, состоящих из основ двух и более слов, иногда разных языков, онomatopoezie, построенной на звуко-подражательных элементах, и символах, тяготеющих к организации симулякров как универсальных моделей мира.

Подобный металингвистический код Х. Кортасар назвал "экофоном" — экономий фонем.

4. Персонажный. Модернизм дал мировой литературе совершенно новый тип героя, отбросившего маску дель арте и архетипов, переросшего маленького человека предыдущей литературы и воплотившего на принципах амбивалентности и гротеска героя нынешней эпохи — среднего человека (everyman по Дж. Джойсу, человек—"масса" по Х. Ортеге, и человека пограничья культур по В. С. Библеру). Этот персонаж органически совмещает в себе совершенно противоположные психологические, национальные, религиозные и мировоззренческие характеристики, проявляя каждый раз новую черту в смененной ситуации (в полном соответствии с его потоком сознания).

Эти художественные открытия модернизма определили лицо всей мировой литературы XX века и, мы полагаем, истоки как диалогических теорий, так и гуманитарного разума (переакцентировки с познания на культуру, по В. С. Библеру) надо искать именно в текстах Дж. Джойса, А. Белого, В. Вулф, Х. Кортасара и других модернистов, создававших металингвистику еще до того, как она получила теоретическое оформление в философии.

Список литературы: 1. Кортасар Х. Книга Мануэля//Иностранная литература. — 1994. — № 3. 2. Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику (Бахтин под маской. Маска вторая). — М.: Лабиринт, 1993. — 208 с. 3. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. — М.: Радуга, 1991. — 640 с.

*В. С. Кузьмина
С. В. Меркулова*

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В последнее время все отчетливее наблюдается тенденция изучения иностранного языка в языковых вузах с использованием художественной литературы (ХЛ), а художественный текст (ХТ) все больше осознается как лучший источник языковых средств на продвинутом этапе изучения иностранного языка. Художественная литература была и остается основным и

универсальным средством накопления, хранения и передачи опыта, знаний, мыслей, большого и разнообразного тематического, лексического, грамматического и стилистического материала. Для самообразования студента, изучающего иностранный язык, важно не только чтение ХЛ на иностранном языке, но и немедленная оценка читаемого и анализ прочитанного. В этом смысле развитый навык чтения ХЛ на иностранном языке и накопленная посредством чтения информация приобретают для студентов языкового вуза совершенно особое значение, т. к. создают как бы "микросферу" языка и тем самым обеспечивают функционирование одной из важнейших сфер интеллектуальной деятельности — получение образования на иностранном языке [Картер Р., Лонг М., 1987]. Кроме того, развитый навык чтения ХЛ на иностранном языке оказывается настолько стойким, что он прекрасно противостоит интерферирующей среде родного языка.

Использование ХЛ на иностранном языке в обучении иностранному языку в языковых вузах имеет следующие преимущества:

- проблемы ХТ стимулируют интерес и внимание со стороны студентов;

- страноведческая и культурно-эстетическая информация не только усваивается, но и эмоционально воспринимается студентами;

- разнообразие жанров ХЛ обеспечивает студентов обширной языковой информацией в области грамматики, лексики, синтаксиса и стилистики.

Однако, практика работы с ХТ показывает, что в методике обучения ИЯ с опорой на ХТ имеется ряд недостатков. Одним из таких типичных недостатков является использование в качестве объекта изучения только языка ХЛ и, следовательно, преобладание чисто языковых упражнений для работы с текстом. Если мы рассмотрим систему упражнений для работы с ХТ, предложенную в учебнике "Практический курс английского языка" под редакцией Аракина В. Д., который является основным учебником студентов английского отделения факультета иностранных языков ХГУ, то становится очевидным, что эта система упражнений не является достаточно эффективной и не вызывает творческой активности студентов.

Учитывая вышеизложенное, нами была выдвинута следующая гипотеза: "Использование системы упражнений творческого характера на старших курсах языкового вуза способствует высокой продуктивности усвоения нового языкового материала, вызывая интерес и внимание со стороны студентов." Эта гипотеза была положена в основу методического эксперимента, который был проведен в естественных условиях на кафедре английской филологии факультета иностранных языков ХГУ. Для участия в эксперименте были отобраны две группы: экспериментальная и контрольная, каждую из которых представляло 8 студенток III курса ХГУ. С целью выявления начального уровня знаний студентов был проведен предэкспериментальный срез, который состоял из двух письменных работ:

- 1) перефраз с использованием активной лексики (с целью выявить, насколько студенты владеют только что пройденным материалом и насколько свободно используют синонимы и синонимичные фразы);

- 2) сочинение (150 слов), при этом студенты сами выбирали одну из предложенных тем, связанных общей проблематикой, но не связанных с содержанием изученного текста. В рамках этого задания мы пытались выявить, насколько свободно студенты пользуются новой активной лексикой для выражения своих мыслей на письме. При этом испытуемым не давалось задание использовать в сочинении активную лексику. С другой сторо-

ны, сочинение должно было показать, насколько аргументировано и содержательно студенты оформляют свои мысли. В процессе эксперимента контрольная группа продолжала обучаться по учебнику Аракина, выполняла только упражнения и задания, данные в этом учебнике. В экспериментальной группе изучался тот же литературный текст, что и в контрольной, но студенты выполняли специально разработанные упражнения только творческого характера, направленные на работу над проблематикой текста, активной лексикой и способствующие развитию речемыслительной деятельности. Это следующие виды упражнений:

1) Прокомментируйте заголовок данного ХТ. Предложите свой вариант заголовка, если вы не согласны с автором. Подтвердите свою точку зрения с опорой на текст.

2) Найдите в тексте детали, указывающие на место и время проходящих событий (Помимо дат и географических названий, указанных автором в ХТ).

3) Что хочет сообщить нам автор данного ХТ? (При этом студентам предлагается ряд словосочетаний для описания впечатлений, полученных при чтении текста, однако, некоторые из этих словосочетаний могут быть соотношены с данным ХТ, а некоторые — нет).

3а) Проверьте индивидуально, какие из предложенных утверждений-впечатлений соответствуют тексту.

3б) Сравните свою точку зрения с точкой зрения вашего партнера.

3в) Выберите вместе с другим студентом 3 наиболее важных с вашей точки зрения утверждения-впечатления, соотносимые с ХТ.

3г) Преобразуйте все утверждения в одно предложение.

3д) Сравните свое предложение с предложениями других пар и выберите лучшее с точки зрения логики и английской грамматики. (Предложение, признанное лучшим, рекомендуется написать на доске).

4) Разделитесь на 2 группы с лидером в каждой. Одна группа принимает точку зрения “за”, другая — “против” относительно какого-либо утверждения или литературного персонажа. Аргументируйте свою точку зрения с опорой на ХТ.

5) Разверните диалог по 5—6 реплик с каждой стороны, используя слова и словосочетания, выделенные после текста. (При этом преподаватель предлагает начальные реплики для будущего диалога, взятые из самого ХТ. Для каждой пары/группы предлагаются отличающиеся друг от друга реплики).

6) Продумайте, как изменится диалог в ХТ, если ... (Преподаватель предлагает новые ситуации, в которых мог бы разворачиваться диалог).

7) Ответьте на следующие вопросы, используя синонимичные активной лексики слова и фразы, содержащиеся в данных вопросах. (Вопросы не должны касаться содержания текста, а должны представлять мини-ситуации, интересные по содержанию для студентов).

Если студенту предложен отрывок из ХП, а не ХП целиком, то целесообразно выполнять следующие упражнения:

8) Подумайте, каким могло бы быть начало и окончание данного отрывка. Что позволяет вам сделать данное предположение?

9) Какие слова/фразы характеризуют данный художественный персонаж? Какие из слов, используемых автором, наиболее эмоционально окрашены? Распределите слова по шкале в соответствии с силой их эмоционального воздействия.

—	0	+
слова с наиболее негативным воздействием	слова с нейтральной окраской	слова с наиболее положительным воздействием

В качестве итоговых упражнений целесообразно использовать следующие виды упражнений:

10) Разделитесь на группы/пары. Изучите лексические карточки с предложенной активной лексикой, на основе которых постарайтесь раскрыть одну из проблем, поднятых в тексте.

11) Какие слова/выражения ассоциируются у вас с проблематикой, конфликтом, темой, поднятыми автором в ХТ?

По окончании экспериментального обучения был проведен итоговый срез. Через 4 недели с момента проведения итогового среза мы провели отсроченный срез с целью выявления прочности усвоения студентами новой лексики. Результаты этих 3 тестов показаны в следующей сравнительной таблице:

	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Виды срезов
Перефраз (средний % допущенных лексических ошибок)	18	28	Предэкспериментальный срез
Сочинение (средний % использованной активной лексики)	1,3	0,8	
Перефраз (%)	2,5	24,3	итоговый срез
Сочинение (%)	6,3	0,2	
Перефраз (%)	13,3	54,7	отсроченный срез
Сочинение (%)	4,2	0,2	

Сравнительный анализ 3-х тестов, проведенных в группах, показывает, что разница между качеством работ в 2-х группах с каждым тестом возрастает: в перефразе от 21,8% до 41,4%; в сочинении от 0,5% до 6,1%. Затем был проведен сравнительный анализ трех тестов по результатам только экспериментальной группы. Этот анализ показал, что при использовании новой системы упражнений эта группа допустила на 15,5% лексических ошибок меньше в итоговом срезе, чем в предэкспериментальном срезе и на 4,7% меньше лексических ошибок в отсроченном срезе, чем в предэкспериментальном срезе.

В сочинении эта группа в итоговом срезе использовала на 5% больше активной лексики, чем в предэкспериментальном срезе, а в отсроченном срезе — на 2,9% больше нового лексического материала, чем в предэкспериментальном срезе.

Подтверждение нашей гипотезы даст нам основание прийти к следующему выводу: предложенная система упражнений способствует не только более прочному запоминанию языкового материала, возрастанию объема высказывания, большей насыщенности высказывания активными лексическими единицами, но также и возрастанию интереса к предложенным видам работы со стороны студентов и большей отдаче во время занятий, развитию речемыслительной деятельности студентов, более глубокому пониманию назначения ХТ, более свободной и уверенной дискуссии на основе ХТ, развитию интереса к чтению ХЛ в целом и пониманию студентами гармонического соотношения изучения языка и ХЛ как лучшего источника языковых средств.

Список литературы: 1. Аракин В. Д. и др. Практический курс английского языка (для студентов III курса). — М.: Высшая школа. — 1989. — 447 с. 2. Борисов Ю. Б. К проблеме места и роли литературного текста в обучении иностранному языку в языковом вузе (Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Топеза). — М. — 1986. С. 1—31. 3. R. Carter and V. Long. The Web of Words. Exploring literature through language. Cambridge University Press. G. B., — 1987. Pp. 1—187.

В. Я. Мизецкая, докт. филол. наук

МЕЙОТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В отечественной и зарубежной лингвистике существуют различные подходы к корреляции терминов “преуменьшение” (understatement), “литота” (litotes) и “мейозис” (meiosis).

В ряде случаев литота рассматривается как синоним термина “преуменьшение”, которым обозначаются структуры, базирующиеся на отрицании [1, с. 175].

Знак равенства между терминами “литота/литотес” и “преуменьшение” поставлен и в “Словаре лингвистических терминов” Ж. Марузо. И здесь под литотой=преуменьшением преимущественно понимается “введение какого-либо понятия путем отрицания противоположного: *pas mal* неплохо = *bien* хорошо” [2, с. 148].

Как фигуру, базирующуюся на отрицании, трактует литоту и И. Р. Гальперин [4, р. 246]. Однако он не определяет точное количество отрицательных элементов, необходимое для ее реализации, в то время как некоторые исследователи лимитируют понятие литоты, в результате чего она сужается до приема с двойным отрицанием, выраженным определенным набором элементов [6, р. 93]. При этом нередко литота вообще выводится

из сферы действия приема “преуменьшение”, который рассматривается в иной системе координат — преуменьшение::гипербола [6, р. 58].

Термин “мейозис” не столь часто встречается в научном обиходе. Однако и он, к сожалению, лишен достаточной терминологической определенности. В большинстве случаев мейозис понимается как синоним термина “преуменьшение”, когда речь идет об оппозиции гиперболе — мейозис::гипербола [3, с. 166; 8, р. 113].

Вместе с тем, если А.Н. Мороховский и его коллеги считают, что мейозис и литота это принципиально разные фигуры [3, с.166], то Ю.М. Скребнев подчеркивает: литота является разновидностью мейозиса [8, р.115].

На основании сказанного можно сделать некоторые обобщения.

Практически все исследователи называют литотой фигуру, для которой обязательным является отрицательный компонент. При этом одни считают литотой любую фигуру умаления независимо от количества и качества отрицательных компонентов, другие — называют литотой только специфические структуры с двойным отрицанием, которое получает и определенное формальное выражение.

Термин “преуменьшение” в одних случаях рассматривается как синоним термина “литота”. В других случаях он переходит в иную систему координат и трактуется как один из членов оппозиции гипербола::“преуменьшение”. В результате такого подхода литота квалифицируется как некоторая автономная, самостоятельная фигура с неопределенным статусом, корреляция которой с оппозиционной парой гипербола::преуменьшение вообще четко не обозначена.

Термин “мейозис”, как правило, приравнивается к термину “преуменьшение”, когда последний является членом оппозиции с гиперболой — мейозис=преуменьшение::гипербола.

В тех же случаях, когда признается иерархический характер отношений мейозиса и литоты, с одной стороны, и равноправный характер мейозиса и гиперболы, — с другой, вновь возникает неясность в плане соотношения всех трех терминов, поскольку “литота” как снятие категоричности и “преуменьшение” как противоположность гиперболе являются разнопорядковыми величинами. Чтобы развязать этот узел противоречий, на наш взгляд, прежде всего следует более четко определить границы действия термина “мейозис”.

С нашей точки зрения, мейозис это довольно широкое понятие, которое следует рассматривать в совершенно иной системе координат, а именно категоричность::некатегоричность высказывания.

В результате под мейозисом будем понимать понятие, которое распространяется на все случаи смягчения и снятия категоричности, а соответствующие структуры назовем мейотическими структурами, оставляя за термином “преуменьшение” все случаи оппозиции гиперболе.

Таким образом, разведав понятия мейозиса и преуменьшения по различным системам координат, перейдем к рассмотрению собственно мейотических структур.

Представляется логичным выделить следующие группы мейотических образований:

1 тип — мейотические структуры, базирующиеся на использовании интенсификаторов умаления, смягчения или, в терминологии Р. Квирка, “downtoners”, включая “компромайзеры” (a bit, a kind of), “диминуторы”

(partly; somewhat) и “минимайзеры” (hardly; scarcely, etc.), а также элементы некоторых других подгрупп [7, p. 199].

Мейозис широко используется Д. Голсуорси в “Case о Форсайтах”. Чрезвычайно показательна в этом отношении Глава I Части 2 романа “To Let”, где мейотические структуры помогают передать состояние Джона, раздираемого внутренними противоречиями: он боится причинить боль матери и, вместе с тем, не хочет покидать Флер. Сложное и неопределенное состояние Джона в конце путешествия в Испанию, в которое он отправился по настоянию матери, желающей разлучить его с любимой девушкой, передается с помощью мейотических структур, в основе которых лежат “компромайзеры”:

And now that the end had come, he really had, feeling a sort of glamour over the past weeks — a kind of painful pleasure [5, p. 134].

Эту же функцию выполняют и структуры с другими интенсификаторами, в частности, с “диминуторами”:

They were, and reached London somewhat attenuated [5, p. 134].

II тип — мейотические структуры, базирующиеся на использовании собственно модальных слов, выражающих предположение и другие элементы, снимающие категоричность с высказывания. Сюда, например, относятся модальные глаголы (might, could), а также модальные наречия и прилагательные (maybe, possible, probably).

Для анализируемого отрывка из романа “To let” этот тип мейотических структур не характерен, хотя в художественной литературе он достаточно распространен.

III тип — мейотические структуры, базирующиеся на использовании отрицательных элементов, таких как отрицательные частицы (no, not), отрицательные наречия и местоимения (never, nobody), а также слов других частей речи, прежде всего существительных и прилагательных, с различными отрицательными аффиксами (-dis; -in; -un; -less; etc).

Нам представляется, что мейотические структуры III типа и следует называть собственно литотой.

При этом литота, в свою очередь, распадается на несколько структурно-семантических разновидностей в зависимости от способа выражения отрицания.

Разновидность I — литота с использованием одного отрицания, которое может быть выражено как с помощью отрицательных частиц, местоимений и наречий, так и аффиксов, несущих отрицательный потенциал. Такая литота, в частности, использована Д. Голсуорси в анализируемом отрывке:

He was not slow, however, in perceiving that he had now his excuse for going home [5, p. 133].

Разновидность II предполагает использование двух или более отрицательных элементов.

Однако специфика нормативной грамматики английского языка накладывает свои ограничения. Как известно, двойное, тройное и т. д. использование отрицательных элементов — частиц, наречий и местоимений — в рамках одной и той же структуры первичной предикации с точки зрения нормативной грамматики является нарушением и вряд ли может рассматриваться как прием литоты. В художественном тексте это прежде всего средство создания эффекта аутентичности звучащей речи.

Но если отрицательные элементы разведены по отдельным структурам первичной предикации в рамках более сложных структур, нормы классической грамматики не нарушаются, а двойное, тройное и прочее отрицание несомненно является приемом литоты. Такая литота встречается в англоязычном художественном тексте довольно часто. Ее можно найти и в анализируемом отрывке романа Д. Голсуорси:

Jon ... had no blood in him which was not English [5, p. 131].

В качестве нормативных следует рассматривать случаи с двойным, тройным и т. д. отрицанием, когда все элементы, кроме одного, — отрицательного наречия, местоимения или частицы, — представляют собой аффиксальные компоненты слов. Поэтому в рамках литотных структур безусловно находится и следующее предложение Д. Голсуорси из ранее упомянутого отрывка:

He (Jon) felt they had no nonsense about them [5, p. 131].

Разновидность III. Это литота смешанного типа или квазилитота, поскольку наряду с отрицательными элементами в ней используются различные интенсификаторы “смягчения”. Например:

To say that Jon Forsyte accompanied his mother to Spain unwillingly would scarcely have been adequate [5, p. 130].

Литота здесь образуется благодаря взаимодействию суффикса отрицания *-in* в наречии *unwillingly* и “минимизатора” *scarcely*.

Подобные квазилитоты — явление достаточно частое. Неоднократно к ним прибегает и Д. Голсуорси в романе “*To Let*” для передачи сложных противоречивых чувств своих героев.

Взаимодействие различных мейотических структур создает специфическое поле в художественном тексте, делая его в целом менее категоричным, а порой и переводит его в область суппозиционной модальности, превращая мейозис в специфический глобальный художественный прием.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. — М.: Просвещение, 1990. 2. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. — М.: Иностр. лит., 1960. 3. Мороховский А. Н. и др. Стилистика английского языка. — Киев: Вища школа, 1991. 4. Galperin I. R. *Stylistics*. — М.: Higher School, 1977. 5. Galsworthy J. *To let*. — М.: Foreign Languages Publishing House, 1954. 6. Kukharensky V. A. *A book of Practice in Stylistics*. — М.: Higher School, 1986. 7. Quirk R. and others. *A University Grammar of English*. — М.: Higher School, 1982. 8. Skrebnev Y. M. *Fundamentals of English Stylistics*. — М.: Higher School, 1994.

Л. М. Минкин, докт. филол. наук

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ ЯЗЫКА, РЕЧИ И ТЕКСТА (на французском материале)

Определение особенностей предложения находится в прямой зависимости от уровня его анализа (как единицы языка, речи и текста). Если считать, что уровень предложения является маргинальным для системы

языка, а высказывание, соотносительная с предложением единица, относится к речи, то необходимо уточнить положение лингвистики речи, вообще, в лингвистической иерархии. В свете современных представлений можно говорить о промежуточном характере лингвистики речи, которую целесообразно поместить между языковой системой, лингвистикой языка и лингвистикой текста [Слюсарева Н. А. 1982, 33]. Если идти от лингвистики языка к лингвистике речи, то переход между ними реализуется в частности на границе предложения—высказывание. Предложение есть высказывание, рассмотренное со стороны речи. Вместе с тем, не любое высказывание является предложением и построено по его модели. Поскольку лингвистика речи начинается с высказывания, как минимальной единицы, целесообразно в пределах лингвистики речи изучать объединение высказываний (и прежде всего тематические). Лингвистика речи со всеми минимальными и максимальными объединениями, не теряя своей самостоятельности, входит в лингвистику текста.

В семантической структуре предложения взаимодействуют два начала: нейтрально-информационное (объективированное содержание) и субъективно-концептуальное (рефлектирующее) [Ляпон М. В. 1982, 75]. В синтаксических моделях предложения в языковой системе фиксированы результаты такого взаимодействия. Разные целевые установки говорящего (аспект коммуникативного значения) к пропозициональному содержанию предложения имеют в языковой системе типовое структурное выражение. Для синтаксической системы релевантно значение целеустановки, которое способствует выделению функционально однородных высказываний. В предложении, изъятom из речевого акта, не имеющем, следовательно, референции, без учета фоновых знаний по коммуникации (представленном, по сути, в нейтральном контексте) нетрудно обнаружить структурно оформленные интенции "абстрактного" говорящего.

Для разграничения языковых и речевых конструкций необходимо иметь информацию об особенностях парадигматики предложения. Если исходить из допущения полной симметрии знака в языковой системе [Арутюнова Н. Д. 1968, 105], то на основе взаимного согласования (соответствия) аспекта целевой установки, структурного и смыслового можно выделить парадигмы повествовательного, вопросительного и побудительного предложений. Это наиболее обобщенная парадигма простого предложения. При парадигматическом противопоставлении повествовательного и вопросительного предложений, выявляются центральные типовые модели, которые, располагая специальными средствами выражения целевой установки, отличаются полным соответствием структурного аспекта, аспекта целевой установки и смыслового. Реализаторы целевой установки, при которой отмечается сдвиг в соответствии аспекта целевой установки и структурного, а также специальные лексико-грамматические индикаторы, сигнализирующие о полном или частичном несоответствии указанных аспектов, свойственны периферийным моделям простого предложения. Реализаторы целевой установки, не характерные для межапарадигматической оппозиции, и не вызывающие полного или частичного несоответствия структурного аспекта и аспекта целевой установки, относятся к сфере синтаксиса речи. Приведем примеры: 1. *Ne viens-tu pas?* (надежда на подтверждение). 2. *Tu ne viens pas?* (удивление и ожидание отрицания). 3. *Vous êtes venu hier, n'est-ce pas?* Модели общевпросительных предложений с предикативным отрицанием *ne ... pas* с оборотом *n'est-ce pas* относятся к перифе-

рийным. Используя предложение с этими элементами, говорящий стремится получить подтверждение содержания вопроса. В последнем имплицитно содержится констатация, которую, по мнению говорящего, должен принять собеседник. Такая прагматическая направленность вопроса обуславливает сдвиг вопросительной целевой установки в сторону утвердительно- (отрицательно-) повествовательной. Оборот *est-ce que*, реализующий только вопросительную целеустановку при сохранении прямого порядка слов, принадлежит синтаксису речи.

В периферийных моделях языковой синтаксической системы простого предложения фиксированы устоявшиеся и структурно-мотивированные сдвиги планов целевой установки, структурного и смыслового (см. приведенные примеры). Окаzionale несоответствие аспектов в различных речевых ситуациях возникает за счет потенциально многозначных центральных типовых моделей. Например, используя вопросительные предложения: 1. *Est-ce que tu viens?* 2. *Tu viens?* говорящий в определенной ситуации настаивает на выполнении действия. Вопросительные предложения 3. *Te tairas-tu?* 4. *Vas-tu te taire?* повествовательное предложение 5. *Vous prenez (prendrez) la première rue à droite* выражают побуждение к совершению действия глагола-сказуемого. Этому способствует прежде всего лексическое значение глагола (речевой индикатор несоответствия аспектов). В предложениях 1, 2 отсутствует специальный показатель несоответствия аспектов, оно возникает в определенном контексте. Напротив, в предложениях 2, 3, 4, 5 влияние контекста на соотношение аспектов не существенно.

Варианты одного общевпросительного предложения, построенные по образцам центральных и периферийных моделей, а также моделей речи, можно представить как единый синонимический ряд конструкций, различающихся оттенками значения коммуникативной целеустановки. При этом предложение, воспроизводящее центральную модель языковой системы, играет роль доминантной нейтрально-информативной единицы.

Г. Гийом подчеркивает, что “между обдуманым и мыслимым, между обдуманым, предназначенным для выражения и мыслимым, предназначенным для представления, существуют большие и серьезные различия” [Г. Гийом 1992, 95]. Интеграцию центральных и периферийных моделей предложения можно представить как систематизированные представления в языке, находящиеся в постоянном распоряжении коммуникантов. Языковая система хранит информацию о структуре, семантике и частично прагматике основных типов предложений [Минкин Л. М. 1986, 25—27]. К сожалению, рассматривая предложения, многие исследователи не упоминают о его потенциально-системных характеристиках. Такой подход реализуется, например, в лингвофилософской и лингвистической литературе при обсуждении гипотезы о семантико-прагматической симметрии/асимметрии общих вопросов во французском языке. Гипотеза симметрии/асимметрии семантико-прагматической направленности вопросов была сформулирована в ряде работ J.-C. Anscombe, O. Ducrot и наиболее полно представлена в их книге [Anscombe J.-C., Ducrot O. 1988, 115—136]. Анализируя высказывание типа *Est-ce que p?* (*p* — содержание вопроса), авторы подчеркивают, что возможная ориентация таких конструкций на положительный и отрицательный ответы, традиционно рассматриваемых как удовлетворяющие требованию вопроса, фактически не отвечает реальному положению дел. Опираясь на внутреннюю аргументацию подобных вопро-

сов, авторы считают, что интеррогативы типа *Est-ce que p?* нацелены на отрицательный ответ. Поэтому они не принимают гипотезы семантико-прагматической симметрии вопросов *Est-ce que p?* Подобная симметрия не подтверждается и при анализе риторических вопросов, внутренняя аргументация которых является утвердительной: *Comment pouvais-Je faire autrement? Est-ce que je pouvais faire autrement? (Je ne pouvais pass faire autrement).* Авторы предлагают считать основным содержанием риторических вопросов отрицательное, а положительное — вторичным. Вместе с тем в определенной дистрибуции риторический вопрос с внешне положительной формой может содержать утверждение: *Est-ce que je te l'ai rendu, ton livre? Bon, alors laisse-moi tranquille.* Здесь предшествующая заключению имплицитная утвердительная аргументация повторяется анафорическим *alors*.

Формулируя свою концепцию семантико-прагматической асимметрии интеррогативов, авторы книги считают, что при объяснении взаимоотношения конструкции *Est-ce que p?* и отрицания надо принимать во внимание следующее: 1. Предварительную “повествовательную” информацию о *p*; 2. Выражение неуверенности, касающееся *p*; 3. Просьбу к собеседнику выбрать положительный или отрицательный ответы. В первых двух случаях содержание предполагаемого ответа мотивировано определенной аргументацией: *Est-ce que tu serais des nôtres ce soir? Ça me fera plaisir. Est-ce que ça te fera plaisir que Pierre vienne? — Est-ce qu'il viendra?*

Авторы книги отмечают, что семантико-прагматическая теория аргументации, самым тесным образом связанная с концепцией асимметрии вопросов, относится к области речи. Другими словами, данная концепция проецируется на “реальные конструкции” речи. В этом плане сама концепция непротиворечива и дает максимум понимания. Однако потенциально имплицитное аргументирование, пресуппозиции относятся к уровню говорения идеального, нефизического (*parole — idée*).

Репрезентация ментальных механизмов представляет когнитивный аспект лингвистики, в сфере которого находятся дискретные, специализированные и систематизированные структуры. В общем механизме речевой деятельности, будучи первоначально виртуальными, эти структуры ориентированы на внешнюю речь. Концепция асимметрии интеррогативов не затрагивает их потенциальные свойства. Вполне реально теоретически прогнозировать существование общих вопросов — Да/Нет вне речевого контекста, при отсутствии внутренней или общей аргументации: *Parle-t-il français? — Oui/Non.* Оба ответа проецируются как возможные. Изменение значения наклонения (объективной характеристики предикативной связи) — индикатив — кондиционал — приводит к “разрушению” симметрии ответов: *Parlerait-il français?* Более вероятен отрицательный ответ, возможен и положительный.

Итак, можно предположить, что концепция асимметрии вопросов наряду с положением об их семантико-прагматической симметрии, распространяется и на область потенциально-языковых структур. Очевидно, прототипы интеррогативов также сохраняют в потенции свои семантико-прагматические свойства.

Список литературы: 1. Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liège-Bruxelles, 1988, p.115-136. 2. Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка. В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М.,

- 1978, с.105. 3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992, с.95. 4. Ляпон М. В. Структура отношения и ситуативные условия ее реализации в сложном предложении//Русский язык. Текст как целое, компоненты текста. М., 1982, с. 82. 5. Минкин Л. М. Системные свойства предложения и прагматика речи//Современные проблемы романистики: функциональная семантика. Тезисы конференции. Т. 2, Калинин, 1986, с. 25—27. 6. Слюсарева Н. А. О лингвистике речи и лингвистике текста. В кн.: Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М, 1982, с.33.

Т. А. Михайлова

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАЧЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ (к постановке проблемы)

Изменение во времени — удел всего окружающего мира, и язык в данном случае не представляет исключения. В языке изменяется все: форма, семантика языковых единиц, их функции и характер взаимодействия.

При изучении грамматических форм оказывается практически невозможным замкнуться в кругу их системных, парадигматических значений, изолируя от их употребления в естественной речи, где грамматические формы взаимодействуют друг с другом и с окружающей и наполняющей их лексикой. Такое взаимодействие может иметь сложный характер, выявлять ряд противоречий. Грамматические значения могут наслаиваться на лексические значения или наоборот, так что принцип соединения форм со значением может иметь разнообразные проявления.

В современном языкознании ставится вопрос о наслоении обобщенного грамматического значения на семантическую структуру слова [Адмони 1989: 7—8], причем формальные скрепы, фиксирующие такую интеграцию лексических и грамматических значений, трактуются очень широко.

Сама структура обобщенного значения грамматических форм стала рассматриваться в современном языкознании как образование сложное, не лишенное противоречий. Но по существу, сам принцип наслаивания обобщенных значений на значения лексические, их интеграция и взаимодействие как функциональный (речевой) параметр грамматической формы остается незатронутым.

В этой связи особую актуальность с нашей точки зрения приобретает рассмотрение информационного потенциала значений (в дальнейшем ИПЗ) грамматической формы как одного из основных измерений грамматического строя языка — его семантико-грамматической сферы. ИПЗ грамматической формы есть результат полисемии лексических и грамматических словоформ, приобретающих полноту лексического и грамматического значения не отдельно друг от друга, а лишь в сочетании друг с другом, как некая цельность. Наличие грамматических форм, обладающих лексическим и грамматическим значением одной словоформы, но состоящих из двух или нескольких словоформ, является, конечно, парадоксом, который исключительно важен для грамматической системы и широко в ней распространен. Более того, этот парадокс представляет собой одно из прояв-

лений общей парадоксальной природы грамматической системы. Он находит свое основание в асимметрии в языке плана выражения и плана содержания, т. е. в смысловой неоднозначности речевой цепи. На эту цепь в различных соотношениях наслаиваются многообразные значения, и за ними закрепляются многообразные функции. Возникающая здесь система параллельных и сложным образом соотносящихся друг с другом смысловых линий и составляет особое измерение грамматического строя. По своей форме (при своем грамматическом обозначении) оно напоминает партитуру музыкального произведения, вследствие чего в применении к грамматическому строю оно и было именовано партитурным строением грамматических значений в речевой цепи или "батизматической" [Адмони 1978: 16].

Нам представляется, что ИПЗ грамматических значений также имеет довольно сложную, партитурную, батизматическую структуру. Рассмотрим ее основные составляющие на примере прогрессивных форм английского языка.

Прежде всего, выделим значения, которые непосредственно обозначены в словоформе, как бы закреплены за ней. Назовем эти значения постоянными или, в соответствии с классификацией М. В. Никитина, интенционалом значений словоформ [Никитин 1983:26]. К ним принадлежат значения, для выражения которых словоформа достаточна сама по себе, в состоянии синтаксического покоя. Это — автосемантические постоянные значения. Так, интенционалом английского прогрессива является его основное значение — выражение процессуальности действия.

She bowed her head. "You're right. Go on hitting me".

'I'm not hitting you', he said. (Sheldon).

Интенционал значения — это структурированная совокупность семантических признаков, он предопределяет область того, что может быть названо данным именем, т. е. предопределяет его экстенционал — объем данного понятия, потенциально возможный круг его применения. Интенционал составляет непрменный и постоянный компонент значения, а экстенционал — это контекстно обусловленный и варьирующий компонент. Экстенционал прогрессива отражает оттенки, грани характера протекания действия в пределах интенционала. Так, например, экстенциональными могут оказаться семантические созначения, привносимые обстоятельствами времени (*always, all the time, constantly*) при передаче непрерывного, постоянного действия, независимо от того, прерывно оно на самом деле или нет:

It is always raining in this place in summer.

Функция обстоятельства времени заключается в снятии ограничения во времени, в подчеркивании непрерывно протекающего процесса, а также в придании форме эмоционального оттенка.

Наконец, особую часть ИПЗ составляет эмоционально-субъективное прагматическое содержание, которое можно именовать эмоционалом значения, или коннотационалом [Стернин И. А. с. 12]. Можно сказать, что интенционал является языковым значением, а экстенционал и коннотационал — речевыми, синтагматическими, контекстуально обусловленными. Экстенциональными принято считать и узуальные, или устоявшиеся значения, в которых слово обычно и естественно употребляется; коннотационал же относится к окказиональному значению, или значению, приобретаемому данным словом в данном контексте речевого употребления и представляющему собой известный отход от обычного и общепринятого.

Рассмотрим несколько примеров коннотационала английского прогрессива. При рассмотрении изменения смысла в употреблении конкретной формы прогрессива наблюдается влияние лексической семантики глагола (в определенном контексте) на категориальное парадигматическое значение процессуальности. Так, глагол *to be*, употребленный в форме прогрессива, может не обязательно выражать постоянный признак или временное состояние субъекта, но приобретать значение “вести себя” при употреблении с ним в качестве предикативов прилагательных, выражающих характеристики, которые могут быть как постоянными, так и временными:

“I think you’re all being damned unfair to Susannah”.

“Excuse me if I am being too personal.”

Глагол *to see* обнаруживает целый ряд новых экстенционально обусловленных значений: 1) встречаться, быть знакомым: “He held out his hand. I’ll be seeing you. Where can I contact you?” (Robbins).

2) производить осмотр, осматривать: “He found the doctor had already finished, and was now seeing patients in the dispensary.” (Collins).

Батизматические отношения как система, свойственная речи, являются наименее разработанной частью грамматической теории. По нашему мнению, ИПЗ является ярко выраженной системой, причем системой, обладающей рядом характерных признаков. Системный подход к изучаемым объектам характерен, как известно, для всей современной науки и привлекает к себе внимание ученых во всех областях знания. Под системой понимается упорядоченная и внутренне организованная совокупность взаимосвязанных объектов [Холл 1958:2]. Возможность же применения общей теории систем в языкознании и, в частности, при описании ИПЗ вытекает из того факта, что в теории систем в качестве объектов понимаются параметры системы, что случайное или преднамеренное изменение одного параметра влечет за собой изменение других параметров. При изучении системных отношений в речи объектами оказываются разные свойства языкового знака и исследуется то, каким образом изменение одних элементов или параметров влечет за собой изменение других.

При рассмотрении ИПЗ грамматической формы первостепенное значение приобретает такое свойство, как адаптивность, т.е. функционирование языка, ведущее к оптимальному по заданным критериям получению заданного результата. Объект нашего исследования — ИПЗ — является именно функционально-адаптивной системой, которая непрерывно самоорганизуется и самонастраивается, адаптируясь к условиям коммуникативной среды и ситуациям, в которых она функционирует. Такая система приспособляется к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры. Для адаптивных систем характерно признание неполноты априорной к текущей информации, необходимой для самоприспособления системы к меняющимся условиям ее функционирования. Само понятие “адаптивные системы” появилось примерно в середине 50-х годов в литературе по автоматическому управлению [Холл 1959:46]. В современной теории управления адаптивными называются системы, которые автоматически приспособляются к изменениям среды функционирования и к изменению свойств объекта, обеспечивая при этом заданное качество управления путем целенаправленного изменения параметров и структуры системы. Под средой при этом понимается совокупность объектов, изменение свойств которых

влияет на систему, а также тех объектов, чьи свойства меняются в результате поведения системы. Поводом и основой для изменения и адаптации системы является нарушение равновесия между состоянием системы и теми задачами, которые она в процессе своего функционирования должна выполнять. Рассмотрение языка как адаптивной системы соответствует пониманию того, что развитие языка и сознания неразрывно связаны с развитием общества, с историей народа — носителя языка. В языке также можно определить самонастраивающиеся адаптивные подсистемы, в которых адаптация происходит за счет изменения параметров системы. Таковой является, в частности, ИПЗ значения грамматической формы. Признаками самонастройки системы в данном случае выступают изменения значений словоформ, в зависимости от характера взаимовлияния их лексической и грамматической семантики, наличия коннотационала значения, в зависимости от взаимодействия данной системы со “средой”.

Термин “среда” в лингвистике часто употребляется эквивалентно термину “контекст” [Арнольд 1978:11]. Контекст, являющийся активной средой, влияет на семантическую реализацию единицы как составной части грамматической системы, сам при этом выступая как своеобразная семантическая единица. Коммуникативное употребление слова, включение его в коммуникативный акт обуславливает формирование того или иного актуального смысла, определяет ту или иную семантическую реализацию слова. Функцией контекста в данном случае может быть индивидуализация смысла, дополнение смысла, создание нового смысла, изменение смысла единицы.

Говоря о свойствах ИПЗ как самонастраивающейся системы, отметим одновременно и такое ее свойство как нечеткость, размытость ее границ. Если опираться на терминологию, предложенную в науке автоматического управления, то термин “размытость” хорошо коррелирует с понятием о нечетких множествах, периферийные элементы которых по каким-то признакам принадлежат соседним множествам. В свете определения экстенциональных и коннотациональных значений, то есть оснований утверждать, что коннотациональные значения принадлежат одновременно к нескольким структурам с различными ядрами, но со сходной периферией вследствие коренного изменения значения отдельных словоформ под влиянием “среды”, т. е. “контекста”.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что ИПЗ грамматической формы является сложной языковой самонастраивающейся системой с размытыми границами и достаточно сложной структурой, элементы которой находятся в постоянном движении и изменении.

Список литературы: 1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1978. 2. Адмони В.Г. Структура и грамматическое значение и его статус в структуре языка. // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979. 3. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды. ВЯ, №3, 1991. 4. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983. 5. Системное описание лексики германских языков. Вып. 4., Л., 1981. 6. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. 7. Холл Л.Д. Фейдлин Р.Е. Исследования по общей теории систем. М., 1959. 8. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.

НОВЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

На протяжении XX века друг друга сменяли разные определения языка и, соответственно, разные его образы. Эту эволюцию можно поставить в связь со сменой "стилей научного мышления" ("парадигм") [Kuhn 1962]. Лингвистика XX века характеризовала язык как потенциал, структуру, систему, тип, характер, языковую компетенцию и т. д. Все эти образы языка отражают, в основном, его абстрактную, идеальную сторону, в то время как язык в своем реальном функционировании оставался — вплоть до сравнительно недавнего времени — вне сферы внимания теоретиков. Одной из самых характерных примет современных лингво-философских размышлений над языком является то, что его образ приобретает черты "образа пространства", во всех смыслах — пространства реального, видимого, духовного, ментального [Степанов 1995а, с. 32].

Определение языка как "пространства мысли" является обозначением целого класса определений языка, между которыми есть значительные различия: сравним в этом плане определения в рамках герменевтики, социолингвистики, теории речевых актов, разговорного подхода, функциональной лингвистики, лингвистики текста, прагматики, психолингвистики, этнометодологии и т.д. Объединить их позволяет то, что все они решительно отличаются от определений предшествующих периодов своим интересом к реальной, функциональной стороне языка и подходят под когнитологическое определение языка как пространства мысли, которое было сформулировано и развито Ю. С. Степановым [Степанов 1985; 1995 а и б].

В рамках когнитологии возникает и такое важное для нашего ментального мира в целом понятие как язык в языке, или дискурс. Термин "дискурс" (фр. *discours*, англ. *discourse*) начал широко употребляться в начале 1970-х гг. Первоначально он обозначал лишь тексты в их текстовой данности, в их особенностях. Считалось, что описание последних может быть осуществлено лишь посредством выработки общих принципов ("грамматики") для своего понимания, но не реальных конкретных грамматик разных типов дискурса, что соответствует сегодняшним представлениям о дискурсе.

В. З. Демьянов дает обобщенный эскиз того, что представляет собой "грамматика" и, шире, "мир дискурса":

Discourse — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения и независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который "строится" по ходу развертывания дискурса. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые

события, их участники, перформативная информация и “несобытия”, т. е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями [Демьянков 1982, с. 7].

Данное определение показывает, что дискурс описывается как всякий язык (а не просто текст), имеющий свои тексты. Помимо текстов, дискурс включает процесс их создания (текст — продукт) и процесс интерпретации (текст — объект), а также социальный контекст (социальная обусловленность процессов создания и интерпретации и их социальный эффект) [Fairclough 1989, p. 25–26].

Ю. С. Степанов пишет: “Дискурс — это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете, особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык — дом духа” [Степанов 1995 б, с. 44–45].

Принципы моделирования и описания дискурса различны для различных типов дискурса. Тип дискурса, прежде всего, коррелирует с уровнями и формами общественного сознания. Уровнями сознания являются обыденное, эмпирическое сознание, непосредственно вырастающее из повседневных условий жизни людей, и научно-теоретическое сознание, включающее идеологию. Формы общественного сознания представляют собой различные способы духовного освоения действительности и включают политическое и правовое сознание, мораль, религию, искусство, науку, философию [Философский словарь, с. 310]. Типы дискурса — политический, правовой, морально-этический, религиозный, художественный, научный, философский, обыденный — являются особыми формами отражения действительности, основывающимися на своих особых формах познания. Тип дискурса представляет собой особый “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина.

В рамках каждого из типов дискурса в соответствии с национальными и историко-временными критериями (например, британский английский, среднеанглийский) с отнесенностью к той или иной материальной сфере (например, образование, медицина, бизнес), с формой коммуникации (например, устная и письменная речь), с ситуацией речи и участниками (например, собеседование при приеме на работу, медицинская консультация, лекция, сочинение) выделяются виды дискурса. Каждый из видов дискурса “говорит” особым языком. Такой “частный язык” располагает характерным для него синтаксисом, своим — ограниченным и устойчивым — лексиконом, основанным на образах и аналогиях, своей фразеологией, риторикой и шаблонами, всей областью референции для каждого термина [Логический анализ языка, с. 3].

Каждый тип и вид дискурса, с другой стороны, характеризуется наличием нейтрального словаря, грамматических структур, логических построений и пр., которые встречаются и в других типах и видах дискурса.

Обучение иностранному языку в его функционировании предполагает не только усвоение “общего ядра” языка, но и овладение “частными языками” различных типов и видов дискурса.

Для того, чтобы увидеть, как реально обстоит дело с преподаванием английского языка как иностранного на языковых факультетах вузов, обратимся к нормативному учебнику под ред. В. Д. Аракина. Подавляющее большинство (около 90%) базовых текстов для анализа взято из произведений художественной литературы. Все они “привязаны” к темам по разговорной практике: высшее образование, судопроизводство, писатели и книги, музыка, проблемы воспитания и т. п. Основанием для подобной “привязки” является десяток-полтора тематических лексических единиц, употребленных в тексте. Их усвоение, даже в контексте, не продвигает студента к цели овладения соответствующим типом дискурса, т. к. студент смотрит на него через “линзу” художественного произведения. В результате, к концу обучения на языковом факультете студент старается использовать тип художественного дискурса вместо всех остальных — политического, философского, научного, даже бытового.

Даже расширение вокабуляра происходит путем изучения студентами пресловутых vocabulary notes, куда включаются словарные статьи к отдельным лексическим единицам, употребленным в тексте, и speech patterns, отражающих т. н. “трудную” грамматику. И те, и другие изучаются в отрыве от текста (не говоря уже о “возможном мире дискурса”). Их усвоение проверяется в столь же искусственных построениях: как правило это перевод отдельных предложений, в которых нужно употребить активную лексическую единицу. Отмечу мимоходом, что проверка подобных работ является для преподавателя таким же мучением, как и их написание — для студента. А усвоение студентами “просто языка”, исключаяющего из поля зрения реальное многообразие типов и видов дискурса, как представляется, уже давно не соответствует ни практическим требованиям, ни теоретическим обоснованиям сегодняшнего дня.

Каким образом представляется целесообразным перестроить рабочие планы по практике английского языка, чтобы язык, которому мы обучаем студентов, максимально приблизился к реально существующему?

После овладения основами фонетики и грамматики на младших курсах (где еще допустимо расширение вокабуляра по тематическому принципу), необходимо в качестве опорных брать тексты разных дискурсивных типов, а именно: образцы разговорной, обыденной речи; политической литературы и публицистики; газетно-журнальные статьи разных жанров; публичные речи; инструкции и руководства; образцы рекламы; образцы эпистолярного дискурса; образцы дискурса делового общения во всех его разновидностях; дипломатические тексты; научные тексты, в т. ч. из области гуманитарных наук (лингвистика, история, философия), точных наук, естественных наук и т. д. При их изучении необходимо обращать внимание не только на особый лексикон и грамматику, но и учитывать особенности ситуации речи, ролевого статуса участников, речевого этикета, свойственного тому или иному типу дискурса, возможностей косвенных речевых актов, пресуппозиций, импликаций и т. п. Весьма существенно изучение т. н. текстовых моделей (textual patterns): явление — причина; явление — пример; причина — следствие, и т. д. (clause-relational approach — Winter 1977, 1978); проблема — решение (Hoeys 1983).

Иными словами, необходимо сделать так, чтобы “аудиторный” мир дискурса был максимально приближен к реальному, “живому” миру дискурса соответствующего типа.

Целесообразно, чтобы аналитическое чтение, устная практика и практика перевода были связаны хотя бы рамками типа дискурса, который изучается на конкретном типе.

Касательно теоретических дисциплин, которые преподаются на факультете иностранных языков отмечу следующее. То положение, что дискурс не может быть сведен стилю (регистру), подрывает позиции стилистики в том виде, в котором она читается в настоящее время. П. Серио пишет: “...создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка в настоящее время уже не является адекватным” [Sériot 1985, 287]. Его точка зрения представляется вполне обоснованной, т. к. задачам и сущности современной лингвистической стилистики значительно больше соответствует представление о ней как о науке, направленной на изучение дискурса в целом, т. е. о науке, которая в отличие от других языковедческих дисциплин изучает функционирование языка, а не его строй. Положение об иллюзорности “чистой” экспрессии сегодня уже не вызывает споров среди специалистов — в этом вопросе я ссылаюсь на мнение авторов коллективной монографии под ред. А. Н. Кожина [1987]. Стилистика по-видимому, должна быть преобразована в аспект “Теория и практика интерпретации художественного дискурса”, параллельно которому должна читаться “Теория и практика перевода художественного текста”.

Место же стилистики среди теоретических дисциплин, рассматривающих предельные единицы языка — фонемы (фонология), морфемы (морфология), лексемы (лексикология), предложения (синтаксис) — и наиболее формализованные аспекты значения (семантика), как представляется, должна сегодня занять лингвистика дискурса со своим объектом — текстом в его социальной данности.

Список литературы: 1. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста//Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. М., 1982. 2. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука. 1991. 3. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. 4. Степанов Ю. С. Изменчивый “образ языка” в науке XX века//Язык и наука конца 20 века. М., 1995 а. С. 7—34. 5. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности//Язык и наука конца 20 века. М., 1995 б. С. 35—73. 6. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. Под ред. А. Н. Кожина. М.: Наука, 1987. 7. Философский словарь. М.: Изд-во политической литературы. 1991. 8. Fairclough N. Language and Power. Longman: London and New York. 1989. 9. Hoey M. P. On the Surface of Discourse. London: Allen and Unwin. 1983. 10. Kuhn Th. S. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press. 1962. 11. Sériot P. Analyse du discours politique soviétique. (Cultures et Sociétés de l'Est.2). P.: Institut d'études slaves, 1985. 12. Winter E. O. A clause-relational approach to English texts: a study of some predictive lexical items in written discourse//Instructional Science. 1977.(1). P.1—92. 13. Winter E. O. A look at the role of certain words in information structure//K. P. Jones and V. Horsnell (Eds)//Informatics. 1978. 3(1). P. 85—97. London: ASLIB.

И. Б. Морозова, канд. филол. наук

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Как известно, интересы современной лингвистики сосредоточены, прежде всего, на коммуникативном и психологическом аспектах построения живого речевого общения. Диалогическая форма речевого общения в самом общем виде представляет собой последовательность чередующихся реплик, связанных отношением "стимул—реакция". По справедливому замечанию Т. М. Власовой, выделение реплик-реакций является отражением психолингвистического подхода к изучению диалога [Власова, с. 32]. Н. П. Желонина видит побудительный момент стимулирующих реплик в понимании обоими участниками коммуникации необходимости того, что тот, к кому обращаются, должен отреагировать на стимулирующее диалогическое действие [Желонина, с. 29].

Задачей настоящего исследования явилась попытка определения закономерностей построения различных типов реплик в диалоге и выяснение их функциональной взаимосвязи. Решение этой проблемы помогло бы вскрыть глубинные психолингвистические механизмы речеобразования и дало бы новое понимание синтаксического рисунка диалога по принципу смысловой связи.

Интерес к проблеме диалога возник в 50-х годах XX века после опубликования работ Н. Ю. Шведовой, посвященных синтаксису разговорной речи [Шведова, с. 69., с. 36]. Если до этого времени реплика считалась единственно возможной единицей членения диалогической речи, то после публикации работ Н. Ю. Шведовой стали признавать, что не все реплики обладают смысловой законченностью. Причем, в абсолютном большинстве случаев реплика семантически или структурно связана со смежными репликами в пределах того или иного диалогического единства (ДЕ) [Шведова, с. 42], которое Н. Ю. Шведова назвала коммуникативной единицей диалога.

В настоящее время имеются исследования двухчленных диалогических единств (ДЕ-2), при этом авторы обычно ограничивают свою задачу изучением таких ДЕ-2, в которых вторая реплика структурно обусловлена первой репликой. Л. М. Михайлов считает единственным критерием принадлежности двух реплик к ДЕ-2 их структурный параллелизм [Михайлов, с. 65]. В то же время, М. А. Орлова [Орлова, с. 6], В. А. Ежов [Ежов, с. 28] доказывают, что две реплики могут составлять ДЕ, если они объединены как структурно-смысловой, так и только смысловой связью. Вызывают большой интерес работы по исследованию четырехчленных диалогических единств (ДЕ-4) как более сложных единиц диалога [Маркина, с. 15].

Однако расширение границ ДЕ может неоправданно усложнить картину, доводя ДЕ, по нашим данным, до 9 реплик.

Фактический материал исследования общим объемом около 1500 усредненных страниц диалогического текста позволил ограничить рамки ДЕ до не более 3 реплик. При этом в структурно-смысловое ядро ДЕ входят только реплики, непосредственно формальные и семантически обусловленные. Например, в диалоге

— “Where did you get that swell hat, D?”

— “You like it really? Well, let me think... Oh, yes! I bought it at D.E.” (H. Murray).

в ДЕ входят только подчеркнутые высказывания. Что касается реплик, оставшихся за пределами ДЕ, то они являются частью микромонолога персонажа. Такое понимание предмета исследования, во-первых, позволяет разграничить монологическую и диалогическую речь персонажей, а, во-вторых, сузить рамки ДЕ.

С точки зрения компонентного состава, по мнению Э. А. Трофимовой (Трофимова, с. 82), можно выделить 3 типа ДЕ.

1) Вопросно-ответные ДЕ, например:

— “Have you yourself communicated with them?”

— “No, sir” (J. D. Salinger).

2) ДЕ, состоящие из утверждения с последующим добавлением в форме утвердительной реплики:

— “You came too early, Margaret.”

— “Well, I did” (J. Lark).

3) ДЕ, состоящие из утвердительной реплики с последующим добавлением вопроса:

— “This Saturday I am going to Paris on business.

— “Do you?” (N. Lofts).

Однако анализ исследованных диалогов позволяет уточнить третий вид ДЕ, где ограничение ДЕ вопросительной репликой во многих случаях образует смысловую лакуну, требующую дополнительного пояснения. Например:

Louise: Your father's going back to nature.

Clive: How far?

Louise: Wait till you see. (P. Shaffer).

Таким образом, это трехчленный вид ДЕ.

Кроме указанных типов, мы выделяем четвертый тип ДЕ, где стимул и реакция являются вопросами. Такое ДЕ тоже, в основном, бывает трехчленным. Схему этого ДЕ можно изобразить следующим образом: S — R — ST, где S — стимул, R — реакция, ST — ответ в форме утверждения на реакцию-вопрос, т. к., согласно теории коммуникации, любой запрос информации предполагает сообщение этой информации. При этом к рассматриваемому типу вопросов мы не относим риторические вопросы и вопросы фактической формы. В качестве примера четвертого типа рассмотрим следующее ДЕ:

Louise: What are you going to play for me?

Walter: What would you like? Beethoven — Brahms?

Louise: Wondrous! (P. Shaffer).

Анализ фактического материала показал, что наиболее распространенный тип ДЕ — вопросно-ответные. Они доминируют как в романе (68%), так и в пьесе (44%).

Что касается ДЕ, состоящих из утверждений и утвердительно-вопросных ДЕ, то их частотность примерно в два раза выше в пьесе, чем в

романе (в пьесе 24% случаев употребления ДЕ, состоящих из двух утверждений, и 21% употребления утвердительно-вопросных ДЕ, в то время как в романе 14% и 8% соответственно). Количество ДЕ четвертого типа — вопросно-вопросных — как в романе, так и в пьесе примерно одинаково (10% и 8% соответственно).

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что для современного английского диалога вопросно-ответная форма стимула реакции является наиболее типичной и, стало быть, продуктивной. Такой вывод вполне согласуется с независимыми психологическими исследованиями, рассматривающими вопросно-ответное речевое общение как способ удовлетворения информационного дефицита и обретения психологического комфорта.

Список литературы: 1. Власова Т. С. и Власова Т. А. Современный разговорный английский язык. М., Высшая школа, 1971. 2. Ежов В. Л. К классификации ответных реплик в современной английской диалогической речи. // В кн. Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968. 3. Желонина Н. П. Реагирующие реплики немецкой диалогической речи (реакция на сообщение и побуждение): Дисс. канд. филол. наук. М., 1979. 4. Маркина Л. С. Конструктивный анализ четырехчленного диалогического единства. Лекция. Ленинград, 1973. 5. Михайлов Л. М. К вопросу о синтаксисе диалогической речи. // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков. Иркутск, Изд-во ИГПИИЯ, т. II, 1969. 6. Орлова М. А. Структура диалога в современном русском языке. Автореф. канд. дисс., Саратов, 1968. 7. Трофимова Э. А. Синтаксические конструкции английской разговорной речи. // Изд-во Ростовского университета, 1981. 8. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., Изд-во АН СССР, 1988.

В. Г. Пасынок, канд. пед. наук.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВАХ И ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА (ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ Р. К. МИНЬЯР- БЕЛОРУЧЕВА "КАК СТАТЬ ПЕРЕВОДЧИКОМ")

Создание украинской государственности, процесс культурного и духовного национального возрождения немислим без обновления общеобразовательной и высшей школы. Одним из важных теоретических положений концепции и практической деятельности их обновления должна быть прежде всего ориентация на формирование культуры личности и совершенствование качества подготовки будущих специалистов. В условиях перестройки высшего образования, направленной на коренное улучшение профессиональной подготовки специалистов, вопрос подготовки переводчиков-референтов высокой квалификации особенно актуален. Как справедливо отмечает И. В. Кочергин, в подготовке переводчиков-референтов в последнее время сложилась ситуация, когда при достаточно интенсивном развитии теоретической методики преподавания предмета "иностран-

ный язык", их обучение имеет ряд недостатков. Так, часто на практике или применяют обучение переводу лингвистическим анализом на уровне предложения (иногда текста), или обучают переводу вообще, на уровне интуиции, без опоры на какой-либо анализ. Существенные программы обучения также ни в теоретическом, ни в практическом аспектах не предусматривают формирование конкретных профессиональных навыков и умений переводчика-референта либо декларируют их, ничем не подкрепляя (Кочергин, 1989:55).

Большинство специалистов придерживаются мнения, что наибольший эффект может дать разработка сквозных программ обучения на основе модели специалиста, составными элементами которой является квалификационная характеристика специалиста, умения, навыки, знания в каждом виде деятельности, предусмотренной профессиограммой, и задачи, для успешного решения которых чрезвычайно важно проводить профессионализацию обучения в общеобразовательной школе и продолжать ее в специальном вузе, готовящем переводчиков. Кроме того, необходимо создание таких условий подготовки специалистов неязыкового профиля по иностранным языкам, которые обеспечивали бы им навыки перевода. В связи с этим существенный интерес представляет новая работа Р. К. Миньяр-Белоручева "Как стать переводчиком". — М., 1984. — 142 с. В последнее время появился ряд работ, посвященных разным аспектам ориентации учащихся на профессию учителя иностранного языка: В. Г. Пасынок. Методические аспекты ориентации учащихся на профессию учителя иностранного языка: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 1990 — 16 с.; Ю. В. Еремин, И. О. Ильясов. Обучение будущего учителя средней школы профессиональному владению английским языком. — Ростов-на-Дону. 1987. — 60 с. и др.; В. Г. Пасынок. Готовимся к профессии учителя иностранного языка. ИЯШ. 1993 №5.

Книга предназначена для студентов и школьников, решивших обратиться к профессии переводчика. Из этой книги они узнают, как готовить себя к переводу письменному и устному, синхронному и последовательному; знакомятся с особенностями работы переводчика-синхрониста, получают представление о профессиональных и личных качествах, которыми должен обладать переводчик. В книге приведены факты из личного богатого профессионального опыта автора известного переводчика, в совершенстве владеющего французским языком, одного из теоретиков перевода, которым написаны такие основополагающие работы, как "Общая теория перевода и устный перевод" (1980), Учебное пособие по устному переводу (Записи в последовательном переводе) (1960) и др.

Рецензируемая работа "Как стать переводчиком?" состоит из 28 разделов, в которых рассматривается в основном деятельность устного переводчика, знания и умения, которыми он должен обладать и содержатся ценные рекомендации, как следует поступать, работая с президентом или министром, с видным ученым или высокопоставленным военным; как вести себя, сталкиваясь с аборигенами Ганы или бесцеремонными студентами Вашингтона. Основываясь на психолингвистических и лингводидактических исследованиях переводческой деятельности и на богатом личном опыте, Р. К. Миньяр-Белоручев просто, ясно и увлекательно рассматривает перечисленные выше вопросы, которые можно объединить в такие разделы:

1. Психологические и психолингвистические особенности устного перевода.

2. Компетентность и компетенция переводчика.
3. Переводчик как личность.
4. К проблеме переводческих соответствий.

Основные идеи автора сводятся к следующему:

Переводчик — это не просто носитель чужих идей, а профессионал, передающий сообщение, закодированное на одном языке с помощью другого, он может и должен обслуживать любые специальности и все направления науки и искусства. Перевод будет полноценным, если переводчику удалось познать глубины культуры того народа, на знание языка которого он претендует. Переводчик должен обладать по меньшей мере языковой и речевой (коммуникативной) компетенциями, а также навыками и умениями письменного и устного перевода, ораторской речи и, наконец, литературным талантом. Готовить себя надо не к многочисленным профессиям, существующим повсеместно, а формируя те технические механизмы, которые обслуживают деятельность переводчика. Прежде всего нужно обладать хорошей памятью, она необходима, чтобы держать в голове всю поступающую из окружающего мира информацию, и для перевода бесконечных “сверхфразовых единиц” текста, и для запоминания прецизионных слов (прецизионными словами называют общеупотребительные, однозначные и точные в употреблении слова, не вызывающие конкретных ассоциаций и не создающие для памяти конкретных опор), несущих ключевую информацию и требующих особой точности при передаче. Над прецизионными словами нужно работать специально, используя передачи по радио или телевидению, записывая все названные даты, числа, имена собственные и выписывая позже сведения о них из толковых словарей. Полезно применение мнемонических приемов, развивать память можно и через смысловую группировку текста, когда запоминают не слова, а смысл высказывания, и поток слов свертывают в кванты или единицы информации. Важно научиться переводить безэквивалентную лексику описательно, с помощью толкования, которое можно рассматривать как умение совершать трансформации на лексическом уровне (замена одних лексических единиц другими), семантическом (замена одной суммы значений другой) и информационной (замена одной информации на другую не только возможна, но и целесообразна). Хорошо подготовленный переводчик должен держать в своей голове запас ситуационных клише для перевода ситуационных высказываний и не должен тратить время на понимание и передачу второстепенной информации в целевых высказываниях, а искать в них ответ на возникшую в данной ситуации проблему, и обязан сохранять всю ключевую и важную дополнительную информацию в информативных высказываниях. В рамках “самоподготовки” к профессии переводчика Р. К. Миньяр-Белоручев дает много советов, вот некоторые из них:

1. Записывайте порядковыми числами под диктовку числа, даты, решайте примеры из арифметики вслух на иностранном языке, что способствует выработке навыка девербализации.

2. Возьмите несложный иностранный текст и, читая его глазами, считайте на родном языке вслух, и вскоре вы приспособитесь и сумеете извлекать смысл иностранного текста, понимать его содержание, несмотря на устный счет.

3. Выберите интересный рассказ, сообщение в газете и постарайтесь его зафиксировать на бумаге без слов, т. е. с помощью рисунков, условных знаков, символов или своего субъективно-зрительного кода.

4. Устанавливайте знаковые связи между словосочетаниями и разговорными клише двух языков, составляя личные словарики по семантическим полям.

5. Записывайте на магнитофон вразброс словосочетания и разговорные клише, не делая пауз и при прослушивании записи старайтесь успеть вставлять соответствующие иноязычные эквиваленты для становления навыка переключения.

6. Выписывайте себе иностранные слова, совпадающие по написанию или звучанию с русскими, но имеющими другое или другие значения, например, *une liste* (фр.) — список, ведомость; *garnir* (фр.) — снабжать, украшать, отделывать. При встречах с этими “ложными друзьями переводчика” выделяйте их как “опасные” слова.

7. Отрабатывайте темп речи и дикцию. Средний темп ораторской речи во французском языке 212 слов. Замерьте свой темп речи, и заученные стихотворения повторяйте в несколько замедленном по сравнению со средним темпом, если говорите слишком быстро, и наоборот. Совершенствуйте функцию с помощью скороговорок, артикулируя каждое слово и подчеркивая интонацию предложения. Избегайте слов-паразитов, следите за тональностью речи. Учитесь говорить достаточно громко, но не кричать, а главное, владеть своим голосом: уметь понижать и повышать тон, выделять существенное и расставлять акценты.

8. Переводчикам, не умеющим предлагать аудитории грамотно построенных фраз, дорога на международный Олимп заказана. Следите за культурой речи. Учитесь грамотно заканчивать любое предложение, даже если оно было начато не с самого удачного слова, на любой вырванной из контекста фразе, лучше взятой из газетной статьи.

9. Каждый день накапливайте языковой материал для свободного владения речью по признакам: накопление эпитетов, накопление изречений для стандартных ситуаций (обращения, приветствия, пожелания, выражение радости, благодарности, уважения, поддержки, соболезнования, признание заслуг и т. д.), накопление синонимов. Записывайте языковой материал, повторяйте и закрепляйте его в памяти.

10. Для успешного аудирования и достижения критического уровня понимания текста и подтекста развивайте свой речевой слух путем неоднократного прослушивания имеющихся записей выступлений, отрывков из кинофильмов, театральных постановок на иностранном языке; систематически прослушивайте передачи по радио в течение 25-30 мин.; посещайте при первой возможности кинотеатры, демонстрирующие кинофильмы на иностранном языке.

11. Постигайте тайны скорописи, т. е. такие записи, которые дают возможность запомнить и воспроизвести речь оратора целиком, независимо от того, говорит ли он 3 или 30 минут. При этом записывайте не слова, а мысли; слова в случае необходимости записывайте сокращенно; в записях показывайте связи между записанными словами или символами; отрицание показывайте подчеркиванием; используйте различные виды подчеркивания; записи располагайте вертикально, совмещая их со ступенчатостью. Начинайте со смыслового анализа. Для этого при каждом удобном случае старайтесь выделять в письменных или устных сообщениях смысловые опорные пункты. Подчеркивайте для себя символы, т. е. изображения, рисунки, которые возникают в вашем сознании в связи с тем или иным словом, возникшие представления сразу же распространяйте на смежные

понятия, имеющие тот же признак, что и ваше представление, находите к ним синонимы, антонимы, расширяйте или конкретизируйте их значения, сочетайте символы в различных комбинациях. Все эти умственные игры помогут развивать ваше логическое мышление и умение вычленять в окружающих предметах существенные и второстепенные признаки и анализировать поступающую информацию.

12. Отрабатывайте навык аудирования и говорения, т. е. говорения с осмыслением воспринимаемой речи. Особенно важно дистанцированное синхронное повторение воспринимаемого на слух текста, т. е. повторение с отставанием на несколько слов. Для этого наденьте наушники и слушайте незнакомый текст сначала на родном, а потом на иностранном языке. Сосчитав до ста, остановитесь и расскажите содержание прослушанного. На последнем этапе подготовки к профессии переводчика необходимо усложнять предложенные упражнения. К рецензируемой работе приложен краткий словарь переводческих терминов, который позволит молодым людям, понявшим, что язык это не только более широкое общение и познание новых культур, но и одна из наиболее увлекательных профессий современного все более тесного и взаимодействующего, несмотря на расстояние, мира людей, ориентироваться в интересной и полезной книге известного переводчика Р. К. Миньяр-Белоручева. Книга "Как стать переводчиком" требует вдумчивого к себе отношения и безусловно, принесет пользу и преподавателям иностранного языка, и представителям других специальностей, а также студентам, которые овладевают навыками переводческого ремесла дополнительно к своей основной будущей специальности.

Список литературы: 1. В. Г. Пасынок. Методические аспекты ориентации учащихся на профессию учителя иностранного языка. Автореферат дисс. ... канд. пед. наук. — М., 1990. — 16 с. 2. Р. К. Миньяр-Белоручев. Как стать переводчиком? — М.: Стелла, 1994 — 142 с. 3. Ю. В. Еремин, И. О. Илиясов. Обучение будущего учителя средней школы профессиональному владению английским языком: учебное пособие. — Ростов-на-Дону. 1987. — 60 с. 4. И. В. Кочергин. Модель специалиста как основа совершенствования системы профессиональной подготовки переводчиков-референтов // Практика создания модели специалиста в различных вузах. — М.: Знание, 1989 — С. 54—68. 5. В. Г. Пасынок. Готовимся к профессии учителя иностранного языка. ИЯШ. 1993. — №5.

Л. С. Пихтовникова, канд. филол. наук

СТИХОТВОРНАЯ БАСНЯ В РЯДУ РОДСТВЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ (на материале немецких басен).

Басня одновременно и уникальна как особый жанр литературы, и как никакая другая форма соприкасается с большим числом других жанров. В данной статье предпринята попытка отграничить басню от притчи, стихотворного нравоучительного рассказа, дидактической поэмы и сказки о животных.

Разграничение притчи и басни представляет собой наиболее сложную проблему. Существуют противоположные мнения о том, какое место они занимают по отношению друг к другу. Басня рассматривается как частный случай притчи. Наряду с басней в притчу включается пример, казус, сравнение и антиказка. Термины “басня” и “притча” полностью идентифицируются. История басни рассматривается как история притчи. Широкое понимание притчи свойственно многим исследователям [1, 2, 5, 9, 11]. Согласно противоположной точке зрения широко понимается не притча, а басня, которая своим строением очень приспособлена к тому, чтобы принять в себя и притчу, и сравнение, и пример [7]. Некоторые авторы не находят принципиальных различий между басней и притчей, относя их к одной и той же языковой форме — параболической [6]. В других работах притча и басня рассматриваются как два самостоятельных, хотя и весьма родственных жанра. Тот факт, что басня и притча встречаются попеременно в одних и тех же сборниках и что понятие “басня” часто заменяется понятием “притча”, объясняется близким родством этих форм и неточностью употребления терминов [14, 16].

В нашем исследовании мы придерживаемся последней точки зрения, разграничивая притчу и басню как два относительно самостоятельных жанра, имеющих однако общую основу — параболичность, иносказательность.

В основу и притчи, и басни положено сравнение, эпически развернутое в рассказ. Это вымышленный рассказ о конкретном случае, представленном как действительно происшедший, на примере которого наглядно иллюстрируется какая-либо истина (морального, философского характера и т. п.). В этом притча и басня полностью совпадают. Если же пристальнее посмотреть на случай, описываемый в притче и басне, то здесь начнутся существенные различия между этими формами. Басня берет этот случай чаще всего из мира животных, растений, минералов, неодушевленных предметов, реже — из жизни человека. Притча же изображает случай из человеческой жизни (и очень редко из жизни природы). Следующее важное отличие состоит в том, что случай, изображаемый в притче, находится в пределах возможного, для басни же этот признак не является необходимым. Напротив, басня стремится перешагнуть рамки реального навстречу фантастичному, чудесному, придавая неодухотворенному миру: животным, растениям, горам, рекам, органам тела, предметам — сознание, разум, язык и перенося действия человека в область, в которой по законам природы эти действия невозможны. Однако эти действия соотносятся с характером творений природы и с признаками неодушевленных предметов. При всей нереальности, невозможности описываемого случая он должен быть рассказан так, словно он произошел в действительности [7, 14, 16].

Что касается функций басни и притчи, то здесь также наблюдается и их совпадение, и их различие. Преобладающая функция притчи — дидактическая: преподнесение моральных истин, первоначально имевших религиозную окраску. В современной немецкой притче с расширением круга тем присоединились эτικο-философская и социально-критическая функции (М. Бубер, Ф. Кафка, Х. Брехт, В. Борхерт). В басне же с самого начала наряду с преобладающей морально-дидактической функцией были заложены, а затем развивались и становились в отдельные периоды доминирующими эстетическая, общественно-политическая, социально-критическая, сатирическая функции.

По форме притча, в основном, тяготеет к прозе, а басня с самого начала существует в двух равноправных разновидностях: прозаической и стихотворной.

Притча современного вида, как и басня, подверглась значительным инновациям. Например, такой общий элемент и притчи, и басни как сюжет в притче всегда носил более абстрактный, схематический характер. В современной притче признак сюжетности еще больше ослабляется, и притча целиком сосредотачивается на интересующей этической или философской проблеме (Ф. Кафка). Но основной признак притчи, объединяющий ее с басней, — иносказательность — всегда остается неотъемлемой частью ее параболического языка.

Стихотворный нравоучительный рассказ занимает значительное место в творчестве всех немецких поэтов-баснописцев XVIII века. Некоторые авторы предисловий и послесловий к сборникам песен не проводят различий между собственно-басней и простым стихотворным рассказом поучительного характера, причисляя последние также к басням [3, 13]. Однако эти различия очевидны. Поучительный стихотворный рассказ, как басня и притча, имеет свое толкование, свой иносказательный смысл. Как и в басне, это, как правило, вымышленный рассказ, представленный во всех конкретных деталях как действительно происшедший. Подобно басне и притче он может иметь эксплицитно выраженный вывод, мораль,ставляющую на определенный образ действий или предостерегающий от них. Но стихотворный нравоучительный рассказ описывает историю, которая могла бы произойти на самом деле, т. е. как и в случае с притчей, эта история находится в пределах возможного, в то время как в басне почти всегда рассматривается случай, далекий от возможного. Персонажами нравоучительных рассказов всегда являются люди, описываемые во вполне реальных жизненных ситуациях. Таким образом, стихотворный нравоучительный рассказ может, на наш взгляд, рассматриваться как стихотворная разновидность притчи, свойственная именно литературе эпохи Просвещения. Но от собственно-притчи он отличается подробным и конкретным изложением сюжета, что сближает его с басней. Такие стихотворные притчи мы находим наряду с баснями в творчестве Лессинга, Хагедорна, Геллерта, Лихтвера, Глейма и Пфеффеля [15, с. 26, 64, 95, 102, 105, 107, 118, 139, 157, 162, 190, 192, 197, 242, 256, 258].

Концентрированное изложение существенных различий басни и дидактической поэмы содержится в работе Кр. Зигриста [12].

Назначение басни и дидактической поэмы — общее: поучать полезным истинам, эстетическим нормам. В дидактических поэмах, как и в большинстве басен, немецкие просветители не затрагивают острых социальных проблем, они лишь осторожно пропагандируют реформизм и просвещение, моральные и научные истины, общие философские знания. Но несмотря на общие цели, басня и дидактическая поэма соотносятся с различным кругом читателей и разным уровнем образованности. Это обусловлено формой и содержанием басни и дидактической поэмы. Басня — относительно краткое, обозримое произведение, предназначенное для наглядного изображения морального принципа, какой-то истины. С этой целью она концентрируется на изображении законченного процесса действий. Дидактическая поэма всегда пространна, ее задача комплексна: наряду с основной истиной в ней выступают многочисленные второстепенные истины. Стиль басен более прост и однороден, чем стиль дидактичес-

кой поэмы, в которой из-за ее больших размеров имеются смены стилевых тональностей. Предметом дидактической поэмы являются философская, моральная или (реже) научная истина, а не вымышленное действие, как это имеет место в басне. При всем многообразии способов изображения и сложности самого предмета изображения дидактическая поэма должна сохранять целостность и поэтичность. Чтение дидактической поэмы не является одним лишь удовольствием; понимание изображаемых истин требует напряженной работы мысли. Во избежание монотонности в дидактической поэме сменяют друг друга лирические, эпические и драматические ситуации и речевые формы; точные и рационалистические описания сменяются изображением эмоций, диалоги — монологами, философские размышления — пафосом, сатирический тон — восхвалениями.

Дидактическая поэма сыграла свою роль в тот период общества, когда уровень образования требовал соединения философии, науки и поэзии. Новые формы изображения истин — популярная философия, эссе, новые типы журналов и развивающиеся лирические жанры лишили дидактическую поэму ее прежнего значения. Возросшие потребности читателей нуждались в новых литературных формах. Начиналось победное шествие романа, трагедии, лирики. Таким образом, дидактическая поэма осталась в прошлом. Басня же, как жанр легко приспособившийся к изменившимся условиям, оказалась более жизнеспособной и продолжала развиваться.

Примером дидактической поэмы является стихотворное произведение Хагедорна "Die Tiere" [8]. Автор рассказывает об отдельных случаях из мира животных, которые могут служить доказательством мудрого устройства природы. Это произведение нельзя рассматривать как басню, так как в нем отдельные случаи представлены не как вымышленные истории, а как факты, отражающие мудрые инстинкты животных. Это — поэма о животных, восхваление природного ума.

Сказка о животных и животный эпос находятся в зоне близкого родства с басней, поэтому не случайно сказка часто встречается в сборниках басен, а басня в сборниках сказок. Функциональное сходство басни, сказки и животного эпоса состоит в наличии нравоведения, развлекательности и прагматической направленности. И сказка, и басня предназначены для чтения вслух, используются как поучительный пример в определенных жизненных обстоятельствах. Общим для этих форм являются свойства, характер действующих персонажей. В большом количестве басен в качестве персонажей выступают животные — носители определенных характеров, свойств, действий, олицетворяющие и имитирующие характер и действия человека. Аналогичным является употребление животных в качестве персонажей также в сказке о животных и животном эпосе. Басню со сказкой, кроме того, роднит поляризация персонажей, противопоставление разных сил. Но в сказке противопоставление сводится к борьбе Добра и Зла, причем, как правило, побеждает доброе начало. В басне же палитра противопоставлений гораздо богаче и не сводима лишь к столкновению Доброго и Злого. Басня способна отразить всю диалектику Отрицательного и Положительного в человеке и в созданном им мире. Раскрывая жестокие законы действительности, басня далеко не всегда подобно сказке стремится восстановить справедливость, поэтому в басне часто побеждает именно Зло. Как и сказкам о животных, басням присущ элемент Чудесного, Фантастического. Фантастика и сказок, и басен тесно связана с реальной жи-

нью людей, в том смысле, что отражает их надежды и мечты, их противоречия. Но сказка уводит человека в мир иллюзий и желаний, которые выполнимы посредством чуда, усиливает веру в такой миропорядок, в котором справедливость всегда восстанавливается. Басня же, напротив, иносказательно изображая подчас суровые законы действительности, просвечивая настоящие мотивы поступков людей, расправляется с иллюзиями, показывает жизнь такой, какая она есть на самом деле, воспитывает мудрый и трезвый взгляд на жизнь (Ср.: [7, 10]).

Следующее существенное отличие басни от сказки состоит в характере сюжета. Сюжет большинства басен прост, изображает какой-либо конкретный случай, представленный как действительный. Развитие действия чаще всего подчинено быстрому движению к развязке, к острой концовке басни. Сказка о животных, напротив, тяготеет больше к разветвленному сюжету, состоящему из нескольких звеньев, что может привести к перерастанию сказки в животный эпос.

Многозвеньевая басня, называемая нами "многоактной", образует сравнительно немногочисленную группу в исследованных баснях XVIII века. Благодаря характеру сюжета, в котором нарушено единство действия, представленному двумя и более сценами, эти басни имеют на один признак больше общего со сказкой, чем другие басни. Это, например, следующие басни: "Der Adler, die Sau und die Katze", "Der Hase und viele Freunde", "Die Einbildung und das Glück", "Der Bär und der Liebhaber seines Gartens", "Der Affe und der Delphin" (Харедорн); "Das Glück und die Liebe", "Das Gespenst" (Геллерт); "Der jung Kater" (Лихтвеп).

В результате сопоставления басни с родственными формами вырисовывается тип собственно-басни с набором оптимальных признаков: сюжетностью, полиризацией персонажей, фантастичностью, аллегоричностью, относительной краткостью, единством действия. Проведенное исследование позволяет изучать отклонения границ жанра, и тем самым наблюдать за инновациями и модификациями басни в последующие эпохи.

Список литературы: 1. Михайлова А. Символ, аллегория, притча (на путях художественного познания мира) // Знамя. — 1966. — С. 213—229. 2. Потребня А. А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. — С. 464—559. 3. Becker K.W. Nachwort // Ein Ding mag noch so närrisch sein... Fabeln und Erzählungen von Chr.F. Gellert. Berlin: Verlag der Nation, 1984. — S. 101—109. 4. de Boor H. Über Fabel und Beispiel // Fabelforschung / hrsg. von P. Hasubek. — Darmstadt: Wiss. Buchges., 1983. — S. 224—259. 5. Bretschneider W. Die moderne deutsche Parabel. Entwicklung und Bedeutung. — Berlin: Schmidt Verlag, 1980. 6. Dithmar R. Die Fabel. Geschichte — Struktur — Didaktik. — Paderborn: Schöningh, 1971. 7. Doderer K. Fabeln, Formen, Figuren, Lehren. — Zürich: Atlantis Verlag, 1970. 8. Hagedorn F.v. Poetische Werke. — Wien: Baur, 1816. — 2 Teil. — 1 Buch. Fabeln und Erzählungen. — S. 21—144. 9. Kayser W. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. — Bern — München: Francke, 1960. 10. Literaturkunde. Beiträge zu Wesen und Formen der Dichtung. — Leipzig: VEB Fachbuchverlag, 1963. 11. Meyer R.M. Deutsche Stilistik. — München: O. Beck, 1913. 12. Siegrist Chr. Fabel und Lehrgedicht // Die Fabel: Theorie, Geschichte u. Rezeption einer Gattung. — Berlin: Schmidtverl., 1982. — S. 106—118. 13. Sommer I. Nachwort // Wem ich zu gefallen suche. Fabeln und Leider der Aufklärung. — Berlin: Der Mor-

gen, 1971. — S.277—305. 14. Vischer F.Th. Beispiel, Parabel, Fabel, Tiersage // Fabelforschung. — Darmstadt: Wiss. Buchges., 1983.32—37. 15. Wem ich zu gefallen suche. Fabeln und Lieder der Aufklärung. — Berlin: Der Morgen, 1971. 16. Wünsche A. Die Pflanzfabel in der Weltliteratur. — Leipzig — Wien: Akad. verl. f. Kunst u. Wissenschaft, 1905.

К. А. Прокопчук, канд. филол. наук.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА КООПЕРАЦИИ В ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ (на примере немецкой торговой переписки)

С развитием рыночной экономики в Украине, с расширением внешнеэкономических связей государственных и частных предприятий резко возрос интерес к языку делового общения. Одно из следствий этого возросшего интереса — появление большого количества словарей, справочников, разговорников, учебных пособий, предназначенных для обучения общению на иностранных языках в различных сферах предпринимательства.

Торговая переписка является очень важным видом коммуникации в экономической деятельности. Коммерческие письма (запросы, заказы, рекламные письма, подтверждения заказов, жалобы, рекламации, ответы на жалобы и пр.) обычно имеют конвенционализированную текстовую структуру, выработанную в ходе коммерческого делопроизводства.

Так как в каждом коммерческом письме основной является деловая информация, при описании отдельных видов писем в практических руководствах по их составлению на передний план выдвигаются вещественно-содержательные аспекты. Например, в руководстве по составлению деловых писем план письма-запроса представлен так:

- 1) указание на источник, откуда получен адрес;
- 2) причина запроса;
- 3) содержание запроса:
  - описание требуемых товаров или услуг;
  - предполагаемый объем закупки;
  - желательные сроки поставки;
  - цена и условия поставки [3];

Вместе с тем, помимо сугубо вещественной информации во многих деловых письмах присутствует значительное количество модально-оценочных компонентов-выражений, регулирующих установление и поддержание контакта между отправителем и адресатом, средств эмоционального воздействия на адресата. Нередко условия успешности делового письма заложены в том, что в рамках предложения принято относить к модусу (в смысле Ш. Балли [1, с.44]).

Если вернуться к уже упомянутому письму-запросу и проанализировать реальные примеры таких писем, то окажется, что текст, построенный в соответствии с логическим планом (причина запроса, описание требуемого товара, объем закупок, предполагаемая цена и т. д.) содержит ряд

высказываний, коммуникативную направленность которых обобщенно можно определить как установление благоприятных межличностных отношений с адресатом. Помимо конвенциональных формул приветствия и прощания, в письме-запросе часто используются высказывания, дающие положительную оценку предприятия, направляющего запрос:

Wir stellen erstklassige Küchenmöbel her.

Unser Haus, das bereits über 40 Jahren besteht, ist einer der führenden Importeure von Weinten und Spirituosen.

Если автор упоминает, что он ищет надежного торгового партнера или что ему требуется высококачественный товар, то сам факт обращения с таким письмом является косвенной положительной оценкой адресата:

Wir suchen eine leistungsfähige Firma, die bereit wäre, unsere Vertretung zu übernehmen.

Wir sind Hersteller von Damenkostümen und benötigen laufend Wollstoffe guter Qualität. Bitte senden Sie uns so bald wie möglich ein Angebot mit Mustern Ihrer Stoffe (...).

В конце письма-запроса иногда присутствует сложноподчиненное предложение со значением условия типа:

Wenn Ihre Preise konkurrenzfähig sind, wären wir bereit, Ihnen einen Auftrag zu erteilen.

Sollten Ihre Erzeugnisse im Hinblick auf Preis und Qualität konkurrenzfähig sein, wären wir an einer dauerhaften Geschäftsbeziehung interessiert.

Прагматическая функция таких высказываний — выражение в некатегорической форме пожелания “разумной цены” при требуемом качестве товара.

Средства, используемые для выражения отношения автора коммерческого письма к тем или иным предметам, событиям, положениям вещей, а также к адресату, можно проанализировать по следующим критериям:

- инвентарь оценочных языковых средств;
- частота использования различных оценочных средств в различных видах коммерческой корреспонденции;
- вид оценки (эксплицитная или имплицитная оценка);
- оригинальность в использовании оценочных средств или употребление клише.

С наибольшим разнообразием в коммерческих письмах представлена оценка по шкале “хорошо—плохо”. В качестве оценки “норма” можно принять оценку “удовлетворительно”, “приемлемый” (срок 20.06. приемлем) или оценку “хорошо” как соответствие норме. Сема положительной оценки содержится в глаголе “радоваться”, который употребляется в предложениях типа Wir freuen uns über Ihr Interesse an Erzeugnissen unserer Firma “Мы рады вашему интересу к продукции нашей фирмы” (радуемся — значит оцениваем позитивно). Очень часто употребляемый в коммерческих письмах глагол “надеяться” не содержит оценочной семы, но имплицитно после себя содержание, оцениваемое автором как позитивное

Wir hoffen, das unser Angebot Ihr Interesse findet.

Адъективы, содержащие сему положительной оценки, выступают в качестве атрибутов при существительных, которые обозначают понятия, относящиеся к сфере адресата:

Ihr nette Brief, Ihr sehr interessantes Schreiben, Ihre freundliche Mitteilung. Ihrer Anzeige entnehmen wir, daß Sie erstklassige Zuchtperlen liefern.

Wir hoffen, daß wir mit Ihnen zu einer angenehmer Geschäftsverbindung kommen werden.

Но гораздо шире и с гораздо большим разнообразием средства положительной оценки (точнее не просто положительной, а высокой) представлены в той части письма, где речь идет об адресанте и его сфере. Тут встречаются выражения как: unsere hervorragende Kontakte; wir breiten eine äußerstumfangreiche Angebotspalette; als führende Importeure in dieser Branche besitzen wir eine gründliche Kenntnis des Marktes; international anerkannter Hardware-Produzent; attraktives Angebot; interessanter Partner.

Говоря о качестве товара, адресант употребляет существительные с оценочным значением “преимущество”, “надежность”, “выгода”. Такое распределение оценочных компонентов подтверждает вывод профессора В. В. Богданова о том, что “говорящий (пишущий) всегда находится в более выигрышной позиции, обладая коммуникативным приоритетом перед адресатом, поскольку говорящий творец высказывания или текста, тогда как адресат только воспринимает и перерабатывает его (...). Говорящий — это точка отсчета вербальной коммуникации. Именно он задает стратегию общения, специфика которой находит свое выражение в системе установок, или ориентаций говорящего” [2, с. 8]. Приведенные примеры установки на положительную оценку автором самого себя и установки на положительную оценку адресата типичны для рекламных писем, писем-предложений, запросов о поставке товаров или предоставлении услуг, ответов на такие запросы.

Лексемы с семей “плохо” обычно употребляются в письмах-отказах, рекламациях по качеству или на недостатку, жалобах на несвоевременную поставку, в ответах на жалобы, рекламации, напоминания о платеже. Типичны для таких писем выражения zu unserem Bedauern (к нашему сожалению), unsere schwierige Lage (наше тяжелое положение), müssen leider mitteilen, es ist uns sehr unangenehm (должны к сожалению сообщить), aus Versehen (по неусмотрению), wegen Schwierigkeiten (из-за трудностей), ungenügend (неудовлетворительно), Unannehmlichkeiten (неприятности), enttäuscht (разочарованы) и др.

Помимо эксплицитного выражения оценки в коммерческих письмах нередки случаи, когда положительная оценка имплицитруется из сугубо вещественной, фактической информации. Например, в ответ на запрос по поводу поставки определенного товара автор письма помимо запрошенной информации сообщает год основания предприятия, перечисляет страны, в которые экспортируется его продукция, называет всемирно известные предприятия в числе своих заказчиков, сообщает, что научные разработки, новые технологии он получает из авторитетного источника и т.д. Такая незапрошенная, якобы дополнительная информация в деловом письме не является избыточной; ее прагматическая функция — создать положительное впечатление у адресата, убедить его в надежности, авторитетности возможного партнера. Подробное содержание может быть подано в форме придаточного предложения, причастной конструкции, отдельного предложения или в форме более или менее завершенного отрезка текста:

Ein paar kurze Worte zu unserer Firma. Der Lachs — die älteste Likördestillation Deutschland, gegenüber 1598 in Danzig, ist unter anderem bekannt für das “Original Danziger Goldwasser”, welches derzeit in mehrere Kontinente exportiert wird (...).

Имеются в деловой переписке и случаи, когда явно неполная информация служит выражением негативной оценки. Речь идет об ответах на запрос, касающийся надежности, платежеспособности, состояния счетов предполагаемого коммерческого партнера (такой запрос часто используется в тех случаях, когда речь идет о предоставлении кредита) и если ответное письмо не содержит ответы на стандартные для этого случая вопросы, то можно предположить, что такое умолчание (уход от вопросов) является негативной характеристикой, которую автор письма не желает сообщить прямо.

Изучение функций оценочных компонентов показало, что они служат для установления коммуникативной кооперации между корреспондентами, что в конечном итоге (вместе с вещественной информацией) должно вести к достижению коммуникативной цели, т. е. к реализации делового (коммерческого) интереса.

Именно в отношении употребления оценочных средств наблюдается существенное различие между современной немецкой торговой перепиской и торговой перепиской в бывшем Советском Союзе. Последняя отличалась своим директивным, категоричным характером, для нее не типичны выражения типа "мы рады Вашему интересному письму, будем рады учесть все Ваши пожелания", не принято благодарить за запрос, выражать сожаления по поводу просрочки, особенно если просрочка произошла не по вине автора письма. В таких письмах не присутствовал эмоциональный компонент, характерный для современной рекламы. Это можно объяснить тем, что при плановой экономике меньшее значение имело установление и поддержание контакта с деловым партнером, не было принято заботиться о создании привлекательного имиджа своего предприятия. Поэтому подробное описание функционирования оценочных средств в торговой переписке имеет значение и для более широкого изучения социально-культурных аспектов функционирования языка.

Список литературы: 1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. — 416 с. 2. Богданов В. В. Коммуниканты // Вестн. Харьк. ун-та. 1989, № 339. С. 7—10. 3. Sachs R. Deutsche Handelskorrespondenz. Ismaning, 1991, 163 S.

Т. Н. Пудровская

ОПИСАНИЕ ПРОПОЗИТИВА КАК РЕЧЕВОГО АКТА (на материале английского языка)

Описание характерных черт пропозитива, выявление его специфики и особого места среди других РА мы решили построить на методе аналогии, взяв за образец схему анализа РА обещания-промиссива, предложенную Серлем, используя его же — Серля — терминологию и условные обозначения [Серль, 1986]. Новым является наша попытка выделения и всестороннего описания именно пропозитива — РА, который, насколько

нам известно, еще не был предметом рассмотрения ни в отечественной, ни в зарубежной лингвопрагматике.

Итак, предположим, что:

S — говорящий

H — слушающий

T — предложение

Примечание: Под последним у Серля подразумевается некая синтаксическая конструкция, произносимая говорящим в процессе РА.

p — содержание

A — акт

Пусть говорящий S произносит предложение T с содержанием p в присутствии слушающего H. Тогда при произнесении TS искренне желает, чтобы H выполнил акт A с содержанием p, если и только если:

1. Соблюдены все **условия нормального входа и выхода**. С помощью терминов “вход” и “выход” Серль обозначает класс условий, которые обеспечивают возможность любого языкового общения. “Выход” — условия для вразумительного говорения, “вход” — условия для понимания [Серль, 1986].

2. S при произнесении T выражает мысль, что H мог бы совершить A с содержанием p при нормальном ходе событий. Это условие отделяет пропозициональное содержание от прочих составляющих РА и позволяет нам в дальнейшем сосредоточиться на **активном, наступательном** характере пропозитива.

3. Выражая мысль, что p, S хочет предсказать A слушающему H, и этот факт не должен относиться к прошлому, а только к настоящему или будущему. Иными словами, распределение ролей изначально таково: S выступает как активная сторона, “нападающий”, а H — как **пассивный участник**, “защищающийся”.

Серль обозначил условия 2 и 3 как **условия пропозиционального содержания** [Серль, 1986].

4. S предпочел бы совершение H акта A, и H убежден, что S предпочел бы совершение им A несовершению A.

Это именно тот этап, когда говорящий вступает на “скользкую почву”, попадает в зону риска, в чем и проявляется активный характер его роли. С одной стороны, S хочет совершения H акта A; с другой стороны, S не уверен, что для H совершение A также желательно, как и для него самого. Почему S не может быть уверен в исходе РА пропозитива, объясняет следующее условие.

5. Как для S, так и для H **неочевидно**, что H совершит A при нормальном ходе событий. В то же время S должен быть убежден, что H **потенциально** в состоянии совершить предлагаемое ему актом A действие. Если H потенциально не может этого совершить, предлагать ему это некомпетентно и коммуникативно некорректно, т. к. H заведомо ставится перед лицом необходимости отказать собеседнику, а отказ в англо-американской культуре является нежелательной формой социального поведения [Brown, 1986].

Нам кажется, что с этим условием коррелируют “правила для инициатора предложения”, описанные Энн Сэлзманн [Salzmann, 1989] для англо-американской лингвокультуры. Эти правила таковы:

1. Избегать, когда возможно, просьбы, предложения, приглашения и т. д., которые, скорее всего, не могут быть приняты и выполнены адресатом либо будут для него затруднительны.

Например:

Sheila: Why don't you come to San Francisco after you get back from Europe? I wouldn't mind seeing you there.

Bernie: I don't think so. I have to look for a job (Steel). (Девушка приглашает своего друга приехать к ней в гости сразу после того, как он сделал ей предложение и она ему отказала).

2. Начинать предложение с "прощупывания брода", используя вводные фразы и наводящие вопросы, по реакции адресата на которые уже можно судить, собирается он принять предложение или отклонить его. Если говорящий видит, что его собеседник колеблется и дело идет на лад, он может настаивать на принятии предложения, усилить натиск. Если же по предварительной реакции видно, что адресату не по душе предложение, то говорящий отступает, еще не сделав предложения как такового, что позволяет ему "спасти лицо".

Например:

Simon: Do you miss me yet?

Zoya: Very much. I think I need a referee here.

S: Excellent. I'll apply for the job. How about dinner tomorrow night?

Z: That's nice thought (Steel).

3. Наконец, когда дела зашли слишком далеко и инициатор видит, что его предложение собираются отклонить, можно даже тогда тактично приступить к сдаче позиций и сделать все возможное для "спасения лица".

Например:

Bernie: I want to marry you.

Sheila: I thought you understood. We don't need marriage. We don't need all that traditional garbage. All we need is what we have right now, for as long as it lasts.

B: Well, pardon me... May be it's just too soon (Steel).

4. И, наконец, четвертое правило, которым мы позволили себе дополнить три вышеизложенных, сформулированных Энн Сэлзманн, и которое, как нам кажется, релевантно и логически сопоставимо с ними. Правило такое: если говорящий и слушающий знакомы не очень близко, или если говорящий, даже будучи близко знаком с адресатом, не уверен в исходе данного РА, он может подготовить позиции к отступлению конструкцией, построением, самой формулировкой предложения. Приведем пример:

Bernie: Can I buy you a cup of coffee, or are you dashing off somewhere?

Megan: Actually, I'm through for the day, & I'd love it (Steel).

6. S искренне хочет, чтобы Н совершил А. Пропозициональное содержание р выражает истинное желание S. Данное условие Серль обозначает как условие искренности.

Заметим, что в нашей выборке из оригинальной англо-язычной литературы встречались предложения, которые позволяют предположить, судя по контексту, что они инициировались не по искреннему желанию, а навязывались говорящему нормами этикета и культурно-социальными стереотипами. Это формальные предложения, которые делаются говорящими сугубо из вежливости и соображений социо-культурного конформизма [Valdes, 1986]. В этих случаях искреннее желание говорящего, чтобы слушаю-

щий совершил предлагаемый ему акт А меняет свой положительный заряд на противоположный.

Например:

Whit: And what about my dinner invitation? The Orniers are having a dinner, & if you are not too tired, Xavier suggested we all go to Raffles afterwards.

Kezia: Sorry, darling, I'd love to, but I'm awfully tired... (Steel).

(Молодой человек и девушка принадлежат к нью-йоркскому высшему свету и постоянно находятся на виду, но желают скрыть свою личную жизнь от прессы и общества. Они ведут неискреннюю светскую беседу, поэтому можно считать, что данное предложение инициировалось не по искреннему желанию говорящего, а было навязано ему правилами социального конформизма и диктатом культурных норм).

7. S намерен с помощью высказывания Т побудить слушающего совершить акт А. Серль называет это условие "**существенным условием**" [Серль, 1986]. Существенное условие обладает следующими особенностями:

- с одной стороны, это условие отличает некий РА от прочих РА;
- с другой стороны, это условие сближает РА с родственными РА.

Для пропозитива такими актами являются **приказ, совет, просьба, приглашение, угроза, упрек**.

Для вышеперечисленных родственных речевых актов, как и для пропозитива, условие 7 может быть названо существенным, однако каждый РА имеет свой специфический оттенок значения, который выделяет его в самостоятельный РА и придает ему неповторимость. Для **приказа** таким оттенком является то обстоятельство, что говорящий **формально или неформально** (но фактически) занимает доминирующую позицию по отношению к адресату и по праву этой позиции — "позиции силы" — может рассчитывать на послушание слушающего).

В таком РА, как **совет**, опять наблюдается определенная иерархия, в которой слушающий **гласно или негласно** занимает более низкую ступень по отношению к говорящему. В данном случае, однако, их социальные позиции противопоставлены не так резко, как в случае **приказа**, е. г. иерархия может строиться по возрастному принципу (старший — младший), по принципу уважения (друзья), жизненного опыта (учитель — ученик), etc.

Для РА **угрозы** существенным условием является намерение говорящего либо заставить слушающего совершить некое действие, либо (то же условие, но с противоположным знаком) воспрепятствовать слушающему произвести некий акт, при этом имплицитно неотвратимость наказания в случае невыполнения требования говорящего.

Существенное условие **приглашения** — намерение говорящего побудить адресата совершить некое совместное действие, вовлечь его в совместную деятельность. Приглашение можно рассматривать как частный случай пропозитива, при этом приглашение как РА уже **пропозитива**, поскольку пропозитив не ограничивается побуждением адресата к совместной деятельности.

Существенным условием **просьбы** является намерение говорящего побудить адресата к совершению некоего действия, результаты которого будут положительным для говорящего. Если просьба ориентирована на настоящее и будущее, то **упрек** имеет претерито-презентную референцию. В случае РА упрека говорящий выражает свое недовольство тем или иным

действием адресата, совершенным в прошлом или совершаемым в настоящий момент. (Конечно, существенные признаки родственных пропозитивов РА очерчены здесь пока поверхностно и схематично, они лишь обозначают основные направления исследования).

Главный вопрос, который мы на данном этапе исследования ставим перед собой, — определить, в чем заключается существенное отличие пропозитива от других РА. Рассмотрев с этой точки зрения несколько условий, в частности, условие равноправия партнеров, свободу выбора адресатом ответной реакции на стимул и войдя в противоречие с эмпирическим материалом, мы попытались выделить как существенный признак пропозитива то условие, что говорящий, пытаясь побудить слушающего совершить некий акт, действительно потенциально готов создать ему условия, необходимые или благоприятные для реализации этого акта. Иными словами, поскольку S — активное начало, его **вербальная активность должна материально соответствовать его реальным возможностям и потенциалу.**

Однако, как показала наша выборка, этот признак имеет место не только в случае пропозитива, но и в случае РА **угрозы**, например, преступник и жертва.

Итак, поскольку вышеприведенное условие оказалось справедливым не только для случая РА **пропозитива**, но и для случая РА **угрозы**, мы посчитали существенным выделить некий признак, который отличал бы данный РА от РА **угрозы**. В качестве такого признака на данном этапе исследования мы позволили себе выделить такую отличительную черту пропозитива, как его **позитивная направленность**. Действительно, можно утверждать, что пропозитив в коммуникативном аспекте заряжен положительно, т. к. данный РА ориентирован на кооперацию. Естественно, в случае РА угрозы не имеет смысла говорить о кооперации и стремлении к сотрудничеству между адресатом и говорящим, поскольку коммуникативная направленность угрозы носит отрицательный характер [Kelling, 1987].

Учитывая все вышеизложенные соображения, мы на данном этапе решили сформулировать следующее рабочее определение **пропозитива**.

Пропозитив — это РА, посредством которого говорящий предлагает адресату осуществить некое действие и который характеризуется **позитивной** интенцией говорящего, включая в себя потенциальную возможность и готовность говорящего создать адресату условия или предпосылки для успешного осуществления иницируемого действия.

Список литературы: 1. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт?//НЗЛ., вып. 17, М.: Прореец, 1986. 2. Brown Douglas H. Learning a Second Culture// San Francisco State University Press, 1986, 441 p. 3. Kelling George W. Language Mirror, Tool & Weapon//Nelson-Hall, Chicago, 1987, 285 p. 4. Salzmann Ann. Oh, Darn! I'd Love To Come But I already Have Plans: TV Invitations as Conversation Models//IDEAL, № 4, 1989. P. 44—59. 5. Valdes Joyce Marrill. Culture Bound: Bridging The Cultural Gap In Language Teaching// Cambridge University Press, 1986, 217 p.

SOME USAGE CHANGES IN BRITISH YOUTH VERNACULAR LANGUAGE

Youth with all its diversity of cultural and sub-cultural groups represents a considerable part of contemporary society. That is why before describing changes introduced by the young in language usage we consider it necessary to comment upon the changes in British society over the last 50 years which have influenced the language used by the young nowadays.

"Between the years 1940 and about 1947", wrote Peter Laslett [Laslett, 1962, p. 53], "I believe there was a critical event in English social development." Further he comments that the "traditional respect for rank and authority" slackened during the Second World War and the years immediately following it, that the prestige of the upper classes shattered. This was accompanied by the weakening of the previously accepted relationships between the generations, especially those between parents and children which were brought about by more widely available educational opportunities and by the necessity to acquire completely new skills in order to earn a living. Education now takes more time than it used to, so the young spend the whole of their adolescence with members of their own age-group. As a result by the 1950s in Britain the Teenage Movement had arrived with its insistence that adolescents should be regarded as a force, entitled to make their own rules and observe their own standards. Adolescents had become what they never had been before, a "sub-culture" [Hudson, 1983]. One of the forces which created this new culture was a powerful commercial interest. Equally important was the change in the demographic balance of the nation — there were a great many more teenagers about, a fact that made them more noticeable, and also more commercially attractive.

"They come to constitute a small society, one that has most of its important interactions within itself, and maintains only a few threads of connection with the outside adult society" [Coleman, 1961, p. 3]. As a result of this a separate culture comes into existence — a youth culture with a language of its own, its special symbols, and, most importantly, with its value system that may differ from that of adults.

It is natural that any social group has its preferences in language usage and youth groups are not an exception.

Our own observations and vast sociological research [for example, Hudson, 1983] show that the specific "youth" vocabulary involves mainly those words and phrases which reflects the activities in which teenagers have shown themselves most likely to get into trouble with the law.

Fair or not, youth has been seen as a "social problem for at least a hundred years, certainly since groups of working class boys were first observed hanging around the streets, getting into "trouble" with the police and other passers-by" [Frith, 1984, p.25]. Certainly some of the young belong to different gangs and commit crimes and offences. Yet it does not mean that all adolescents are delinquent. Far from it. Major part of young people has never been in trouble with the law. The thing is that a large part of teenage life is lived in the imagination and stimuli for this imagination are taken from the real world. Youngsters'

reading and watching of TV programmes and films can turn them into fantasy footballers, round-the-world yachtsmen etc. But it can also produce, occasionally, fantasy thieves, rapists, hijackers and so on. As Kenneth Hudson remarks [1983, p. 107]: "It is the failure to distinguish between the real and the fantasy, the passive... and the active, which has been responsible for so many misjudgements and misunderstandings concerning teenage habits. Because a person is aware of certain words, it does not follow that he uses them. Because he is surrounded by socially dangerous people, in his school or in the district where he lives, he himself may not necessarily be a social menace at all." The reason why most young people want to have a language of their own lies in the fact that the young have a well-developed instinct for taking on protective colouring, and what they do and say is not often meant to be understood and approved by adults.

With all these considerations in mind, let us now look at some changes in the use of the so called "youth vernacular" language in Britain over the last 50 years. We will try to describe the changes some "disreputable" words have undergone, and categorize them into the following semantic groups: sex, drugs, violence, and the law and its agents. All of them have been in current use during the past 5 decades.

What has happened to the SEX vocabulary in Britain is that it has demystified itself and consequently is much weaker in its overtones and effects. For each successive generation of teenagers the word which their parents and grandparents would never have dreamed of uttering in public have become an ordinary term of expression.

Let us consider several examples.

FUCK — both as a verb and as a noun, this most common and explicit of sexual words is at least two centuries old [Thorne, 1990]. What is new and revolutionary is the extent to which the term has become spread. It is now used without any noticeable hesitation by the people, even women and girls, who would at one time have been appalled at the very thought of uttering it. Much of its former strength has now disappeared, to the point at which it is almost a simple technical term like "walk" or "eat" (Hudson, 1983).

The compounds of this word are increasingly numerous and widely used, though most of them are short-lived and go out of fashion within a few years.

TART — this word is used by the young in two distinct senses, a fact which causes outside observers some confusion. Its statistically prevalent (central) meaning is "a girl interested and prepared for sexual activities, but not a prostitute" [Hudson, 1983, p.112]. To members of an older generation, on the other hand, "tart" almost always did mean "prostitute" [Thorne, 1990]. There is, however, a secondary (marginal) meaning — "a flashy, pretentious person of either sex" [Hudson, 1983, p. 112]. The context will usually indicate which meaning is implied.

Among other examples are such lexical items as: ART — soft porno [Hudson, 1983], COME ACROSS — to dispose sexual favours, DYKE — a lesbian [Thorne, 1990] etc. which have become common in everyday speech. This is a change which most older people find difficult to understand. Kenneth Hudson (1983) says that the most effective way of explaining the situation to them is to suggest that their children and grandchildren use words previously considered taboo much as a foreigner would — that is without attaching any potency to them.

Let us now consider some pieces of the youth vernacular associated with the practice of DRUG-taking.

The following examples show the changes in the meaning of some relevant language units:

TO HAVE A BLOW, meaning to smoke marihuana, represents a very interesting example of semantic extension. In the first half of the 20th century "blow" was associated with an ordinary tobacco-filled cigarette [Hudson, 1983].

BROUGHT DOWN is another example of semantic extension. In modern slang it means "depressed". Originally the word was used in drug circles to describe the aftermath of a drug experience, and then, more generally, in the pop-music world to denote a state of depression caused by different reasons [Hudson, 1983].

DOPE means "illicit drug, narcotics". The word was first applied to stupefying drugs such as opium and heroin at the turn of the century, and remained limited to this context until 1960s. In the late 1960s hippy drug users began to apply this word ironically to their preferred soft drug, cannabis (marihuana and hashish), and this remains the most common use today [Thorne, 1990].

STONED — intoxicated by narcotics or alcohol. It used to mean "drunk". Later it came to denote "high on drug" as well, especially under the effect of cannabis [Thorne, 1990].

This small selection of "drug-words" illustrates the extent to which a minority habit has influenced the language.

There is a whole new vocabulary of **VIOLENCE**, reflecting the growth of teenage gangs and of what one may call "aggression culture" [Hudson, 1983].

For example, **BUNDLE** — a fight, to fight, which originated as a working-class slang word, but with the increasing awareness of the social danger of violence, has acquired a special emotive charge when used by the young.

The same happened to **PUNCH-UP** — to fight, which was originally associated with the working-class end of the youth-culture spectrum.

Both of these are teenage euphemisms for unpleasant incidents, involving the use of chains, iron bars, knuckle-dusters etc.

THE LAW AND ITS AGENTS — also constitute an important issue in the life of the British youth. For the fighting, drug-taking, thieving elements among teenagers, the police and the whole machine of justice and punishment represents the enemy, and the neutral vocabulary from the other fields is often being used creatively to emphasise this and to reinforce solidarity among the real and potential law-breakers. So the police are "pigs", "bill" and the "fuzz", and the boys and girls who never get in trouble with the police use the same words, or some of them, as a matter of fashion and conformity. To co-operate with the police or to show any sympathy for their social function is to be guilty of treason to one's age-group.

The vocabulary items discussed above are only a tiny sample which demonstrates how creative and resourceful the young can be in adapting the "old" vocabulary for new purposes, for creating their own language to be able to communicate within their own distinct culture.

4. **Список литературы:** 1. Coleman, J.S. (1961), *The Adolescent Society*, New York: Free Press. 2. Frith, S. (1984), *The Sociology of Youth*, London: Causeway Books. 3. Hudson, K. (1983), *The Language of the Teenage Revolution: the Dictionary Defeated*, The Macmillan Press LTD. 4. Laslett, P. (1962), *The Social Revolution of Our Time*, in Lestener, January 11. 5. Thorne, T. (1990), *Dictionary of Modern Slang*, London: Bloomsbury Press.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (к постановке вопроса)

Фразеологическая литература последних лет отражает развитие ряда направлений в изучении многочисленных аспектов фразеологических единиц (далее ФЕ). В ней представлены, в частности, описания групп ФЕ, отобранных по семантической общности (Р. Е. Жайсакова, Н. Д. Шумилов, И. А. Ионова, Б. Штефан, В. П. Чебан и др.). Группы ФЕ классифицируют также по тому или иному свойству входящих в них компонентов. Например, описываются ФЕ, включающие имена собственные (В. М. Мокиенко), цветочные прилагательные (Л. Е. Кругликова, Ю. И. Васильев), слова-сопроводители (А. В. Кунин) и т. п. Весьма популярны работы, в которых ФЕ анализируются по их функциональному назначению в коммуникации (Т. Л. Павленко, Е. С. Снитко, Т. М. Гришакова и др.). Распространено также изучение группировок ФЕ, вычленяемых по набору составляющих их грамматических словоформ (Е. Г. Панасенко, А. В. Пашкова, Л. Ф. Козырева и др.) Еще одним способом выделения ФЕ для изучения является функционально-стилистический (И. А. Бутенко, Ю. Ю. Авалиани). В последнее время также наметился путь к анализу грамматической семантики, заключенной в ФЕ (А. М. Эмирова, Т. В. Митина); к выявлению условий употребления и разнообразных преобразований ФЕ в речи и текстах (Л. П. Жукова, М. А. Мануйкова и др.) [3, с. 4—17].

Обзор отечественной и зарубежной литературы показывает, что несмотря на многочисленные работы по исследованию ФЕ, в частности отобранных по семантической общности, проблема исследования фразеологизмов с временным значением в современном английском языке в целом остается неразработанной в языкознании. Поэтому задачей настоящего исследования является всестороннее изучение фразеологических единиц с временным значением.

Предварительный анализ темпоральных ФЕ показывает, что временная дейктичность в наибольшей степени характерна для адвербиальных ФЕ. Также были обнаружены, хотя и в меньшем количестве, субстантивные, глагольные и адъективные темпоральные ФЕ.

Для всех адвербиальных ФЕ характерна стабильность формы, неизменяемость. Варианты встречаются редко. Нами была выделена группа ФЕ с временным значением различных структурных типов, которая является наиболее многочисленной: *at the very nick of time, in days of old, to the end of time, in broad day light, between two days, at death's door, in the dead of winter*.

Среди изученных структур наблюдаются также адвербиальные ФЕ как с подчинительной, так и с сочинительной структурой.

К темпоральным ФЕ с подчинительной структурой относятся адвербиальные сравнения, выступающие в функции обстоятельства образа действия: *(as) quick as a flash, (as) quick as a lightning, (as) swift as an arrow*; компаративные фраземы, начинающиеся с *like*: *like a dose of salt, like a shot, like a lamplighter*.

Анализ адвербиальных темпоральных фразеологизмов с сочинительной структурой показал, что к ним можно отнести: двухкомпонентные ФЕ:

day in and day out, now and again, now or never, on and off, once and while, month in, month out, year in, year out; а также трехкомпонентные ФЕ, типа first, last and all time.

В меньшем количестве были выделены субстантивные ФЕ с временным значением: the devil's own time, a black-letter day, a dog's age, the nitching hour. Для субстантивных ФЕ характерна константная зависимость компонентов. Что касается грамматической структуры, то субстантивные ФЕ с темпоральным значением можно подразделить на фраземы с подчинительной связью: a week of Sundays, the moment of the truth; а также фраземы со структурой сочинительного словосочетания: day and night.

Весьма немногочисленными оказались группы глагольных и адъективных ФЕ с темпоральным значением: Sleep on it, bide one's time, keep bad (late) hours, as old as Adam, quick on the trigger, slow in the uptake.

Структурно-семантические типы ФЕ в разной степени характеризуются временной дейктичностью. Наибольшее количество ФЕ с темпоральным значением было выделено среди адвербиальных фразеологизмов; далее в порядке убывания степени временной дейктичности следуют субстантивные, глагольные и адъективные ФЕ. Это распределение несколько отличается от соответствующего распределения лексических единиц с временным значением современного английского языка по данным Е. Л. Ерзинкян, где на первом месте по степени дейктичности находятся наречия, затем следуют прилагательные, существительные и глаголы [2, с. 12–43].

Рассмотрение дейктичности ФЕ требует учета единства структуры и семантики этих единиц. Среди структурных факторов, способствующих формированию дейктичности в семантике фразеологизмов, можно отметить наличие предлогов, преобладание одновершинной структуры ФЕ и единиц с подчинительной структурой и константной зависимостью компонентов.

Анализ выделенного корпуса ФЕ по характеру зависимости компонентов показал, что временная дейктичность в наибольшей степени характерна для единиц, имеющих константный характер зависимости компонентов. Эта закономерность прослеживается во всех структурно-семантических типах фразеологизмов.

Так как многие вопросы еще не нашли своего отражения, то дальнейшим этапом исследования будет решение следующих задач: проследить зависимость структурных, семантических, коммуникативно-функциональных характеристик поля темпоральности английской фразеологии от структуры английского языка; выяснить в корпусе фразеологии современного английского языка ФЕ с временным значением с использованием понятий эксплицитности/имплицитности; классифицировать и изучить их по принципу оппозиций, а также на основе структурного, синтаксического, семантического анализа и по степени идиоматизации; проследить зависимость между мотивировкой и имплицитным компонентом ФЕ с временным значением; выделить прагматические типы контекстов с темпоральными ФЕ.

Список литературы: 1. Дашевская В. Л. О семантических параметрах фразеологических компонентов // Сборник научных трудов: Системная организация английской фразеологии. Вып. 262. — М., 1986. — С. 5–10. 2. Ерзинкян Е. Л. Временной дейксис в разных частях речи в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва—Ереван, 1979. 3. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии. — Воронеж, 1989. 4. Курс фразеологии современного английского языка. — М., 1986.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СХЕМА НАУЧЕНИЯ И ТЕОРИЯ ФИЛЬТРА

В процессе любого научения, человек, активно воздействует с окружающей средой, получает информацию из последней через свои органы чувств. Затем такая информация поступает в мозг, где она анализируется и может передаваться для дальнейшей обработки в процессор, который иногда называют когнитивным организатором. Таким образом, этот отрезок научения можно представить в виде следующей последовательности: восприятие — анализ — переработка. Однако, такая схема лишь упрощенно показывает процесс прохождения и переработки информации, т. к. последняя не полностью поступает в когнитивный организатор. Часть информации блокируется устройством, осуществляющим ее селекцию. Такое устройство называется фильтром, который обычно рассматривается как наделенное входом и выходом устройство, где часть информации, поступающей на вход, никак не проявляется на выходе [2].

В психологии понятие фильтра используется в рамках исследования внимания и памяти. В частности, считается, что по принципу фильтра действует произвольное внимание, которое пропускает только часть поступающей из внешней среды информации, блокируя остальную [2].

Существующие теории фильтра можно условно разделить на две группы. В первой из них человек трактуется как пассивный канал связи, а во второй — как активный субъект, взаимодействующий с окружающей средой. С точки зрения первого подхода [4], фильтр осуществляет селекцию релевантной сенсорной информации по принципу “все или ничего”. Считается, что внимание, подобно электромеханическому устройству — фильтру, осуществляет отбор информации и предохраняет от перегрузки канал ее передачи в связи с ограниченной пропускной способностью последнего. Процесс блокирования, согласно этому подходу, осуществляется на основе анализа физических характеристик поступающих по всем каналам информации (высоты звука, тембров голоса и др.). На основе такого анализа для приема информации может быть затем выделен определенный канал. Таким образом, согласно рассматриваемой теории, действие фильтра основано на анализе физической поступающей информации. Такой подход представляется излишне упрощенным, т. к. трактует индивида как пассивный субъект по отношению к деятельности (одним из видов которой может считаться научение). Конечно, нельзя отрицать, что анализ информации по физическим характеристикам имеет место, однако эффективный отбор релевантной информации вряд ли возможен только на основе такого анализа.

Исследования [5, 6] показали, что переключение с одного канала на другой и обратно может осуществляться в зависимости от смысла, а не его акустических характеристик. Это поставило под серьезное сомнение адекватность рассматривавшегося выше подхода. Основанием для этого послужили данные, полученные в экспериментах по дихотическому аудированию [5, 6]. Как известно, в подобных экспериментах испытуемому предлагают разные звуковые стимулы по двум слуховым каналам одновре-

менно (отдельно на правое и левое ухо). Результаты таких исследований показали, что испытуемые могут избирательно следить только за одним сообщением, при одновременном восприятии двух. Они способны отключаться от второго сообщения, направляя свое внимание на то, за которым они следят. С другой стороны, экспериментально доказано [1], что, хотя испытуемые и отключаются от второго канала, они способны сохранять периферийный контроль за ним. Например, в указанном эксперименте, испытуемые могли ответить, действует второй канал или нет. Испытуемые замечали также изменение голоса диктора, передающего сообщение по второму каналу (например, замену мужского голоса женским). Однако они не понимали содержание второго сообщения, и даже затруднялись определить, на каком языке шло сообщение и изменился ли язык в процессе эксперимента. Практически можно говорить о том, что при одновременном восприятии двух различных сообщений по разным слуховым каналам, человек в состоянии контролировать смысл сообщения только в одном из таких каналов, т. е. в таком канале осуществляется смысловой контроль. Что же касается другого канала, то одновременный его контроль возможен, однако этот контроль осуществляется только по физическим (а не смысловым) характеристикам сообщения.

Полученные данные заставили значительно изменить содержание понятия фильтра. В новой интерпретации фильтр представлялся как аттенюатор — механизм, который уменьшает количество irrelevantной информации, но не блокирует ее полностью. С точки зрения нового подхода, все поступающие извне сигналы подвергаются ряду предварительных испытаний. Сначала анализируются общие физиологические признаки входных сигналов, а затем эти сигналы подвергаются более точному анализу — с точки зрения их содержания. Экспериментально установлено [3, 6], что именно содержание информации определяет, поступит ли она в процессор для дальнейшей обработки.

По результатам таких исследований [3] была предпринята попытка построить модель функционирования механизма избирательного внимания (фильтра), которая представлена в виде схемы ниже.

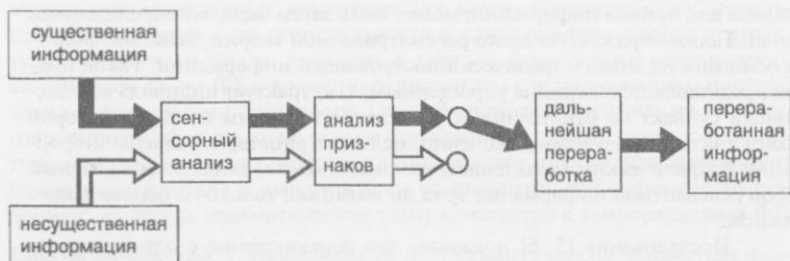

Рис. 1. Схема переработки информации у человека в интерпретации П. Линдслей и Д. Норман [3, с. 55].

Согласно этой схеме вся информация (существенная и несущественная) воспринимается органами чувств и передается в мозг для анализа с точки зрения ее существенности. Затем несущественная информация полностью блокируется фильтром, а существенная пропускается для дальнейшей обработки.

Данная схема показывает принцип блокирования несущественной информации, однако противоречит результатам экспериментов, обсуждавшихся выше [1], т. е. не может объяснить, каким образом сознание способно сохранить периферийный контроль за поступлением несущественной информации, если последняя была блокирована и не поступила в процессор. Данная схема также не учитывает экспериментальные данные, полученные в рамках концепции аттенюатора [6], согласно которой, как уже указывалось выше, входные сигналы, после анализа физических характеристик, подвергаются более точному анализу — с точки зрения их содержания. Учет концепции аттенюатора представляется важным, т. к. это позволяет построить модель, гораздо лучше объясняющую наблюдаемые факты, чем схема, рассматриваемая выше. При определении степени существенности информации содержательный анализ сигналов намного важнее, чем физический (хотя последний несомненно присутствует), о чем свидетельствуют результаты экспериментов по дихотическому аудированию, рассматривавшихся выше [5, 6]. Можно предположить также, что механизм переключения с одного канала на другой действует не по принципу крана, полностью перекрывающего один из них, а скорее по принципу фильтра, который уменьшает объем поступающей в канал информации, но не блокирует ее полностью.

Учитывая изложенное выше, процесс поступления и переработки информации сознанием человека при научении можно попытаться представить следующим образом.

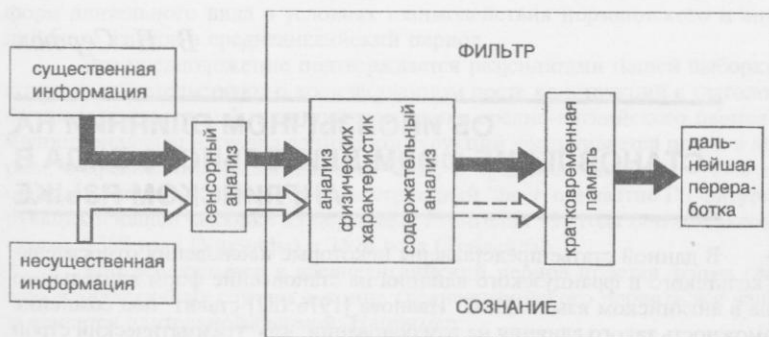

Рис. 2. Гипотетическая схема переработки информации у человека в интерпретации автора данной статьи.

Согласно этой схеме, информация (существенная и несущественная) воспринимается органами чувств, на основе чего проходит сенсорный анализ. Затем вся информация подается в фильтр, где осуществляется анализ информации сначала по физическим характеристикам, а потом и более точный — содержательный. Важно отметить, что анализ физических характеристик сообщения также контролируется сознанием. Об этом свидетельствуют экспериментальные данные [1], согласно которым испытуемые запоминали периферийную информацию, имеющую для них какой-либо смысл (членораздельная речь). Таким образом фильтр пропускает существенную информацию, а также какую-то часть несущественной информации. Логично предположить, что несущественная информация может закрепляться лишь в кратковременной памяти, а существенная информация поступает для дальнейшей обработки и закрепления в долговременной памяти.

Вероятно, при научении иностранному языку информация проходит те же этапы, что и в схеме, описанной выше, т. е. объем и характер информации, поступившей в процессор, зависит от положения фильтра (открытого или закрытого). Для эффективного научения важно обеспечить благоприятное положение фильтра. Для этого представляется необходимым исследовать факторы, влияющие на такое положение в процессе усвоения. Результаты таких исследований будут представлены в следующих работах.

Список литературы: 1. Клацки Р. Память человека, структуры и процессы. — М.: Мир, 1978. — 320 с. 2. Найссер У. Познание и реальность. — М.: Прогресс, 1981. — 230 с. 3. Линдслей П., Норман Д. Переработка информации у человека//Введение в психологию. — М.: Мир, 1974. — 550 с. 4. Broadbent D. E. Perception and communication. New York; Pergamon Press, 1958. — P. 12—21. 5. Deutsch J. A., Deutsch D. Attention: Some Theoretical considerations. — *Psychology Review*. — V. 70. P. 67—73. 6. Greisman A. Contextual cues in selective listening. — *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 1960. — V. 12. — P. 71—80.

В. Н. Сердюк

ОБ ИНОЯЗЫЧНОМ ВЛИЯНИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье представлены некоторые наблюдения относительно кельтского и французского влияния на становление форм длительного вида в английском языке. И. П. Иванова [1976:182] ставит под сомнение возможность такого влияния на том основании, что “грамматический строй любого языка наименее подвержен иноязычному влиянию”. Однако данные нашего исследования дают возможность пересмотреть этот тезис.

Как известно, развитие языка теснейшим образом связано с условиями жизни народа. По словам В. Н. Ярцевой [1993:3], “история каждого языка всегда связана с социо-экономическими условиями данной стра-

ны". История народа создает условия для изменения языка, но формы изменений обуславливаются структурой языка, его внутренними закономерностями. Причины действия этих закономерностей, причины развития языка могут быть поняты и раскрыты лишь при учете как лингвистических, так и экстралингвистических, внешних факторов. Специфические условия для развития того или иного языка возникают при контактах языков.

Так, например, для того, чтобы предположить возможность французского влияния на становление форм длительного вида в английском языке, необходимо рассмотреть языковую ситуацию в Англии в результате норманнского завоевания.

В XII—XIII вв. норманны постепенно начинают овладевать английским языком, прежде всего те группы населения, представители которых шире общаются с народом, а затем и представители знати. Растущее и развивающееся городское население становится двуязычным. В это время возможно наиболее сильное воздействие французского языка (вернее, его норманнского диалекта) на английский, так как, говоря на английском языке, норманны используют элементы своего родного языка. Влияние норманнского языка на тенденции развития английского усиливалось благодаря тому, что норманнское завоевание прервало письменную традицию англо-саксов: английский язык оказался вне нормализующего влияния собственной письменности.

Относительно влияния норманнского диалекта на развитие форм длительного вида в английском языке, необходимо упомянуть тот факт, что еще в старофранцузском языке конструкции "*estre + Participe Present*" имела видовое значение — использовалась для выражения длительного действия, одновременно с другим действием, или моментом речи, что не было присуще древнеанглийской конструкции "*bïon / wesan + причастие на -ende*". М. К. Сабанеева [1990:5] приводит пример употребления в старофранцузский период конструкции "*estre + Participe Present*" для выражения подобного значения: *co dist Rollant: "Cornerai l'olifant, si l'orrait Carles, ki estas porz passant."* "Услышит Карл, который сейчас проходит ушьель". Это обстоятельство могло стимулировать аналогичные тенденции развития форм длительного вида в условиях взаимодействия норманнского и английского языков в среднеанглийский период.

Это предположение подтверждается результатами нашей выборки, которые свидетельствуют о количественном росте конструкций с глаголом бытия и причастием I в английском языке средне-английского периода. Функциональная нагрузка данных конструкций увеличивается почти в два раза: в древнеанглийском языке — 20%, в среднеанглийском — 37% от общего количества примеров с конструкцией "*be + причастие I*", фигурирующих в нашей выборке из переводов Евангелия 995 года (англо-саксонского), 1389 года (Уиклифа) и 1526 года (Тендейла).

Употреблявшаяся в древнеанглийский период простая форма глагола в аналогичных случаях в конце среднеанглийского периода все чаще заменяется длительной формой. Например:

- g.a. And for otam worde he wxs geunret, and fïrde gnornigende, for dam,
he hxfde mucele жта. Marcus: 7.11. Anglo-Saxon, 995.
c.a. The which praad sorwful in the word, wente away mornynge, forsoth
he was hanynge many possescion. Mark: 7.11. Wycliffe, 1389.

Следовательно, использование конструкций с глаголом бытия и причастием I в старофранцузском языке для выражения длительности действия, одновременного с другим действием, или моментом речи и наблюдаемый количественный рост подобных конструкций в английском языке в конце среднеанглийского периода можно считать подтверждением факта влияния структур типа "estre + Participe Present" на развитие аналогичных форм длительного вида в английском языке.

Рассмотрим теперь возможность кельтского влияния на становление форм длительного вида в английском языке. Сравнительным изучением английского и кельтского языков занимались Hickey (1989); McCawley (1970); Wigger (1972) и другие исследователи, которые отмечают у них ряд сходных черт грамматических признаков, в частности, в кельтских языках, как в английском, глаголы восприятия редко употребляются в длительной форме [Greene 1966:47]. Отмечается также и широкое распространение форм длительного вида в кельтских языках во все периоды их развития.

Нельзя поэтому исключить гипотетическую возможность распространения сочетания "be + причастие I" как следствия контактов английского языка с кельтскими через билингвизм в среднеанглийский период.

Это вытекает, в частности, из того обстоятельства, что в кельтских языках формы длительного вида гораздо древнее, чем в английском [Серебренников 1974:87—89].

К тому же в кельтских языках формы длительного вида оказались исторически более стойкими и продуктивными: например, формы длительного вида настоящего времени вытеснили синтетические для обозначения как конкретных событий, так и событий вообще [Leith 1983:171].

На основании вышеизложенного можно считать вполне вероятным факт двустороннего иноязычного влияния (со стороны норманнского и кельтского языков) на эволюцию форм длительного вида в английском языке, хотя окончательно выводы можно будет сделать на основании более глубокого диахронного анализа.

Список литературы: 1. Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. — М.: Высшая школа, 1976. — 319 с. 2. Сабанеева М. К., Щерба Т. М. Историческая грамматика французского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. — 270 с. 3. Серебренников Б. А. Некоторые вопросы истории кельтских языков/Кельты и кельтские языки. — М.: Наука, 1974. — 134 с. 4. Ярцева В. Н. О судьбах языков в современном мире//Изв. АН Сер. лит-ры и языка. — 1993. — Т. 52, № 2. — С. 3—14. 5. Green D. The Irish Language. — Dublin: The Three Candles, 1966. — 61 p. 6. Hickey R. Towards a Contrastive Syntax of Irish and English//Contrastive Linguistics. — Berlin, N.Y., Amsterdam, 1989. — P.187—203. 7. Leith D. A social History of English. — London: R., K.P., 1983. — 224 p. 8. McCawley J.D. English as a VSO language // Language. — 1970 — P. 286—299. 9. Wigger A. Grammatical and Sprachverwendung onder Satzordnung des Neuirischen. — Hamburg, 1972. — P.251—282.

Л. В. Солощук, канд. филол. наук
Я. М. Быкова

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ УГРОЗЫ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Проблеме речевых актов в современной лингвистической литературе посвящено большое количество исследований. Это ключевое понятие прагматики, как отмечает В. В. Богданов [Богданов, 1989, с. 25], получает у разных авторов неоднозначную интерпретацию, что привело к возникновению различных классификаций речевых актов. Количество существующих ныне классификаций речевых актов велико. Варьируется и количество выделяемых в рамках каждой классификации речевых актов. Анализ наиболее известных из них [Остин, 1986; Серль, 1986; Bach, Harnish, 1980; Aulewa, 1980; Verschueren, 1983; Fraser, 1975; Stiles, 1981; Leech, 1983; Почепцов, 1981] показал, что речевой акт угрозы выделяется в отдельный класс — класс менасивов — лишь Г. Г. Почепцовым [Почепцов, 1981, с. 273]. Практически во всех прочих классификациях угроза включается в класс комиссивов, чем, очевидно, и объясняется недостаточная исследованность непосредственно речевого акта угрозы.

Традиционно принято при исследовании менасива проводить параллель с промисивом, что объясняется наличием у обоих речевых актов ряда общих структурно-семантических особенностей. В то же время они отличаются по признаку “положительности”/“отрицательности” отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания [Почепцов, 1981, с. 274].

Мы полагаем, что более полную характеристику акта угрозы позволит дать и сопоставление данного акта с актом предостережения. Коммуникативно-интенциональным содержанием предложений менасивного типа является угроза, условием реализации которой выступает незаинтересованность адресата в осуществлении того, о чем идет речь в акте угрозы. Предостережение — это информирование собеседника о возможных трудностях, проблемах, опасностях, иными словами — о неблагоприятных для адресата последствиях какого-либо действия. Таким образом, в отличие от оппозиции “менасив/промисив”, оппозиция “менасив/предостережение” в дефиниции по признаку “положительность”/“отрицательность” отношения адресата к содержанию обращенного к нему высказывания практически совпадает. Каковы же различия между этими двумя прагматическими типами предложений? На наш взгляд, главное отличие между ними заключается в том, что в акте предостережения информация подается в менее экспрессивной, менее категорической форме, нежели в акте угрозы. Достигается это главным образом за счет дистанцирования адресанта от самого сообщения, что приводит к нейтрализации роли говорящего. Иными словами, на первый план выступает идея о том, что опасность для адресата исходит не от адресанта, а от неких внешних условий. Большинство структур, выражающих предостережение, носят безличный характер. Адресант явно избегает упоминать себя в связи с возможными неблагоприятными для адресата последствиями. Принцип дистанцирования в акте предостережения имеет, по нашему мнению, и социолингвистическое объяснение.

Предостережения часто используются в общественных местах. Подобные предостережения, в устной или письменной форме, информируют граждан о том, что, в случае нарушения общественного порядка, власти будут вынуждены принимать меры. Официальные предупреждения в общественных местах должны, если не эксплицитно, то по крайней мере имплицитно сообщать о том, что власти в меньшей степени заинтересованы в том, чтобы предпринимать меры против нарушителей, что ответственность за неблагоприятные последствия несет сам адресат. Образно говоря, они не нападают, а защищаются. Возможность агрессивности по отношению к адресату категорически исключается. Достигается это благодаря принципу дистанцирования. Приведем несколько примеров:

a) No overcoats are allowed!!! Are you wearing an overcoat? Then take it to the cloakroom downstairs. If you don't do it, you will not be able to use the center today. (Объявление на двери Ресурса Центра Британского Совета в Харьковском госуниверситете);

b) Mind your backs! (Носильщик с тележкой — к пассажирам на железнодорожном вокзале);

c) Mind the step! (Объявление в метро);

Если проанализировать грамматическую структуру предложений, используемых в акте предостережения, то окажется, что их особенностью является не только употребление в предложении глагола в будущем времени изъявительного наклонения действительного залога, что характерно для менасивных предложений, но и возможность употреблять глагол в повелительном наклонении, а также в страдательном залоге как настоящего, так и будущего времени. Подлежащее в менасивном предложении, если оно соотносимо с автором речи, неизменно является агенсом. Таким образом, адресант практически не имеет возможности "дистанцирования" от того, что говорит, как это происходит в случае с предостережением.

Итак, можно сделать вывод о том, что если в прагматическом плане угроза и предостережение находятся ближе друг к другу, чем угроза и промисив, то в грамматическом оформлении у них меньше общих характеристик, нежели у последних.

Следует отметить, что как только нарушается принцип дистанцирования, предостережение теряет свойственные ему формальный тон и безличный характер. Предостережение перестает быть предостережением в "чистом" виде. Оно приобретает черты угрозы. Нарушение принципа дистанцирования может происходить на различных уровнях. На синтаксическом уровне это проявляется в смене простого предложения в повелительном наклонении на сложноподчиненное предложение с указанием на будущее время. Если говорить о лексическом уровне, то появляются маркеры, указывающие на повышенную эмоциональность адресанта, характерную для акта угрозы, что подтверждается следующим примером:

Leslie half-stood up to leave, but Mrs. Hazen put her hand firmly on her arm. "Please stay. I would feel terribly guilty if I thought I was breaking up Russel's charming little party. And there are things I have to say to our host that I think you ought to hear..."

"Please take your hand away", Leslie said. "My husband and I are leaving".

Mrs. Hazen kept her grip on Leslie's arm. "If anybody leaves I warn you I am going to scream", she said, "Loudly". Leslie made a move to pull her arm away and Mrs. Hazen screamed. It was a wild, shattering siren, like wail. When she stopped, the room was absolutely silent..." (I. Shaw).

Принцип дистанцирования не соблюдается здесь на уровнях. И лишь наличие глагола "to warn" формально дает возможность трактовать данное высказывание как предостережение. На наш взгляд, глагол "to warn" не может выступать здесь в качестве перформативного глагола "чистого" предупреждения, так как в таком случае опять-таки нарушается принцип дистанцирования, на котором основывается предостережение, а именно: подлежащее — агент будет соотноситься с автором речи, что делает высказывание категоричным и переводит его в разряд угрозы.

Зачастую угроза не может быть декодирована без наличия знания о предыстории акта угрозы. Иногда третье лицо, случайный свидетель коммуникации, в которой одно лицо угрожает другому, может и не декодировать интенцию угрозы, если акт угрозы не содержит характерных разговорных формул и не сопровождается определенным паралингвистическим оформлением, характерным для угрозы. Таким образом, важную роль в декодировании акта угрозы играет и контекст.

Итак, сопоставляя речевые акты угрозы и предостережения, следует отметить, что они, имея практически сходную прагматическую направленность (обещание совершить неблагоприятные для адресата действия и предупреждение о неблагоприятных последствиях таких действий), различаются по принципу дистанцирования адресанта по отношению к тому, что он говорит. Для акта предостережения характерны официальный тон и нейтральность адресанта, в то время как в акте угрозы обычно присутствуют маркеры, указывающие на отрицательные эмоции адресанта.

Список литературы: 1. Остин Дж. Л. Слово как действие//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. — С. 22—129. 2. Почепцов Г. Г. Прагматика предложения//И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. — С. 267—281. 3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. — С. 170—194. 4. van der Auwera. On the Meaning of the Basic Speech Acts//Journal of Pragmatics. 1980. № 4. — P. 253—264. 5. Bach K. and Harnish R. M. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, Mass., 1980. — 327 p. 6. Fraser B. Hedged Performatives//Syntax and Semantics. New York etc., 1975. Vol. 3: Speech Acts. — P. 187—210. 7. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London; New York, 1983. — 250 p. 8. Stiles W. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts//Language in Society. 1981. Vol. 10. — P. 227—249. 9. Verschueren J. Speech Act Classification: A Study of the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs//Language. 1983 Vol. 59, № 1, March. — P. 166—175.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОМИЧЕСКОГО В СОЗДАНИИ ПЕРСОНАЖА НЕМЕЦКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Сказка, сформировавшаяся на более поздней ступени исторического развития, чем миф, была лишена его сакральности, почитания героев и самого сказочного действия [Карху, с. 147], что делало возможным широкое употребление в сказках самых разнообразных элементов комизма. Тот факт, что сказке не чужд был юмор, в отличие от других родственных жанров устного народного творчества (например, легенды, сказания, былички и др.), определяется и ее прагматической функцией, состоящей в развлечении читателя/слушателя [Померанцева, с. 7], эстетическим воздействием на него [Кравцов, с. 83—84], приобщении к нравственным идеалам [Jolles, S. 245]. Почти во всех сказках борьба или противостояние положительных и отрицательных сил заканчивается торжеством добра и осмеянием, наказанием зла, и эта счастливая развязка, ожидаемая и рассказчиком, и слушателем, тоже во многом предопределяет тональность произведения.

В ходе изучения элементов комизма в немецких народных сказках нами были установлены основные объекты осмеяния: персонажи, их имена, внешность, внутренние качества, проявляющиеся в их действиях.

Для сказок очень важен выбор и номинация героев, т.к. этот факт в дальнейшем может повлиять на весь ход сюжета. В целом номинативное поле сказки состоит из аппеллятивных названий и конструкций, их заместителей и собственно имен, которые образуют ономастикон текста [Лавриненко, с. 7].

Имена собственные представлены в сказках основными лексико-семантическими группами:

1. Прозвища (Doktor Allwissend, Bärenhäuter)
2. Собственно имена (die kluge Else, Katerlieschen)
3. Названия-мифонимы (der Tod, der Gott)
4. Зоонимы (Fundvogel, Reinecke — Fuchs)

Наше исследование показало, что лишь названия-мифонимы не употребляются в сказках в качестве комических элементов.

Имя героя или его произведение символизирует неразрывную связь означаемого с обозначаемым [Черновалюк, с. 3]. Эта связь имени с образом достаточно прозрачная: Так, номинация Drosselbart актуализирует черты внешнего вида героя — борода, как у дрозда; Daumesdick — маленький рост (с палец); Vetter Langbein — длинные ноги. Многие персонажи сказок обозначены лишь прозвищами (Daumerling, der Eisenhans). Характерной чертой сказок является существование при прозвищах мотивационного контекста, который объясняет привлечение того или иного наименования к обозначению художественного образа. Экспликация прозвища в структуре художественного целого актуализирует характерные особенности носителя, черты внутреннего (Dummbert, Bruder Lustig) или — чаще — внешнего порядка (Rotkopf, Einäuglein, des Teufels rußiger Bruder). Встречаются также

комичные прозвища, связанные с характером деятельности, образом жизни (Nimmersatt — der Wolf, Mäusejäger, Hungerleider, Bartputzer — der Kater).

Однако наряду с подобного рода прозвищами встречаются и другие, употребленные в противоположном значении, например, с оттенком иронии: du Riese Goliath — по отношению к Мальчику-с-пальчик, Doktor Allwissend — к крестьянину, считавшем себя всезнающим доктором.

По частотности употребления в тексте сказки прозвища персонажей подразделяются на два подтипа: 1) закрепленные за персонажем на протяжении всего сказочного повествования и 2) употребляющиеся лишь однажды. Мотивация прозвищ первого подтипа является в специальном “представлении” героев автором/рассказчиком: автор дает краткую “предысторию” возникновения подобного прозвища, например, в сказках “Daumesdick”, “Der Hans mein Igel”. Прозвища второго подтипа, встречающиеся лишь один раз в повествовании и не закрепленные за определенным сказочным персонажем, дают ему другими героями и употребляются лишь в прямой речи: Packan (собака), Erpelmannchen (портному), Grashüpfer (Мальчик-с-пальчик), Bartputzer (коту) и т.п.

Ономастикон сказок представлен также собственно именами, которые в контексте воспринимаются как комические и обладают богатым фоновым потенциалом, традиционно сложившимся у того или иного народа, став уже нарицательными для обозначения каких-либо отрицательных черт (чаще всего глупости и лени). Так, например, для немецкой сказки характерно употребление в этой функции имени Hans (ср. с русским: Иванушка-дурачок), иногда в сочетании с определениями: der gescheite Hans, употребленными в противоположном значении (напр., die kluge Else).

Такого рода антропонимы очерчивают статус персонажа, его ментальные качества. Такая техника простого наименования, когда происходит своеобразное “вмещение” мира в одно слово [Lüthi 1981, S. 26], является характерной чертой языковой системы сказки. Это в равной степени касается и другого слоя лексики сказок — безыменной системы. Жанровая специфика сказки обусловлена тем, что в ней действуют герои-типы, часто лишенные собственного имени, описания внутреннего мира [Lüthi 1981, S. 7], индивидуальных черт [Röhrich, S. 19].

Выделяется целый ряд лексико-семантических групп, которые входят в состав семантического антропонимического поля и определяют такие характеристики человека, как: 1) принадлежность к биологическому роду людей, пол (der Mann, die Frau); 2) родство (der Vater, der Sohn, die Stiefmutter); 3) возраст (das Mädchen, der Junge); 4) природное состояние (der Blinde, ohne Hände); 5) социальный статус (der König, ein armer Mann); 6) род деятельности (der Fischer, der Schneider); 7) характер человеческих взаимоотношений (der Freund, der Nachbar); 8) человеческие качества (der Dummling, der Faule).

Лишь немногие из названных подгрупп могут сами по себе, в оторванности от контекста, служить объектами осмеяния благодаря уже упоминавшейся эпической технике простого названия и сложившимся традиционным представлениям. Так, в частности, почти во всех сказках портной представлен в качестве объекта осмеяния, т. к. работа портного имела “второсортный” характер в представлении крестьян, выполнявших тяжелый физический труд. О насмешливом отношении к этой профессии свидетельствует и употребление уменьшительного суффикса -lein в сочетании с основой имени существительного. Дополнительную юмористическую

окраску несет и употребление определения *tarfeg* с именем существительным *das Scheiderlein* что на обобщенно-смысловом уровне характеризуется как “ложная похвала”, а на лексико-семантическом — ироничное употребление.

Кроме средств юмористической номинации, для описания комической внешности и внутреннего мира сказочных персонажей употребляются и другие приемы. В частности, в развернутых описаниях героев (которые встречаются не очень часто), употребляются ложные антитезы, когда соотносимые предметы не коррелятивны ввиду различия их семантических сфер: “*Meister Pfriem war ein kleiner, hagerer, aber lebhafter Mann, der keinen Augenblick Ruhe hatte. Sein Gesicht, aus dem nur die aufgestülpte Nase vorragte, war pockennarbig und leichenblaß, sein Haar grau und struppig, seine Augen klein, aber sie blitzten unaufhörlich rechts und links hin. Er bemerkte alles, tandelte alles, wußte alles besser und hatte in allem recht.*” [9, S. 547].

В данном отрывке для усиления негативных качеств употреблены придаточные предложения, метафоричный глагол *blitzen* по сравнению к существительному *die Augen*. Автором подчеркивается соответствие смешной внешности ненормированному поведению персонажа.

Одним из наиболее распространенных средств создания комизма при изображении внешности сказочных персонажей является метафоричное употребление глаголов, где способом достижения комизма является соотнесение логически несоотносимого, напр.: “*Ging er auf der Straße, so ruderte er heftig mit beiden Armen...*” (9, S.547) “*... die Kohle ... trippelte ganz keck.*” [9, S. 58].

Из стилистических средств, в которых используются механизмы соотнесения понятий [Фридрих, с. 12], в сказке широко употребительны сравнения при описании комической внешности персонажей: “*... weil Hans so entsetzlich aussah, ärger als eine Vogelscheuche*” [9, S. 389]; “*... sie hinfielen wie Fliegen im Spätherbst.*” [8, S. 84].

При изображении внутреннего мира комичных персонажей актуализируются семы отрицательных качеств: *dumm*, *faul*, *geizig* причем для сказок не характерно развернутое описание качеств героя; более полная характеристика дается посредством изображения его действий, поступков, в которых и проявляются определенные негативные черты, подвергающиеся осмеянию. Основой для выявления комизма в этом случае служит неязыковая действительность, когда привлекается весь внеязыковой опыт читателя, система традиционных взглядов и представлений.

Так, широкое распространение в немецких народных сказках получило изображение действий персонажей по внешним аналогиям, когда герой сказки переносит какие-либо внешние характеристики предмета на его свойства: например, героиня сказки “*Der Frieder und das Katerliechen*” воспринимает колею на дороге как шрам и замазывает ее маслом: “*... nahm es seine Butter und bestrich die Gleise, rechts und links, damit sie von den Rädern nicht so gedrückt würden.*” [9, S. 279].

Всегда комично буквальное выполнение персонажами просьб, приказаний, содержащих фразеологизмы: “*... Das hast du dumm gemacht, Hans, mußttest ihr (der Gretel) freundliche Augen zuwerfen.*” “*... Hans geht in den Stall, sticht allen Käbern und Schafen die Augen aus und wirft sie der Gretel ins Gesicht.*” [13, S. 82].

Содержат элементы комизма и действия персонажей, основанных на послушном следовании чьим-либо советам, но без разграничения прошлого и настоящего: "Gretel schenkt dem Hans ein Messer. ... Has nimmt das Messer, schenkt's an den Ärmel und geht nach Haus." "... Das hast du dumm gemacht, Hans, mußttest das Messer in die Tasche stecken." "... Gretel schenkt dem Hans eine junge Ziege. ... Hans nimmt die Ziege, bindet ihr die Beine und steckt sie in die Tasche." [13, S.78—79].

Все эти моменты говорят о существовании т. н. логики сказочного глупца, абсолютизирующего, доводящего до абсурда какую-либо одну сторону явления, вне всякой связи ее с окружающей действительностью, что имеет своей причиной недостаточность фоновых знаний персонажа.

К проблемам дальнейшего исследования относятся проявления юмористического отношения автора к героям и описываемым событиям; прагматические аспекты введения в заблуждение; подробная характеристика средств комического при изображении речи сказочных персонажей.

Список литературы: 1. Карху Э. Эволюция сказки // Север, 1993, №6. — С. 144—151. 2. Кравцов Н. И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. — М., 1973. — С. 68—84. 3. Лавриненко С. Т. Мовна картина світу в українській фантастичній казці. — Автореф. дис. ... канд. філ. наук. — Дніпропетровськ, 1995. — 19 с. 4. Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. — М., 1965. — 220 с. 5. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха (на материале совр. англ. языка). — Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. — Калинин, 1971. — 24 с. 7. Черновалюк І. В. Функціонально-семантичний аналіз власних назв у художньому тексті (на матеріалі творчості І. О. Буніна). — Автореф. дис. ... канд. філ. наук. — Одеса, 1995. — 17 с. 8. Deutsche Märchen seit Grimm. Hrsg. von P.Zaunert. B.I. — Jena, 1922, — 414 S. 9. Grimms Märchen. — Wien, Genf u.a., 1992. — 640 S. 10. Jolles A. Einfache formen. — Tübingen, 1968. — 272S. 11. Lüthi M. Das europäische Volksmärchen. Form und Wesen. — München, 1981. — 144S. 12. Lüthi M. Das Volksmärchen als Dichtung und als Aussage // Der Deutschunterricht. Jg. 8, 1956, H.6. — Stuttgart. — S.5—17. 13. Märchen der Brüder Grimm. Der Wolf ist tot! — Berlin, 1987. 192S. 14. Röhrich L. Märchen—Mythos—Sage // Antiker Mythos in unseren Märchen. — Kassel, 1984. — S.

*О. М. Старикова, докт. філол. наук
Є. В. Пономаренко, канд. філол. наук*

ПРОБЛЕМА ПОЯСНЮВАЛЬНИХ НОМІНАЦІЙ В АНГЛІЙСЬКОМУ ДИСКУРСІ

Однією з актуальних проблем лінгвістики тексту є розкриття закономірностей текстотворення, в тому числі специфіки структурних складових тексту, що реалізують комунікативну функцію уточнення змісту основної інформації.

Дискурс пояснення як особливий вид мовної комунікації являє собою ті види повідомлень, які відображають смислову та прагматичну ієрар-

хію одиниць блоків тексту, варіативні прагматичні, смислові та граматичні зв'язки основних та додаткових конститuentів одиниць мовної комунікації. Лінгвістичний аналіз тексту на цьому рівні, в основі якого лежить підхід до мовних одиниць із текстоцентричних позицій, дозволяє ближче підійти до розуміння комунікативної природи мовної системи, до визначення тієї ролі, яку грають засоби вираження додаткової інформації в організації мовленнєвих актів, фрагментів тексту.

Особливе значення має виділення певних типів тексту, що пов'язані з відношенням прагматичної субординації (підпорядкованості). В цьому плані необхідно дослідити функціонування та виявити статус одиниць дискурсу, в яких міститься базове висловлення, що далі пояснюється в наступних висловленнях. До таких одиниць належать комунікативні блоки з пояснювальним функціонально-прагматичним зв'язком, організація та специфіка яких багато в чому визначається жанровими особливостями дискурсу.

Вивчення дискурсу пояснення диктує необхідність розв'язання ряду задач. До них належать: дослідження інтенціональних аспектів пояснювальних номінацій, вивчення інформаційного розчленування дискурсу, що обумовлює передачу основної та додаткової інформації як реалізацію комунікативної інтенції мовця, спрямованої на усунення комунікативної недостатності висловлення. Не менш важливим видається аналіз текстоформуючих потенцій релятивних зв'язків, зокрема пояснювального. Особливе значення має вивчення одиниць, що передають такі відношення, з точки зору всіх текстових параметрів: складу, виду реалізації пояснення (одноразового — багаторазового, радіального — ланцюгового, елементарного — комплексного та ін.), логіко-смислових зв'язків конститuentів дискурсу, композиційних параметрів, граматичних аспектів (зокрема різних релятивів як одиниць пояснювального зв'язку) тощо. Нарешті, серед головних задач дослідження пояснення у мові слід назвати аналіз варіювання прагматичних аспектів дискурсів такого типу (на рівні речення та тексту).

Отже, проблема пояснювальних номінацій в англійській мові відкриває нові перспективи розвитку теорії дискурсу.

Одиницею пояснення в дискурсі ми вважаємо пояснювальний комунікативний блок. Він являє собою складний мовленнєвий акт, за якого спочатку викладається певне повідомлення, а далі іде додаткова інформація, пов'язана з пропозицією базового висловлення. Вважаємо, що додаткове (додаткові) висловлення можна розглядати як пояснювальне, якщо воно: 1) дублює пропозицію базового речення (1) або 2) дублює який-небудь елемент пропозиції попереднього (або одного з попередніх) речень (2):

(1) Radio, as you two gentlemen know, is not at the moment in a strong position. In fact, it is not putting it too vigorously to say that the medium is fighting for its life. A new form of entertainment, television, is gaining enormous momentum, capturing our clients and our audience; the economic situation of the country is uncertain and advertisers are retrenching everywhere — the old days when we could do anything and get away with everything are gone, perhaps forever. We are teetering on the edge of the cliff, gentlemen — and it might take only the slightest push to send us off into space (I. Shaw).

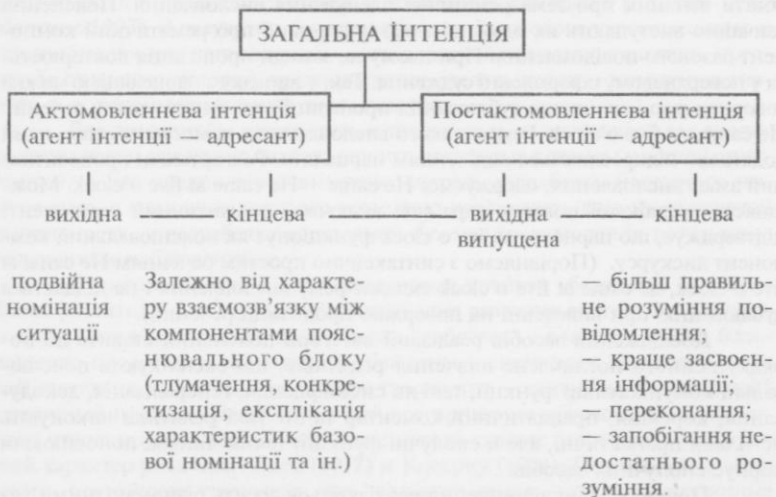
В даному випадку зв'язок між базовим висловленням та пояснюючими має радіальний характер, тобто кожне із речень (починаючи з другого) наведеної НФЄ пояснює перше (базове) речення.

(2) Mama had nice nightdresses but I left them in the drawers, and I didn't know if my father got them before the furniture was auctioned. I could have written to ask him, but at the thought of him my heart started to race. I hadn't written for six weeks and I didn't want to write any more. Mr. Gentleman mentioned that my father had flu, and that the nuns were looking after him (E. O'Brien).

На відміну від (1) в цьому прикладі пояснювальний зв'язок в рамках дискурсу має ланцюговий характер, тобто кожне наступне речення пояснює попереднє.

Пояснювальний зв'язок у дискурсі функціонує як особливий вид комунікативного зв'язку, що направлений на адресата. Таке функціонування навантаження пояснювального зв'язку впливає з інтенції мовця впливати на реципієнта з метою передачі певної картини дійсності, виділяючи той чи інший аспект цієї картини. Адресант здійснює бажання якомога повніше актуалізувати об'єкт думки. Отже, функціонування пояснення в тексті ґрунтується на висунутому Г. Грайсом принципі кооперації учасників спілкування, згідно з яким комунікативний внесок кожного із учасників на даному кроці спілкування повинен бути таким, як вимагає спільна мета (напрямок) комунікації [Грайс, 1985].

Інтенціональний аналіз пояснювального комунікативного блоку включає в себе розглядання, з одного боку, — постакомовленнєвої інтенції [Почепцов, 1986]. Структуру інтенції адресанта повідомлення можна представити так:

Таким чином, актомовленнєва стадія інтенції мовця під час пояснення характеризується як діада, а постакомовленнєва — як монада.

За нашими спостереженнями, наведена схема інтенціонального аналізу пояснення спрацьовує і на рівні окремого висловлення і на рівні дискурсу. Необхідність дослідження пояснювальних відношень на рівні речення-висловлення обумовлюється тим, що, як відомо, речення являють собою складові відрізки тексту і опосередковано, через ці відрізки (в дано-

му випадку комунікативні блоки) входять до цілого тексту. Різниця між пояснювальними номінаціями в реченні та в дискурсі полягає, головним чином, в об'єкті номінації: в дискурсі це — ситуація або подія, а в реченні — її окремий елемент або елементи.

З метою виділення пояснення як мовної категорії вважаємо за необхідне визначити певний критерій, на основі якого пояснення можна відокремити від інших типів номінації.

Аналіз матеріалу показує, що таким критерієм служить функціонально-семантичний критерій, що, як згадувалося вище, полягає у використанні повтора (експліцитного або імпліцитного) пропозиції базового висловлення (або її елемента), із введенням додаткової інформації, яка має характер підтвердження (1), корекції (2), тлумачення (3), узагальнення (4), специфікації (5) та інших видів функціональних внутрішньотекстових відношень.

(1) I tell you you can do it. I guarantee (I. Shaw)

(2) You couldn't have anything to do with him. I mean, he's such an awful cad (W. S. Maugham).

(3) A few little things worried me. I had to ask for the week off. Mr. Burns was easy to handle, but sleepy-eyed Mrs Burns could read your mind (E. O'Brien).

(4) ... you keep avoiding the premise that we are at war. In a war, actions are approximate, not individual (I. Shaw).

(5) I want people to remember that they killed an artist. An artist who tried to give them a little music in their lives (I. Shaw).

Розглядаючи проблему виявлення формантів пояснення, не можна обійти питання про тема-рематичне членування висловлення. Пояснення звичайно виступають як одиниці-носії інформації про рематичний компонент базового повідомлення. При цьому не завжди пропозиція повторюється у поверхневому оформленні судження. Так, у випадку з парцеляцією можна говорити про імпліцитне дублювання пропозиції, як, наприклад, у реченні: *He came. At five o'clock.* Ремою такого висловлення є компонент саме, який додатково підкреслюється виділенням парцелята. Розгортаючи пропозитивний зміст висловлення, одержуємо: *He came + He came at five o'clock.* Можливість експлікації повтору ядра (що включає і романтичний компонент) підтверджує, що парцелят *at five o'clock* функціонує як пояснювальний компонент дискурсу. (Порівняємо з синтаксично простим реченням *He came at five o'clock*, де *came at five o'clock* складає рему висловлення і не піддається дублюванню при виведенні на поверхню пропозиції речення).

Дослідження засобів реалізації категорії пояснення ставить до порядку денного поглиблене вивчення релятивів, що експлікують пояснювальні комунікативні функції, такі як специфікація, генералізація, декодування, корекція, прагматичний коментар та ін. Такі релятиви виконують не тільки прагматичні, але й сполучні функції, таким чином, поповнюючи корпус сполучних засобів.

Пояснювальні відношення реалізуються досить різноманітними типами структур. На рівні речення це однорідні, ввідні та вставні елементи, прикладка, парцеляти, абсолютні конструкції та ін. І в рамках тексту в процесі оформлення таких зв'язків характер граматичної організації також знаходить різне вираження.

Список літератури: 1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение//НЗЛ. — 1985. — Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. — С. 217—237. 2. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. — К.: Вища школа, 1986.

САМОНАСТРАИВАЮЩИЕСЯ СИСТЕМЫ И ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА

Массовое увлечение языковедов анализом дискурса и лингвистикой текста с их преимущественным вниманием к конкретному высказыванию и его возможным толкованием привело к некоторому пренебрежению проблемами языковой эволюции. Лишь очень немногие из современных прагма-, социо- и психолингвистов связывают речевую деятельность — коммуникативное использование языка — с процессом его развития, забывая тривиальную истину о том, что “язык изменяется потому, что на нем говорят” [Звегинцев 1977].

В последние годы однако наиболее прозорливые ученые заговорили об актуальности диахронического анализа, связанного не только с выявлением “внутренней причинности”, т. е. тех противоречий, которые существуют в языке и “дают направление “самодвижению” в диалектике развития языка” [Ярцева 1971; Степанов 1986; Серебренников 1988 и др.], но с учетом изменяющегося социо-культурного фона и других внешних факторов — коммуникативных и когнитивных установок, имеющих первостепенное значение для человека говорящего и, следовательно, играющих важную роль в процессе развития и изменения его языка [Леманн 1992; Мартине 1993]. В результате наметились контуры нового увлекательного и многообещающего направления — исторической прагмалингвистики, предметом описания которой предполагается сделать именно коммуникативную, т. е. речемыслительную деятельность.

Для того, чтобы приступить к такого рода диахроническому анализу, лингвистам предстоит сначала решить некоторые вопросы научной эпистемологии. А это предполагает в первую очередь разработку надежного инструмента, с помощью которого возможно исследовать динамику речевой деятельности, и разработку адекватной формы представления результатов полученных наблюдений.

В мировой науке в настоящее время крепнет убеждение, что проблема развития — это прежде всего проблема развития систем. Эта универсальная методологическая предпосылка “работает” и в науке о языке, большинство представителей которой убеждены в системном характере речевой деятельности, в том, что речевое творчество — отнюдь не “свободный” хаотичный процесс. Напротив, в ней все причинно обусловлено и подчинено строгим закономерностям. В системном смысле понимают комплексный характер речи Звегинцев (1977) и Косериу (1963). Последний, в частности, настойчиво утверждал, что “развитие языка — это не постоянные “изменения”, а постоянная систематизация” [Косериу 1963, с. 97]. Сказанное убеждает в том, что методологической базой диахронического описания речевой деятельности должна стать общая теория систем. Эта теория выступает в современной научной методологии в различных модификациях: теория функционально-адаптивных систем [Арнольд 1991], теория размытых понятий и нечетких множеств, теория фреймов [Минский 1975 и др.] и теория поля [Бондарко 1984 и др.; Адмони 1988].

Каждый из указанных подходов (и это то, что их объединяет) отражает так или иначе взаимодействие системы с ее окружением (средой). Каждая из этих систем — будь то фрейм, нечеткое множество или поле — обладает способностью к восприятию возмущений извне и регуляций своей внутренней деятельности, т. к. является по сути функционально-адаптивной [Арнольд 1991] в том смысле, что это — самонастраивающийся и саморегулируемый феномен, а потому — при изучении такой системы синхрония и диахрония оказываются неразрывно связанными.

В чем же преимущества таких самопорождающихся и самоорганизующихся систем для решения диахронических задач? Главное заключается в том, что, приспособившись к условиям своего функционирования — среде и ситуации — эти системы постоянно эволюционируют: изменяются количественно и качественно — вплоть до радикальной перестройки всей системы целиком. Взяв на вооружение такую систему, мы получаем возможность анализировать фактологический материал — речевые произведения различных хронологических срезов — холистически, уделяя внимание не только единичным фактам (нередко окрашенным субъективными впечатлениями исследователя в связи с конкретным текстом), но системным взаимодействиям на разных уровнях — когнитивном, грамматическом, прагматическом, этнокультурном. Это обеспечило бы интегральный подход к диахронии, позволяющий выявить исторические тенденции и сформулировать закономерности в развитии и организации дискурса.

В качестве типичного примера самонастраивающейся системы можно рассматривать языковое поле, представляющее собой особую когнитивную модель — средство организации человеческого опыта и знаний о мире, отраженных в языке и речи. Функционально-семантическое поле существует как диалектическое единство устойчивости и изменчивости, как подвижное образование, через которое в систему входят новые признаки, где происходит их конкуренция, варьирование единиц и т. п. Кроме того, полевое описание того или иного фрагмента речемыслительной деятельности дает возможность количественных оценок исторической вариативности как объективных данных о сочетании в данной системе доминантных и рецессивных признаков.

Принято, например, считать, что когда ядро представлено доминантой — это свидетельство того, что система стабильна; когда же в ядро входит несколько элементов — это показатель того, что в ней происходят переходные процессы [Андреева 1987]. Сказанное подтверждается результатами предпринятого нами диахронического описания категории времени в английском языке 16—20 вв. методом ее полевого моделирования. Так, поле настоящего времени в диахроническом плане предстает как гораздо более монолитное единство по сравнению с подсистемами прошедшего и будущего, оно отличается также высокой исторической стабильностью по той причине, что его ядро представлено фактически одной формой — простого настоящего времени. Это показывает, что, подчиняясь коммуникативной целесообразности, выражение настоящего времени как бы стремится утвердиться на почве этой наиболее функционально активной и семантически “эластичной” центральной единицы.

Так как настоящее как центральный вид времени в процессе внутренней логической организации мысли, безусловно, является ключевым понятием хроногенеза, моделирующее его поле — это компактная сильно централизованная система с явно выраженной морфологической ориента-

цией. Для своего “самосохранения” (а именно в этом состоит основная задача любой функционально-адаптивной системы в живой и неживой природе) она не нуждается в активной перестройке. Поэтому остается практически неизменным семантическое членение микрополя, состав и уравневая принадлежность конститuentов. Тем не менее, внутри этой в целом устойчивой и автономной системы имеют место процессы саморегуляции, охватывающие главным образом “внутреннюю архитектонику” доминанты микрополя. Для семантической структуры простого презенса при ее сложном составе типична не дискретность, а образование некоторого континуума [Адмони 1979]. При этом в бесконечном потоке реализаций, присущих основной форме презенса в исследованный период непрерывно происходят изменения, раздвигающие или суживающие ее семантический потенциал. Система перестраивается таким образом, что среди семантических разновидностей простого настоящего времени начинают преобладать пантемпоральные, прежде всего такие, которые выступают с сильным оттенком качественности. В явно выраженной пантемпорализации центральной формы настоящего в английском языке проявляется стремление функционально-адаптивной системы к оптимизации. Наблюдаемая тенденция — симптоматична для эволюции настоящего времени и имеет своим первичным источником перестройку структуры психического настоящего, характеризующегося известной размытостью и неопределенностью своей длительности. Интерпретация понятия “сейчас”, “теперь” становится все более субъективной, и в зависимости от ощущения говорящего в конкретной ситуации общения настоящее может спрессовываться в мгновение или растягиваться до бесконечности. Нет поэтому ничего удивительного в том, что в процессе исторического развития (16—20 вв.) временное значение формы настоящего более расширяется за счет прошедшего и будущего — получают развитие такие исторические разновидности, как презенс исторический, гномический, обобщающий. Более того, выражая только наличие действия в настоящем, и не касаясь степени его распространенности, формы настоящего достигают такой степени абстрагированности своего значения, что приобретают способность выражать качество, свойство предмета, т. е. признак, не измеряемый временной длительностью.

Микрополе же будущего времени, представляющее собой наиболее аморфный, диффузный и сложно организованный комплекс — напротив, отличаются максимальной исторической подвижностью и неустойчивостью. На каждом из пяти рассмотренных диахронических срезов (16, 17, 18, и 19 вв.) функциональные сдвиги имеют свою специфику в ядре, окологорной зоне и лексической периферии. Так, грамматическая доминанта микрополя — the Future Simple — все более специализируется в передаче “чистого” объективного (с точки зрения говорящего) будущего. Если в языке Шекспира shall/will структуры использовались преимущественно для выражения “модально окрашенного будущего” (с оттенками обещания, волеизъявления, угрозы, желания и т. п.), то в современной английской речи соотношение между модальным и темпоральным употреблением будущего простого радикально изменяется и в девяти случаях из десяти данная форма оказывается свободной от модальных наслоений. В диахроническом плане развитие микрополя будущего носит весьма неравномерный “волнообразный” характер — систему “лихорадит”, в ней стремительно растет лексическая периферия и сокращается удельный вес грамматического ядра, обостряется конкуренция форм времени и модальности, и в

этом процессе “самооптимизации” системы отражается проблематичность, связанная в человеческом сознании с будущим, его нематериальность как не данного в опыте, а также когнитивная динамика будущего времени, проявляющаяся в движении от возможного к действительному.

Анализ исторической динамики микрополя прошедшего времени дает основания характеризовать его как более или менее сбалансированную систему, в которой все компоненты функционируют во взаимосвязи. На каждом из исследованных исторических срезов на отдельных участках микрополя возникают противоречия, вызывающие определенную реорганизацию этих участков, что в свою очередь ведет к новой сбалансировке и упорядочению системы на следующем этапе. Наиболее сильны колебания и вариативность средств речевой репрезентации прошедшего времени в ядре и околоядерной зоне, и эти колебания — свидетельство самоорганизации и совершенствования системы. Именно характер развития морфологических участков микрополя убедительно демонстрирует, насколько различна степень и глубина разработанности и членения темпоральной сферы прошедшего на рассмотренных исторических срезах. Механизм дискретизации (“эшелонизации”) значения прошедшего весьма различен в начале и во второй половине НА периода. В 16-17 вв. максимальность глагольной парадигмы носит характер избыточности, что проявляется в практическом отсутствии или малой употребительности некоторых форм (прогрессива, вербидов и др.), а также дублировании пересечения их категориальных значений (например, претерита и презенса). Вторая половина НА периода, особенно 20 век, характеризуется детализацией, семантической стратификацией сферы прошедшего времени в результате укрепления позиций перфекта и длительного вида. Степень же грамматизации прошедшего настолько велика, что доля морфологических элементов достигает в 20 в. 97%. Вследствие этого характерной для микрополя прошедшего времени оказывается его слабая лексикализация, причем сужение лексической периферии — это историческая тенденция в эволюции данного микрополя. Все это доказывает неравномерность исторического развития языкового прошедшего в области морфологии и лексики, а его усиливающаяся морфологическая ориентация — признак расширения абстрагирующих возможностей английского языка в выражении данного понятия.

В целом же эволюция поля времени в НА период представляет собой системноцелостный процесс лингвистической упорядоченности как следствие когнитивной обработки углубляющихся знаний человека о мире, процесс, показывающий, как фиксируются в языке и речи результаты освоения человеком временной структуры действительности. Движущей причиной исторической изменчивости поля времени является “нарушение равновесия между состоянием системы — ее составом и устройством, с одной стороны, и теми задачами, которые она должна выполнять, с другой” [Арнольд, 1991, с. 119]. Присущее данной системе сочетание устойчивости (преemptивности) и изменчивости можно рассматривать также как одно из проявлений асимметрии в языке, являющейся важным фактором, детерминирующим его развитие [Ваксман 1984, с. 6]. Эволюционные сдвиги, наблюдаемые в микрополях прошедшего, настоящего и будущего, доказывают способность английской темпоральной системы в целом адаптироваться к изменяющимся внешним условиям, противостоя при этом силам, нарушающим ее равновесие (“экологию”). Они свидетельствуют также “о все более чувствительной реакции категории времени на все события внешнего мира и внутреннего состояния говорящих и слушающих людей [Будагов 1977, с. 121].

Результаты полевого моделирования темпоральности на различных хронологических срезах в пределах НА периода еще раз убеждают в том, что коммуникативно ориентированное исследование в области диахронии вряд ли будет научно достоверным, если не будет строиться на прочном методологическом фундаменте — на представлении о системной организации речевой деятельности. Только дополнив анализ внутрисистемных отношений изучением самоорганизации и самонастройки системы под воздействием среды, мы сможем понять причины многих изменений в языке и дискурсе, а также связанных с ними когнитивных процессов, социальных, культурных, психологических и других объяснений.

Список литературы: 1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988, 239 с. 2. Андреева Л. Д. Исследование количественно-качественных отношений в языке как знаковой системе//Общие и специальные вопросы языковой типологии. М., 1987. С. 10—17. 3. Арнольд В. И. Современные лингвистические теории взаимоотношения системы и среды//ВЯ 1991, № 3, С. 118—126. 4. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984, 133 с. 5. Будагов В. Г. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977, 244 с. 6. Ваксман Б. И. Асимметрия и равновесие в языке//Лексико-грамматические исследования. Калинин, 1984, С. 5—16. 7. Звегинцев В. Я. Проблема взаимоотношения языка и мышления и НТР//Вопр. философии. — 1977, № 4. С. 17—34. 8. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история//Новое в лингвистике. 1963, вып. 3. С. 143—343. 9. Серебренников В. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988, 248 с. 10. Степанов Г. В. Соотношение общенаучных и частных лингвистических методов//Соотношение частнонаучных методов и методологий в методологической науке. М., 1986. С. 6—18. 11. Lehmann P. Historical Linguistics. 3-d edition. Routledge. London; New-York 1987. 338 p. 12. Martinet A. Memoires d'un linguiste: Vivre les langues.—P.: Quai Voltaire, 1993, 383 p. 13. Minsky M. A framework for representing knowledge//The Psychology of Computer Vision. New-York, 1975. P. 211—277.

А. А. Тютенко

О ВЛИЯНИИ КОДЕКСА "ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ" НА НОРМУ РЕЧИ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ

Императив "политической корректности" (Political Correctness, или РС) чрезвычайно широко развился в последние годы в США и довольно быстро начал оказывать влияние на культуры западноевропейских стран. "Политическая корректность" (ПК) представляет собой отражение, в первую очередь, в речевом поведении современной идеологии западной демократии, основывающейся на концепции политической "справедливости" и, как следствие, достижения "равноправия" и "соблюдения прав человека". ПК рассматривается некоторыми исследователями, например, в США — историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом [Der Spiegel, 1994], в Германии — этнологом Х.-П. Дюрром [Duerf, 1994], как следствие

крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, характерных для современной Америки и всего мира процессов расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств. В Европе возрастающий успех ПК связан прежде всего с процессами политической интеграции и некоторыми социально-культурными изменениями последнего времени, сходными с американскими. ПК представляется ее идеологами как средство избежания конфликтов в поликультурном обществе — между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т. д. — путем установления специальных норм этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут приятны слуху представителей всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к неприятным ассоциациям. ПК в языке приводит к целому ряду изменений в лексике (словоупотреблении, переименовании) и даже грамматике, более детальный обзор которых приводится ниже.

Политическая речь из-за сферы своего употребления и по прагматическим причинам является одной из наиболее богатых переименованиями (эвфемизмами) стилей человеческой речи. По-видимому, любая речь “на людях” в любом языке, в большей или меньшей степени, характеризуется заменой выражений, которые говорящий считает неприличными или грубыми для данной категории адресатов, на более нейтральные или принятые в данном обществе в виде подходящей замены. Процессы и мотивировка эвфемизации сходны в различных языках, во всяком случае, европейские с их взаимопроникающими культурами. Наиболее ранней, в историческом плане, причиной переименования с употреблением эвфемизмов было табу на открытое употребление некоторых прямых обозначений денотата, считавшихся опасными и часто связывавшиеся с какими-то мистическими силами (ср., в восточнославянских культурах, *нечистая сила*, *лукавый* вместо *бес* или *черт* или в немецком языке, соответственно: *der Schwarze*, *der Böse*, *der Versucher*). Переименования подобного рода часто либо существовали недолго и быстро сменялись другими, либо приводили к исчезновению табуируемой единицы (см. пример со словом “змея” в разных языках [Маслов, 1987]). Вторая причина замены слов на эвфемизмы — это запреты, обусловленные требованиями этикета. Например, во многих культурах непозволительно употреблять в адрес людей многие из их прямых физических и умственных характеристик, например, в немецком языке такими запретными являются слова “*dick*”, “*dumm*”, “*kleinwüchsig*”, а иногда даже “*behindert*”, которое уже является эвфемизмом. Другая важная функция эвфемизации действует, когда адресант пытается скрыть подлинную сущность обозначаемого, и тем самым смягчить реакцию адресата на свое высказывание. Все эти свойства эвфемизмов политики и общественные деятели, по-видимому, абсолютно всех культур широко используют в своей речи.

Трудно точно установить время начала массового употребления эвфемизмов политиками и общественными лидерами, однако нельзя не согласиться с некоторыми авторами, которые связывают возрастание эвфемизации с развитием в Европе придворного этикета. При европейских королевских и княжеских дворах такие церемониальные формы речи служили для подчеркивания и демонстративного прославления подданным власти и могущества более знатной особы [Weinrich, 1994]. Об этом, собственно, свидетельствует и укоренившееся в немецком языке слово “*höflich*”.

Даже И.-В. фон Гете, известный своими либеральными взглядами автор "Вертера", приняв высокий государственный пост в Веймаре, с готовностью подчинился этому придворному этикету и в своих официальных письмах четко различал между "wohlgeboren" и "hochwohlgeboren". Как и табу вообще, нормы этикета очень подвержены влиянию политических и общественных перемен. Об этом свидетельствует общее упрощение, например, норм вежливости при стирании кастовости в обществе (напр., в немецком языке, от "Sie" к более частому употреблению "du"), а тем более, тот факт, что в эпоху социализма в ГДР формы этикета были во многом полностью заменены, и не только традиционные обращения уступили более "сердечному" "Genosse", но и обращение всех друг к другу на "ты" на партконференциях и съездах ("Kongreßduzerei"), а на "Вы" — в обычных ситуациях стало обычным среди политиков из СЕПГ [Kretzenbacher, 1991].

Так или иначе, введение нового этикета, появление новых табу, выбор и частота употребления эвфемизмов политиками неразрывно связаны, по крайней мере с (1) господствующей политической/общественной идеологией, (2) актуальными или популярными социально-культурными и политическими ориентирами, такими как гражданский мир, равноправие и т. п., (3) сменой политических систем, идеологий, направлений общественного развития (напр., в Германии — стремление отмежеваться от нацистского прошлого), (4) поиском поддержки у той или иной категории населения (этнических групп, женщин, инвалидов и т. д.), (5) необходимостью отвечать требованиям других культур при возрастании поликультурности общества, (6) необходимостью удовлетворять международной политической конъюнктуре (напр., при международной политико-экономической интеграции и членстве в международных организациях или межгосударственных блоках, таких как ООН или ЕС, а также под влиянием гуманитарной политики "супер-держав", в первую очередь — США). Учащающееся употребление эвфемизмов заметно также в "сложных политических ситуациях", когда необходимо избежать развития конфликта или когда говорящий (политик) сомневается в устойчивости своего положения. Например, в ГДР в период объединения часто любые разногласия по политическим вопросам называли словом "Dialog" [Schröder, 1991].

В Германии все эти экстралингвистические факторы, поочередно или в комплексе, в разное время оказывали и продолжают оказывать очень большое влияние на политическую речь, в целом, и на мотивировку и употребление эвфемизмов, в частности. Причем воздействие этих факторов трудно поддается разграничению и требует очень детального изучения политического и культурного контекста в данную историческую эпоху. Примерами могут служить замены: Putzfrau -> Raumpflegerin (из-за стремления к социальному равенству и/или падения престижа профессии — впрочем, сегодня под влиянием языка ГДР наблюдается обратный процесс [Pohl, 1992]; die Tschechei -> Tschechien (в стремлении не употреблять слов, использовавшихся в Третьем Рейхе); Fremd-/Gastarbeiter -> unser ausländischer Mitbürger (в стремлении к социальному равенству и желании воспитать у коренного населения терпимость к иммигрантам).

С приходом ПК под ее защитой оказались, в первую очередь, две категории граждан: иммигранты — представители иных рас и национальностей — и женщины. Особая осторожность в словоупотреблении, когда речь идет о расовых или этнических меньшинствах, в Европу пришла

вслед за США и по примеру американцев. В американской речи, стремление избежать даже малейшего намека на дискриминацию уже привело к возникновению, вместо обычных указаний на цвет кожи, сложных, но с точки зрения ПК, находящихся вне подозрения, выражений "Native Americans", "African Americans", "Asian Americans". В Германии такие явления наметились в связи с притоком иммигрантов из стран Третьего Мира, а также продиктованы необходимостью войти в Европейский Союз с его открытыми государственными границами без ксенофобии и расизма. Наряду с уже упоминавшимися словами "Fremd-" и "Gastarbeiter", в число нежелательных попали "Asylant", "Aus-" или "Umsiedler", а также, вслед за английским языком, появились новые эвфемизмы для названий национальностей, например, "Sinti und Roma", вместо обычного "Zigeuner". Сегодня в Германии в определенных аудиториях даже слово "Jude", нейтральное и, обычно, единственное для обозначения еврейской национальности, вызывает гневные обвинения в расизме [Duerg, 1994].

Вслед за английским языком в США и Англии, где под подозрение попало даже слово "manager" (похоже на "man")! [Der Spiegel, 1994], ПК в отношении женщин все чаще дает о себе знать и в Германии. О влиянии феминизма на немецкую лексику и даже грамматику в последние годы достаточно много писалось [см., напр., Weinrich, 1994]. В этой области ПК в немецком языке сталкивается со значительными трудностями, по сравнению с английским, прежде всего из-за развитой категории рода имен существительных. Эта трудность чаще всего возникает с обозначениями профессий и рода деятельности. Кроме попыток феминизации имен существительных, не имевших ранее женского рода (например, "der Dekan" -> "Die Dekanin", "der Nachrichtensprecher" -> "die Nachrichtensprechrin") в последнее время в обиход, часто официальными директивами, вводятся и замены, например, поскольку употреблять "Schüler und Schülerinnen" в официальных документах системы народного образования ФРГ долго, склонять по падежам громоздко и неясно, какое из слов писать первым, а ПК не позволяет писать только "Schüler", то школам и гимназиям для этих целей рекомендовано использовать универсальное слово "der/die Studierende/-n". "Основные правила" ("Grundordnung") для университетов земли Северный Рейн-Вестфалия предписывают называть "Dekanin" по истечении ее полномочий "Prodekanin", чтобы исключить "psychologisch wirksame Benachteiligung von Frauen". Интересно, что феминизации в средствах массовой информации пока успешно избегают, пожалуй, только слова, типа "der Investor" и "der Kapitalist".

Проявления ПК имеют место в очень разнообразных коммуникативных ситуациях и в отношении других категорий граждан. Желание поскорее стереть грань между восточными и западными немцами привело к тому, что выражениям "die ehemalige DDR", "die Ex-DDR" или совсем уж "политически некорректным" канцелярским терминам времен объединения — "Beitrittsgebiet" и "Altländer" — предпочитают "die neuen Bundesländer". Чаще всего, однако, ПК приводит к появлению очень неуклюжих слов и выражений, которые Э. Хеншайд [Henscheid, 1993] окрестил в своем одноименном словаре ПК как "Dummdeutsch", приводя такие примеры новых лексических образований в речи официальных лиц ФРГ, как "Lernzielkontrolle", "Qualifizierungsoffensive", "Wertegemeinschaft", "Kontaktbereichsbeamte".

ПК не может иметь значительных социально-культурных последствий, которые здесь нет возможности обсуждать более подробно. Однако,

говоря о социальной пользе или вреде ПК, не стоит забывать о том факте, что люди общаются не словами, а текстами, так что контекст может быть семантически настолько четко построен, что это исключит любую вероятность неправильного понимания сообщения. По этой причине искусственные мероприятия по утверждению "политической корректности" как социального (директивы) так и лингвистического (изобретение новых лексических единиц) плана не имеют смысла. В этой связи интересна тенденция, наметившаяся в отношении табуированных ПК слов, таких как "Lesbe" и "Schwuler", которые гомосексуалисты пытаются вернуть в широкое употребление, а "расистское" слово "nigger", исключенное из американской речи, сегодня пытаются вернуть сами же афроамериканцы [Kretzenbacher, 1994].

По мнению немецких лингвистов, распространение ПК ведет к возникновению, в лучшем случае, "новой цивилизованности", в худшем — надежного репрессивного аппарата [Weinrich, 1994]: в университетах США уже широко практикуется цензура ПК, писатель С. Рушди из-за "политической некорректности" уже много лет скрывается от мести религиозных фанатиков, а в английском городе Бирмингеме, чтобы не оскорблять чувства представителей других религий, из рождественского облика города практически исчез Санта-Клаус [Der Spiegel, 1994]. "Политическая корректность" по специфическим для немцев причинам вряд ли получит такой успех в Германии, как в США. Однако, если широкие слои немецкого общества, например, в порыве европейской интеграции все же воспримут этот новый кодекс поведения, мы станем свидетелями многих интересных явлений в лексике немецкого языка и культуре Германии.

Список литературы: 1. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. "Высшая школа". М. 1987. С. 198—199. 2. Dickwanst im Dunst. Der Spiegel 28/1994. S. 160/162; 3. Duerr, H.P. Ein Lügengespinnt. Der Spiegel 28/1994, S. 162; 4. Henscheid, E.. "Dummdeutsch". Ein Wörterbuch. Verlag Philipp Reclam jun., Stuttgart; 296 Seiten; 5. Kretzenbacher, H.L. Über den semantischmanzipatorischen Gebrauch pejorativer Epiteta, oder: "Die Frage ist, wer hier der Boß ist. Und sonst ger nicht!" Deutsch als Fremdsprache. 31. Jhg., Heft 1. 1994. S. 53—546.; 7. Pohl, I. Bewegung im ostdeutschen Wortschatz. Deutsch als Fremdsprache. 29. Jhg. Heft 3. 1992. S. 175; 8. Schröder, J. Gesellschaftlicher Wandel und sprachliche Reaktionen. Deutsch als Fremdsprache. 28 Jhg. 1/1991; 9. Weinrich, H. Die Etikette der Gleichheit. Der Spiegel 28/1994, S. 163—166.

Л. Н. Федькина

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОТРАЖАЮЩАЯ ЕГО ЛЕКСИКА.

Среди разнообразных факторов, управляющих речью человека, немаловажная роль принадлежит психологическим факторам, в том числе эмоциям. Это обуславливает актуальность изучения того, как эмоции опосредуются в языке и проявляются в речи. Именно в этом заключается лингвистический аспект изучения эмоций. Их проявление в процессе коммуникации может быть обнаружено на всех уровнях языка. В данном сооб-

щении мы ограничимся лексическим уровнем и рассмотрим соотношение между эмоциями и обозначающей их лексикой.

В. И. Шаховской [1987, с. 91] указывает, что эмоции отражаются в трех типах лексики: лексике, называющей, обозначающей эмоции; лексике, описывающей эмоции; лексике, выражающей эмоции. Рассмотрим группу лексики, служащей для обозначения эмоций и эмоциональных состояний человека, и попытаемся определить ее место в лексическом составе языка.

Эта задача тесно связана с проблемой выделения эмотивной лексики, которая до сих пор не получила однозначного решения в лингвистике. Исследователи еще не пришли к единому мнению относительно критериев, по которым то или иное слово может быть причислено к эмотивной лексике. Не выработано и единое, общепринятое определение эмотивной лексики. Не достигнуто понимание в вопросе о том, какие именно компоненты значения слова формируют эмотивность языковой единицы и каков статус эмотивного компонента значения. Остается неясным, как именно эмоции входят в смысловое содержание слова. Все это связано с проблемой соотношения эмоционального и рационального в значениях различных групп лексики.

По мнению одних исследователей (Гальперин, Галкина-Федорук, Колшанский, Панфилов, Колодкина), существует относительно небольшая и достаточно устойчивая группа эмотивной/эмоционально-экспрессивной лексики. При этом слова, обозначающие эмоции и чувства, включаются в наиболее стабильное ее ядро. По мнению других (Звегинцев, Тимофеев, Шаховской, Бабкин, Мальцев, Арнольд), практически любое слово при определенных контекстуальных условиях может быть отнесено к эмотивной лексике. Таким образом потенциально в эту группу попадают чуть ли не все слова языка. Что касается собственно слов-названий эмоций, то первая группа исследователей относит их к эмотивной лексике, исходя при этом из понятийной соотнесенности таких слов. Сторонники другой точки зрения (Арнольд, Шаховской, Звегинцев и др.) считают, что такие слова не могут быть причислены собственно к эмотивам как средствам выражения эмоционального состояния говорящего. И. В. Арнольд [1990, с. 109] отмечает, что "с эмоциональной лексики не следует смешивать слова, называющие эмоции или чувства: *fear, delight, gloom, cheerfulness, annoy* и слова, эмоциональность которых зависит от ассоциаций и реакций, связанных с денотатом: *death, tears, honour, pain*. С лингвистической точки зрения, это разные группы".

Такие полярные точки зрения связаны, очевидно, с отсутствием единого критерия выделения эмотивной лексики. На наш взгляд, критерий может быть установлен, исходя из особенностей лексического значения слова, так как эмотивность является одним из его компонентов.

Как известно, в лексическом значении слова выделяют логико-предметный, эмотивный и функционально-стилистический компоненты. Последние два часто объединяют понятием "коннотация". Согласно В.И. Шаховскому [1987, с. 19], если в семантике слова представлены все три компонента, то лексическое значение слова коннотативно, а слово является коннотативом. Если присутствуют эмотивный и функционально-стилистический компоненты (иными словами, коннотация превалирует над денотацией), то значение слова аффективно, а слово является аффективом. Если присутствует логико-предметный и функционально-стилисти-

ческий компоненты, то слово неэмотивно. В случае аффективного типа эмотивность слова является значением, в других случаях — коннотацией.

Коннотацию формируют эмотивные семы. Они имеют следующую структуру: семантический признак “эмотивность” (инвариантный, неизменный) + семные конкретизаторы (“любовь”, “восхищение” и т. п.). Конкретная эмотивная сема — это комбинация семантического (инвариантного) признака “эмотивность”, соотносящегося с психическим явлением внутреннего мира человека — эмоцией, и одного из огромного числа семных конкретизаторов, соотносящихся с конкретной эмоцией.

Языковое опосредование эмоций на уровне лексики происходит через коннотацию, стержнем которой является эмотивный компонент. Эмотивное значение может выходить на первый план, отодвигая или даже подавляя логико-предметное (денотативное) значение так, как это происходит в случае аффективов. Примером могут служить бранные слова и междометия: *hell, damn, goodness, oh boy*. В этом случае эмотивность является единственным смысловым содержанием, а его денотатом является выражаемая эмоция.

Обратимся теперь к лексике, называющей эмоции. Слова “joy”, “fear” и прочие названия эмоций являются названиями типизированных понятий об этих эмоциях. То есть на первом плане у них стоит денотативное (логико-предметное) значение, а эмосемы, которые потенциально присутствуют практически во всех словах, не реализованы. Это случай рациональной номинации. Денотативным содержанием названий эмоций (дискриптивных слов) являются объективные свойства эмоций; компоненты их семиологической ценности — выражения эмоционального отношения — в семантике таких слов нет. С этой точки зрения названия эмоций являются одноплановыми, как их определяет В. Н. Телия [1981], т. е. не имеющими эмотивно-кваликативной структуры, накладывающейся на денотативную структуру. При отражении эмоций в языке слово, ее называющее, не является эмотивом, так как не выражает непосредственно эмоциональное переживание, а служит лишь индикацией понятия об эмоции. Эмотив же своей семантикой выражает эмоциональное состояние внутреннего “я”, сознания и психики говорящего. Все это доказывает необходимость разграничения понятий “выражение”, “описание”, “называние” эмоций.

Чтобы убедиться, что обозначение какой-либо эмоции и ее выражение осуществляется различными группами лексики, можно сравнить высказывания “Дрянь!” — “Ненависть!”. Как отмечает В. Н. Гридин [1976], даже сопровождение наименования эмоции восклицательным знаком не трансформирует его семантику в эмотивную. Еще одним доказательством того, что слова, называющие эмоции, неэмотивны, может служить трансформация и субституция высказывания “You look quite stunning”, в котором выражается эмоция восхищения. Если заменить слова, выражающие эмоцию, на слова, называющие ее: “I feel admiration for you”, то эффект высказывания будет значительно снижен.

Каждый эмотив не только является символом какой-либо эмоции, но одновременно и ее выразителем. Это тот случай, когда все семиологические ценности слова представлены одновременно. Рассмотрим в качестве примера аффектив “hurrah!” Словарь Вебстера дает такое определение: “An exclamation expressive of joy, applause or encouragement” [Webster, 1988, p. 735]. Любой из названных терминов эмоции не может выразить ее аде-

кватно слову "hugrah!", с какой бы интонацией он ни произносился: значение названия эмоции неадекватно самой эмоции. Как отмечает Чарлстон [1960], различия между эмотивами и индикативами дают право утверждать, а практика речевого общения подтверждает, что термины эмоций являются весьма слабым средством их выражения.

Из вышерассмотренного ясно, что слово "joy", обозначающее эмоцию радости, имеет логико-предметное значение, реализующее мысль (понятие) о данной эмоции, содержащую осознание ее существенных признаков, а слово "hugrah!" — эмотивное значение, так как реализует непосредственное эмоциональное переживание. Конечно, в определенных контекстах любое нейтральное слово может стать выразителем эмоции. Но относить к эмотивам на этом основании наименования эмоций и другую нейтральную лексику, по мнению В. И. Шаховского [1987, с. 96], "было бы примером смешения семантики и функций, которые не обязательно совпадают в слове".

Таким образом, говоря об отличительных особенностях лексики, называющей эмоции, эмоциональные состояния и чувства, мы придерживаемся точки зрения Шаховского, Арнольда, Ахмановой, Павловой и некоторых других исследователей, согласно которой такая лексика может быть названа ассоциативно-эмотивной ввиду того, что в семантике таких слов присутствует сема "эмоция". В словах-названиях эмоций не проявляется какая-либо эмоциональная оценка, а лишь называется понятие. На этом основании такие слова не могут быть отнесены к эмотивам. Слова термины эмоций могут быть объединены тематически на основе их специфического денотативного значения, а именно того, что их денотатом является определенный вид психического состояния человека.

Лексика, называющая эмоции, представлена, как правило, существительными с абстрактным значением:

"And now, when he looked at her, he felt only contempt". [Maugham, 1977, p. 272].

Поскольку эмоции характеризуются скалярностью, в языке соответственно имеются синонимичные слова, обозначающие одну и ту же эмоцию в различной степени интенсивности. Например, фундаментальная эмоция "радость" ("joy"), которая в психологической литературе часто имеет двойное название "радость-удовольствие" ("joy-pleasure"), обозначается в английском языке такими словами: joy, gladness, pleasure, delight, elation, jubilation, rapture, ecstasy, triumph, enjoyment, felicity.

В англо-английских словарях названные слова определяются друг через друга и прилагательные great, extreme, high (degree of ...). Delight — a high degree of pleasure or satisfaction of mind; joy, rapture (Webster, 1988, p.415).

Кроме того, в английском языке имеется целый ряд существительных, в лексическое значение которых сема "радость" входит как один из компонентов в сочетании с другими семами (в терминах Шаховского, семными конкретизаторами): satisfaction, happiness, gratification, gaiety, admiration, anticipation. Эти слова называют не собственно эмоцию радости, а психологическое состояние, в основе которого лежит переживание этой эмоции.

По нашим наблюдениям, в художественной литературе названия эмоций сочетаются с ее описанием:

"The mutual attraction of those two young things gave him a singular delight" [Maugham, 1977, p. 265].

"She gave an inarticulate cry of rage and flung out of the room" [Maugham, 1977, p. 62].

Однако более распространены случаи, когда вместо слова-названия эмоции используется словосочетание, в состав которого входит производное от него прилагательное или наречие:

"I don't know how you can say that", cried Bateman indignantly" [Maugham, 1977, p. 204].

"The missionary gave him a contemptuous look..." [Maugham, 1977, p. 50].

В подобных случаях мы имеем дело с описанием эмоций, а не прямым их называнием. А это выходит за рамки темы данной статьи.

Список литературы: 1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. — 300 с. 2. Гридин В. Н. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1976. — 32 с. 3. Телия В. Н. Типы языковых значений. М., 1981. — 269 с. 4. Шаховской В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1988. — 288 с. 5. Шаховской В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. — 190 с. 6. Charleston B. Studies on the emotional and affective means of expression in modern English. Bern. 1960. 7. W. Somerset Maugham. Rain and Other Stories. M., 1977. 407 p. 8. New Webster's Dictionary of the English Language. Surjeet Publications. 1988. Delhi

И. Е. Фролова, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ЭКСПРЕССИВОВ

Объектом настоящего исследования являются речевые акты экспрессивы, коммуникативная цель которых состоит в выражении эмоциональной реакции говорящего. Данный класс речевых актов недостаточно изучен как с точки зрения его формально-семантических особенностей, так и с точки зрения функционирования речевых актов этого типа, особенностей их реализации в процессе речевой коммуникации. В то же время, выражение эмоций составляет неотъемлемую часть речевой коммуникации и заслуживает тщательного и подробного изучения.

Наиболее продуктивным, с нашей точки зрения, является исследование РА указанного типа в диалоге, поскольку в диалоге более ярко, чем в монологе проявляется речеактовое взаимодействие, ответное речевое действие ориентировано не только и даже не столько на пропозициональное содержание, сколько на речевой акт, интенцию, что особенно характерно для РА-экспрессивов, которые в большинстве реактивны по своему характеру взаимодействия с РА других типов.

Исследование класса РА экспрессивов, как и любого другого класса речевых актов, предполагает прежде всего определение формально-семантических характеристик, присущих данному классу РА и отличающих его

от РА, относящихся к другим классам. Предыдущие исследования показали, что для РА-экспрессивов такими характеристиками являются:

- 1) наличие повествовательной/восклицательной структуры;
- 2) наличие в составе такой структуры эмоционально маркированной лексики;
- 3) наличие маркеров эмоциональности синтаксического плана: повторов, прерывистости синтаксической структуры.

Повествовательный характер синтаксической структуры, как известно, является также характерным для репрезентативов и, в случае отсутствия других черт формально-семантического плана, тип интенции выводит-ся из контекста.

Это также характерно для тех случаев, когда синтаксическая структура представлена не стандартной моделью двусоставного глагольного предложения, а такими периферийными моделями синтаксиса как номинативные, инфинитивные, неоконченные предложения. Данные модели часто являются эмоционально-насыщенными, что обусловлено их компрессией за счет устранения семантических избыточных элементов. Так, например, номинативные предложения могут функционировать как со значением репрезентатива, так и со значением экспрессива. Ср.

Another knock at the front door (Donleavy)

A possible withess! He shrugged (Christie)

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. (А. Блок)

Москва! Как много в этом слове

Для сердца русского слилось (А. С. Пушкин)

Нормативные предложения, реализующие в речи интенцию экспрессива, представлены чаще всего следующими формальными моделями:

N, AdjN, What(Adj)N, Such(Adj)N, Some N, This (that, these, those, the)N, Npl, You and your N, NofN.

Некоторые из них, также как и ряд инфинитивных предложений, реализующих интенцию экспрессива, имеют коррелят/корреляты среди глагольных предложений:

What a miserable day! (Shaw) — It is a very miserable day.

Oh, what nonsense! (Maugham) — It is nonsense/You are talking nonsense.

To stab a man after he is dead! (Christie) — It is terrible to stab a man after he is dead.

Never to see her eyes closing and press his lips against them! (Galsworthy) — It is awfull never to see her eyes closing and press his lips against them.

К моделям номинативных предложений, коррелирующих с глагольными, относятся: N, What(Adj)N, Such (Adj)N.

Синтаксические структуры, являющиеся более эмоционально-насыщенными, не имеют коррелятов среди глагольных предложений. По замечанию В. В. Меньковой, “слишком неопределенно, расплывчато то, чего недостает в таком предложении и что могло бы быть восполнено... В некоторых же предложениях восполнение недостающих членов было бы совершенно произвольным.” [1, с. 91]. К таковым относятся инфинитивные предложения типа:

Eat the orange in her hand and throw away the rind! (Galsworthy)

To think of it! (Christie)

А также номинативные предложения, представленные следующими моделями:

Some N, This (that, these, those, the) N, N pl, You and your N, N of N, при этом для моделей This (that, these, those, the) N, N pl, You and your N, как правило, характерна импликация отрицательных эмоций:

Oh, man, that noise! (Hailey)

The wives! Oh, my god! (Carre)

You and your fine upbringing! (Buck)

В то же время, другие модели служат для передачи различных эмоций, характер которых эксплицирует контекст:

— Satisfied with your pupil?

— Some pupil! (Shaw)

The bitter irony of fate! (Maugham)

Также высоким уровнем эмоциональности отличаются неоконченные предложения: известно, что под влиянием интенсивной эмоции человеческая речь дезорганизуется. При этом, они также невосполнимы, реконструкция опущенной части предложения выглядела бы в данном случае достаточно произвольной. Приведем примеры:

I am so delighted to see you, I ..., I ... (Carre)

It was all so horrible ... (Christie)

Необходимо отметить, что, за исключением вышеупомянутых моделей номинативных предложений This (that, these, those, the) N, N pl, You and your N, постоянно служащих в речи для реализации отрицательных эмоций, характер передаваемой эмоции не может быть эксплицирован ни синтаксической структурой, ни семантикой; средством экспликации характера эмоции является только контекст; так, в следующих примерах ирония выражена при помощи номинативных предложений, модель What N с положительной семантикой:

"That's Latin," Tom said, "for bullshit."

"What a command of tongues," Claude said. (Shaw)

"Oh, Mr Jordach, ... are you going to dine with us? What an honour!" (Shaw)

Необходимо отметить, что, как следует из приведенных выше примеров, использование синтаксических предложений, реализующих прагматическое значение экспрессива, часто сочетается с другими формально-семантическими чертами экспрессива, в частности, с использованием эмоционально-маркированной лексики. Возможно также наличие повторов:

What a terrible, terrible thing! (Shaw)

To have seen him caught, caught in the room she had made beautiful for him, the room where she had played him so many hours, the room that was part of the house that she paid for! (Galsworthy)

и прерывистости синтаксической структуры:

Relief unspeakable and yet — a daughter! (Galsworthy)

To lose helpless things — children — dogs — and know for certain that one cannot get to them, no matter what they may be suffering! (Galsworthy)

В некоторых случаях структура номинативного или инфинитивного предложения сочетается с формальной неоконченностью, что усиливает эмоциональный потенциал:

To desert us here, alone, helpless... (Mitchell)

What force, what self-command, what ... (Christie)

Довольно часто для передачи интенсивной эмоции (особенно во внутренней речи) используется не одно номинативное или инфинитивное или неоконченное предложение, а подряд два или более:

What an idea. What a devilish idea! (Christie)

That self-made man! The social climber! (Christie)

Live in the same house with Fleur, estranged! Live with Fleur as now, feeling a stranger, even an unwelcome stranger! (Galsworthy)

В такого типа ситуациях возможны и комбинации номинативное + инфинитивное предложение/предложения; инфинитивное + номинативное предложение; номинативное/инфинитивное предложение + неоконченное предложение (которое может быть представлено как стандартной синтаксической моделью, так и номинативным/инфинитивным предложением);

Good-blooded little baggage! Jon, son of her father, to love and not to loved by the daughter of Soames! (Galsworthy)

To write. To set one word beautifully beside another word. The priviledge of it. The blessed, blessed peace of it! (Parker)

Another Witness! Just to think of it! And what if ... . (Christie)

Как показало проведенное исследование, сферой употребления анализируемых синтаксических моделей со значением экспрессива является диалог и внутренняя речь, значительно реже они употребляются в монологе.

Стандартные модели синтаксиса также довольно часто реализуют значение экспрессива. При этом, наличие в их составе маркеров эмоциональности не является обязательным: часть таких моделей включает эмоционально окрашенную лексику, повторы, прерывистость синтаксической структуры, являющиеся индикаторами выражения эмоций; другие представляют собой нейтральные в формально-семантическом плане модели, типа *I'm leaving tomorrow*, и прагматическое значение экспрессива, выводимое из контекста, не имеет формальных индикаторов.

Анализ условий успешности речевых актов экспрессивов, представленных синтаксическими моделями и моделями номинативных, инфинитивных и неполных предложений, приводит к выводу о том, что существуют определенные различия в условиях их реализации.

Синтаксические модели номинативных, инфинитивных и неполных предложений являются, несомненно, более эмоционально насыщенными по сравнению со стандартными моделями синтаксиса. Эмоциональная насыщенность создается путем компрессии (номинативные, инфинитивные предложения), либо путем частичной дезорганизации синтаксической структуры (неполные, неоконченные предложения). Отметим, что данное исследование посвящено изучению особенностей синтаксической структуры речевых актов экспрессивов, таким образом речь идет о сравнении синтаксических структур двусоставного глагольного предложения и номинативных, инфинитивных, неоконченных предложений. Лексический состав упомянутых структур в данном случае нерелевантен, однако, несомненно, маркеры лексического плана могут значительно повысить уровень эмоциональности стандартных моделей синтаксиса. Употребление же нестандартных, периферийных синтаксических моделей, с нашей точки зрения возможно в следующих случаях:

1. В случае внутренней речи, не ориентированной на собеседника и снимающей ограничения прагматического плана.

2. В диалоге, в том случае, когда на период коммуникативного взаимодействия партнеры по коммуникации состоят в отношениях равных ролевых статусов.

3. В ситуациях, связанных с высокой степенью концентрации эмоций, снимающей большинство ограничителей прагматического плана.

К условиям успешности можно также отнести характер передаваемой эмоции: естественно, что для эмоций положительных по отношению к адресату, существует меньшее количество ограничителей коммуникативного плана, чем для эмоций негативных по отношению к адресату.

Таким образом, формальное варьирование синтаксического плана речевых актов экспрессивов находится в непосредственной взаимосвязи и взаимозависимости с условиями реализации данных речевых актов, а также с характером передаваемой эмоции.

Список литературы: 1. Менькова В. В. Об одной разновидности односоставных предложений в современном английском языке // Исследования по английской филологии. Сб. 3, — Л.: ЛГУ, 1965. — С. 91—101.

С. В. Черкашин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ)

На основе критического анализа и обобщения взглядов лингвистов и логиков, посвященных рассмотрению данной проблемы, мы вслед за В. 3. Санниковым [Санников, 1989] исходим из того, что понятия дизъюнкции в логике и естественном языке существенно различны. Для разграничения логических и лингвистических понятий, преодоления двусмысленности в терминологии, проявляющейся в наличии нескольких понятий, применяемых в лингвистике для рассматриваемого типа отношений, мы используем понятие альтернативных отношений. Данные отношения реализуются в ситуации выбора между несколькими возможностями (альтернативами), представляющими собой факты, явления, признаки и т.д. В основе ситуации выбора лежат 3 основных фактора: 1) семантические отношения между компонентами альтернативной ситуации; 2) союзы, оформляющие отношения между конъюнктами; 3) контекст высказывания, в котором реализуется ситуация выбора.

Сама ситуация выбора предполагает наличие между альтернативами, то есть объектами выбора, объединяющего начала, определенной однородности. Альтернативная ситуация возможна тогда, когда объекты сравнимы и в то же время отличаются друг от друга. В зависимости от того, какой элемент преобладает (сравнение или противопоставление), реализуется ситуация строгого или нестрогого выбора. С точки зрения логики, первая основана на взаимоисключении компонентов альтернативной ситуации, вторая — на возможности сосуществования этих компонентов. Различная степень сравнимости и противопоставления компонентов альтернативной ситуации обуславливает также наличие различной степени совместимости содержаний дизъюнктов. Совместимость содержания ди-

з'юнктов лежить в основі ситуації нестрогого вибору (ад'юнкції), несовместимість — в основі ситуації строгого вибору (контрвалентності).

Первая ситуація передбачає можливість присоединення к уже існуючим компонентам ще одного (или нескольких), вторая исключает такую возможность, так как выбор в данном случае бинарный и осуществляется между фактами, взаимоисключающими друг друга на основе антонимичности их содержания (контрерного или контрдикторного противопоставления их содержания).

Как известно, логические высказывания (суждения) и высказывания естественного языка (предложения) имеют общие и отличительные признаки. Самое важное различие связано с характером высказываний: логические, объективные по своему характеру, коррелируют с объективной действительностью непосредственно, поэтому при оценке содержания суждений следует руководствоваться критерием истинности/ложности. Высказывания естественного языка, субъективно-объективные по своему характеру, связаны с объективной реальностью опосредовано, через человеческое восприятие. Критерии истинности/ложности оказываются в данном случае несущественными для анализа высказываний естественного языка, поскольку, во-первых, они содержат описание как реальных, так и ирреальных фактов, во-вторых, истинность/ложность уходит на задний план, а ее место занимают критерии, применяемые в их оценке с точки зрения успешности коммуникации. Кроме того, истинность и ложность высказывания выражается в языке только при наличии коммуникативной необходимости их специального подчеркивания.

Наиболее приемлемыми для анализа высказываний естественного языка являются критерии совместимости/несовместимости альтернативных фактов в рамках определенного контекста. Как известно, факты, явления, признаки и т. д. существуют во времени и пространстве, поэтому критерии совместимости/несовместимости соответствуют не только логике языка, но и применяются в формальной логике Н. И. Кондаковым [Kondakow, 1978]. Автор в частности описывает типы дизъюнктивных суждений (дизъюнктивные сложносочиненные, включающе-дизъюнктивные, дистрибутирующие, конъюнктивно-дизъюнктивные). Эта классификация, а также наличие в логике понятия нестрогой дизъюнкции указывает на наличие в логике случаев, промежуточных между конъюнкцией и дизъюнкцией. Естественный язык не исключает наличия подобных случаев, поскольку отражает явления, взаимосвязи объективной действительности. Такого рода взгляд на явления естественного языка не дает повода для предположения об отсутствии границ между строгой и нестрогой дизъюнкцией в языке. Это доказывают случаи невозможности перефразирования высказываний с дизъюнктивными отношениями в высказываниях с конъюнктивными, на что указывает Этке [Oetke, 1981]. Нестрогая дизъюнкция не является разновидностью конъюнкции, поскольку высказывания, содержащие ситуацию нестрогого выбора не исключают полностью этот выбор. В естественном языке, с логической точки зрения, могут быть выражены как полностью альтернативные отношения (строгая дизъюнкция), так и неполностью альтернативные отношения (нестрогая дизъюнкция). При классификации типов альтернативных отношений с лингвистической точки зрения необходимо руководствоваться таким важным и специфическим для языка фактором как чистота выражения семантики рассматриваемого типа отношений. Как известно, основным средством выраже-

ния смысловых отношений выступает союз. К союзам, выражающим альтернативные отношения, мы относим "oder", "entweder ... oder", "beziehungsweise", "sonst", "bald ... bald", "mal ... mal", "teils ... teils" и некоторые другие средства. Данные союзы располагают своим собственным лексическим значением, которое актуализируется в определенном контексте. Лексическое значение союзов является оперативным по своему характеру, поскольку роль союза как вербализатора смысловых отношений состоит во взаимодействии с семантикой конъюнктов. Располагая конкретным лексическим значением, союзы вынуждают конъюнкты произвести определенные операции над их (конъюнктов) собственной семантикой. Этот процесс обусловлен, с одной стороны, семантикой союзов и конъюнктов, с другой стороны, протекает в определенных условиях внутреннего и внешнего контекста. Кроме того, элементы содержания высказывания участвуют в оформлении соответствующих смысловых отношений и рассматриваются нами как семантические факторы, к которым мы относим также семантику дизъюнктов. Исходя из данных соображений, и следует учитывать чистоту семантики отношений и соответствующие корреляции между дизъюнктивными отношениями в логике и альтернативными отношениями в языке при классификации альтернативных отношений. Последние подразделяются нами на чисто-альтернативные и аппликативно-альтернативные отношения. Последние, в свою очередь, включают: 1) имплицативно-альтернативные; 2) дистрибутивно-альтернативные; 3) партитивно-альтернативные и 4) субститутивно-альтернативные.

Чисто-альтернативные отношения соответствуют понятию строгой дизъюнкции в логике и формируются посредством альтернативных союзов при тех же условиях, что и в логических высказываниях (суждениях), а именно: 1) при наличии полного перечня альтернатив в предложении; 2) при взаимоисключении альтернатив. Однако необходимо отметить, что проверка соблюдения правила полного перечня альтернатив требует наличия фоновых знаний, необходимых для правильного понимания научного или делового текста. Кроме того, во многих случаях (особенно в текстах художественной литературы) как для автора, так и для читателя, вообще не существенно, имеются ли еще другие альтернативы. Автор перечисляет только те, которые соответствуют его художественному замыслу, других он "не видит".

Взаимоисключение семантики компонентов альтернативных отношений в высказывании определяется следующими факторами: 1) антонимичность содержаний компонентов; 2) разнонаправленность действий, ведущих к одному и тому же результату; 3) противопоставление утверждения и отрицания; 4) отношение части и целого; 5) градационные отношения; 6) количественное противопоставление. К средствам вербализации полностью альтернативных отношений относятся союзы "oder", "entweder... oder", "beziehungsweise", наречие "vielleicht". Наиболее категорично взаимоисключение альтернатив выражает "entweder... oder", категоричность союзов "entweder... oder", "oder" и наречия "vielleicht" может усиливаться союзом "aber" и наречием "vielmehr".

Имплицативно-альтернативные отношения как и чисто-альтернативные соответствуют по своей семантике понятию строгой дизъюнкции (полностью альтернативным отношениям), однако на их семантику накладывается дополнительный оттенок (значение причинно-следственной связи). Такого рода отношения имеют место, как правило, в двухкомпонент-

ных сложноподчиненных предложениях, один из компонентов которого указывает на условие, несоблюдение которого повлечет за собой негативное следствие или следствие в виде угрозы. Единственным семантическим фактором имплицативно-альтернативных отношений является наличие между их компонентами причинно-следственной связи, сочетающейся со взаимоисключением их содержаний. Вербализаторами данных отношений выступают союзные наречия "sonst", "anderfalls", а также союз "oder".

Дистрибутивно-альтернативные отношения реализуются между чередующимися во времени, повторяющимися альтернативными явлениями, ситуациями, признаками и т.д., а суть их состоит в распределении (дистрибуции) альтернатив во времени и по очередности относительно друг друга. Главными семантическими факторами данных отношений являются интерактивность и перманентность явлений, действий и т.д. во временных планах (прошлом, настоящем, будущем) или во вневременном плане (постоянно), а также 1) союз "bald ... bald", союзные наречия "manchmal... manchmal", "mal... mal"; 2) временные наречия "manchmal", "selten", "oft" и т.д.; 3) предложные группы с временным значением; 4) предложные группы с дистрибутивно-временным значением. Вербализаторами дистрибутивно-альтернативных отношений являются союз "bald ... bald", союзные наречия "manchmal ... manchmal", "mal ... mal", которые одновременно играют роль семантических факторов, союзы "oder", "sonst", "beziehungsweise", "entweder ... oder". Последние реализуют свою функцию вербализаторов во взаимодействии с контекстом.

Партитивно-альтернативные отношения представляют собой смысловые отношения, реализующиеся между частями одного и того же целого, которые в свою очередь представляют собой собирательные понятия (в широком смысле этого слова). Между частями этого целого отсутствует контрдикторное противопоставление, так как они дополняют друг друга и в конечном итоге составляют общее целое. В качестве семантических факторов, обеспечивающих актуализацию партитивно-альтернативных отношений между признаками, детерминирующими различные стороны предмета, явления и т.д. следует считать: 1) наличие в предложении существительных во множественном числе, выступающих как наименования неодушевленных и одушевленных совокупностей; 2) наличие существительного в единственном значении с генеративным значением; 3) наличие неопределенно-личных местоимений; 4) наличие однородных сказуемых, выраженных пассивной конструкцией; 5) наличие союзов "teils ... teils", "teilweise ... teilweise", "halb ... halb".

Возможность одновременной реализации альтернатив является основным признаком субститутивно-альтернативных отношений, который, в свою очередь, обусловлен следующими факторами: 1) наличием у компонентов альтернативных отношений общих признаков; 2) семантической близостью альтернатив; 3) условной импликацией (реальной и ирреальной); 4) одинаковыми и темпоральными рамками альтернативных явлений, процессов и т.д.; 5) конструкциями с семантикой безразличия; 6) семантикой ограничения, присущей соответствующим придаточным предложениям; 7) семантикой выделительно-пояснительных конструкций; 8) семантикой сравнительных конструкций; 9) отрицанием, распространяющимся на все альтернативы; 10) словосочетанием, состоящим из 2-х антономичных по содержанию понятий; 11) семантикой цели; 12) семантикой перечисления возможностей; 13) семантикой неопределенно-личных

местоимений "andere (sonstige)" и "beide". Вербализаторами субститутивно-альтернативных отношений являются союзы "oder", "beziehungsweise", "entweder ... oder", "und/oder", наречие "vielleicht auch".

Список литературы: 1. Kondakow N.I. Wörterbuch der Logik. VEB Bibliographisches Institut Leipzig. 1978; 2. Oetke Claus. Paraphrasenbeziehungen zwischen disjunktiven und konjunktiven Sätzen. Max Niemeyer Verlag Tübingen 1981. 3. Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., "Наука", 1989.

И. С. Шевченко, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

В данной статье постулируется необходимость использования культурологического подхода как элемента историко-прагмалингвистических исследований, что обусловлено самой природой исторической прагмалингвистики (далее — ИП), в нашем понимании — комплексной дисциплины, изучающей онтогенез речевого общения в единстве деятельностного, речеактового, герменевтического и социалингвистического подходов.

Если прагматическая парадигма исследований уже прочно утвердилась в современной лингвистике как междисциплинарный подход, лежащий "на границе между языком, деятельностью, знанием и социальными структурами [Ван Дайк, 1989, с. 40], то область и предмет ИП остаются очерчены неоднозначно. Начало исследований ИП связывают с работами немецких лингвистов, которые расширяли диахроническое изучение языка на область прагматики, либо применяли прагматический подход к анализу эволюции речи конкретных языков — это Б. Шлибен-Ланге [Schlieben-Lange, 1976], Х. Зитта [Sitta, 1980] и др. С 1980-х годов это направление довольно активно развивается в нашей стране (например, [Карабан, 1989]). Понимаемые в широком смысле исторические изменения речи исследуются как совокупность изменений сфер речевого взаимодействия, принципов и характера организации речевой деятельности и речевых единиц; изменений в наборе, структуре и функционировании речевых актов; изменения релевантных параметров языковой личности и лингвокультурной общности в целом. Так, изучается связь изменения типов иллокуции с изменениями в обществе [Schlieben-Lange, 1976], изменение простых и сложных речевых актов в диахронии [Карабан, 1989], эволюция иллокутивных глаголов [Нагайчук, 1993]. Направление поиска постулируется то как языковая социопрагматика [von Polentz, 1995], то как прагматическая стилистика в аспекте диахронии [Cherubim, 1980], то как прагматический анализ эволюции устной речи [Schlieben-Lange, 1983], то как моделирование прагматики речевой коммуникации отдельных исторических периодов [Шевченко, 1990].

Такой широкий разброс подходов к ИП симптоматичен: акцентируя различные междисциплинарные стыки ИП, исследователи тем самым закономерно очерчивают область изучения ИП, которая в большей или меньшей степени аккумулирует данные подходы. Объединяет их и тот факт,

что все они опираются на деятельностный подход в лингвистике как единственно приемлемый при решении проблем общности языка, знаний о мире, языкового поведения.

Теория речевой деятельности, признанная одним из наиболее полных воплощений современной парадигмы речевого общения, как нельзя более полно соответствует задачам ИП — описанию различных сторон речевого функционирования в диахронии. Эвристическая роль понятия деятельности заключается в том, что оно вводит в модель речевой коммуникации личность коммуниканта во всей совокупности факторов, детерминирующих его речевое поведение: это определенный социальный опыт и социальные роли, приобретаемые личностью в процессе социализации, а также гипотетический ролевой репертуар; социальные сферы и специфичные ситуации общения; навыки речевого общения — использования языка для решения когнитивных и метакоммуникативных задач на основании общности коммуникативных средств и знаний о мире в конкретный период исторического развития. Эта общность наиболее адекватно объясняется в трудах К. Маркса его положением о продуктах труда как опредмеченных человеческих способностях, которые в такой внешней форме передаются от поколения к поколению для присвоения и воспроизведения в онтогенезе.

Большое эвристическое значение имеет для ИП теория неязыкового контекста — общепсихологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева [Леонтьев, 1974], используемая в ТРА преимущественно при анализе типов ситуаций для определения характера речевого акта. В современной “синхронной” ТРА ее использование ограничено анализом смысла речевого высказывания. Между тем, в ИП в силу природы объекта ее исследования эта теория может найти более полное применение. ТРА, ориентированная на область синхронии, справедливо критикуется за узость подхода, ограничивающего объект исследования уровнем предложения, а уровень мотивации и целей высказывания — самонаблюдением и самопроецированием личности исследователя на текст; за определенное пренебрежение эмпирическими данными, за схематичное понимание целеполагания как антиципируемого воздействия высказывания на адресата коммуникации. Тем самым понятие деятельности оказывается слишком абстрактным, удаленным от социальной действительности. Думается, что именно в рамках ИП возможен выход за пределы узкого понимания деятельности, создание интегративной модели взаимодействия различных уровней и аспектов коммуникации.

В центре внимания в данной статье — значение этнокультурного аспекта коммуникации для исследований в области ИП. Важность этого аспекта в ИП трудно переоценить, поскольку сам объект ИП — инокультурная коммуникация: тексты, принадлежащие различным социокультурным системам, существенно удаленным друг от друга темпорально и локально, либо только темпорально. Наша трактовка объекта ИП основана на том, что текст — компонент определенной социокультурной системы в целом — выступает как орудие организации, упорядочивания дискурса, редупликации ценностно-интерпретационной и когнитивной парадигм этой социокультурной системы с одной стороны, и как результат, знаковое выражение процесса взаимодействия социокультурных, лингвоэтнических, когнитивных и иных компонентов системы с другой. При комплексном анализе текста как социокультурного явления мы исходим из понимания культуры как способа ценностного освоения действительности [Эфендиев,

1993, с. 155] и языка как одного из наиболее емких элементов культуры наряду с ее другими элементами — идеологией, ценностями, знаниями и убеждениями.

Традиционно в научной литературе под инокультурным (cross-cultural) общением понимают коммуникацию представителей разных этносов (об этом см., например, [van Dijk, 1994, с. 205—214]). При межэтническом общении наблюдается значительное расхождение основных вышеперечисленных параметров коммуникации. В пределах же одного этноса модели темпорально дистанцированной коммуникации также существенно разнятся в большинстве параметров речевой деятельности: с течением времени изменяются социальные условия существования определенной лингвокультурной общности, когнитивный, функциональный, мотивационный, аксиологический и иные аспекты, не говоря уже об эволюции структуры и семантики самого языка. Все это затрудняет восприятие современным читателем фрагментов текста или целых текстов исторически удаленных периодов (отсюда не случайно появление большого числа комментариев к произведениям более ранних авторов на родном языке — ср. английские комментарии текстов В. Шекспира, комментарий Ю. Лотмана к роману “Евгений Онегин” и др.). Поэтому без учета этнокультурного аспекта коммуникации невозможен адекватный анализ текста в ИП.

Этнокультурная специфика темпорально и/или локально дистанцированного текста определяет многие прагматические характеристики коммуникации, прослеживается на уровнях локуции, иллюкуции, перлокуции, стратегий и тактик речевой интеракции, влияет на процесс понимания текстов.

Для современного читателя в темпорально удаленном инокультурном тексте содержится масса лакун — “темных мест” текста, непроницаемых для восприятия [Марковина, Сорокин, 1989]. По нашим данным, полученным на базе анализа драм Шекспира и их инокультурных трансформов в русской, украинской и западных культурах, различные лакуны в разной степени влияют на воздействующий (прагматический) потенциал текста (за основу примем следующую классификацию лакун: субъектные, деятельность-коммуникативные, культурного пространства и текстовые [там же, с. 79]).

Значительное количество лакун связано с архаичной или вышедшей из употребления локуцией, которая способна вызвать непонимание фрагмента текста, например: упоминание о *pensioners* — пенсионерах — королевы эльфов Титании [Сон в Иванову ночь, II, I, 10]. Сейчас это значение слова утрачено, а в 16 в. так именовались молодые люди самых знатных фамилий — гвардейцы королевы Елизаветы.

Обsoleteная локуция приветствия типа *All hail, Macbeth! hail to thee, Thane of Cawdor!* [Macbeth, 1, 3, 347—349], очень почетное приветствие, обещивала высказыванию 16 в. соответствующую иллюкуцию экспрессии, которая без специальных пояснений непрозрачна для восприятия нашего современника.

Архаичностью “говорящих” имен персонажей “Сна в Иванову ночь” объясняется утрата в 20-м в. их первоначальных ассоциативно-эмотивных связей и, как результат, — искажение иллюкутивного регистра в их современном восприятии: например, *Starveling* — Заморыш-портной, чья профессия в целом с 16 в. ассоциировалась с худобой.

Ассоциативно-оценочные лакуны могут быть основаны на эволюции деятельностно-коммуникативных компонентов. Так, во времена Шекспира понятия с определением “французский” имели ярко выраженный снижено-ироничный характер, например: “французские брюки” [Макбет, II,3,III], французское приветствие [Ромео и Джульетта, II,4,44] и т. п. Такие РА в 16 в. обладали доминирующей (реже сопутствующей) иллокуцией негативной оценки, которая существенно утратила степень иллокутивной силы для англичанина 20 в., а в неавтохтонных культурах практически полностью (без специального комментирования) исчезла из набора иллокутивных сил таких высказываний.*

Лакуны-реалии типа *truckle-bed* [Ромео и Джульетта, II,1,39] — раскладная кровать для слуги, выдвигавшаяся из-под постели хозяина, или переплет из рыбьей кожи [там же, I,3,87] по нашим наблюдениям в основном влияют на перлокуцию, стратегию и тактику коммуникации, почти не затрагивая иллокутивного аспекта РА.

Лакуны культурного пространства, к которым относят лакуны культурного фона (по нашим данным, они гораздо менее частотны) и культурного фонда (более частотные в драмах Шекспира), оказывают воздействие как на характер РА, так и на параметры тактики речевой интеракции. К первым принадлежат фрагменты текста, содержащие фоновые знания коммуникантов определенного исторического периода, не вошедшие затем в общечеловеческий культурный фонд, а ко вторым — комплекс знаний о мире во всем его многообразии, которым владеет типичный носитель культуры и который передается последующим поколениям. Например, типичные лакуны культурного фонда — мифологические, Библейские сюжеты — способны объяснять изменения иллокуции РА:

You, mistress, That have the office opposite to Saint Peter,
And keep the gate to hell. [Othello, IV,2,90—92].

Для реципиента, владеющего знаниями о св. Петре, охраняющем врата рая очевидно, что Отелло сравнивает Эмилию с бесом, охраняющим врата ада и весь РА является экспрессивом, в то время как для тех, кто не разделяет этих фондовых знаний, данный РА — констатив, с последующим искажением восприятия перлокутивного эффекта и дальнейшей стратегии дискурса.

Сходная прагматическая модель восприятия высказывания наблюдается и при появлении в тексте лакун культурного фонда, например: розмарин [Ромео и Джульетта] символизировал верность во времена Шекспира; троянец, грек [Сон в Иванову ночь] — были синонимами вора, разбойника и пр.

В наибольшей степени искажается прагматическая модель восприятия текста при наличии так называемых беллетристических или текстовых лакун — пробелов в тексте драмы, которых немало вследствие того, что шекспировское наследие дошло до нас недостаточно полно. Например, сцена убийства Дездемоны, или сцена в финале “Короля Лира” содержит фрагменты, предполагающие возможность диаметрально противоположных действий на сцене, произнесения реплик разными персонажами, что изменяет общую трактовку сюжета, образов, конкретных прагматических аспектов коммуникации, предполагает иную мотивацию высказываний и действий.

В заключение следует отметить, что даже краткое перечисление полученных данных позволяет убедиться в том, что прагматический аспект

дискурса зависит от его этно-культурных аспектов. Следовательно, этно-культурологический компонент должен занять подобающее место в процессе моделирования темпорально и локально дистанцированного речевого взаимодействия, исследуемого исторической прагмалингвистикой.

Список литературы: 1. Ван Дайк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. — 312 с. 2. Леонтьев А. Н. Основы теории речевой деятельности. М.: Прогресс, 1974. 3. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989. — 87 с. 4. Шевченко И. С. Основы исторической прагмалингвистики. Деп. в ГАСНТИ, 1990. 5. Эфендиев А. Г. Основы социологии. М.: Знание, 1993. — 384 с. 6. Cherubim D. Programm einer historischen Sprachpragmatik// *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen, 1980. S. 3-22. 7. van Dijk T. A. Some references on intercultural communication// *Язык, сознание, культура, этнос*. XI Всерос. симпозиум. М., 1994. — С. 205—214. 8. von Polentz Sprachsystemwandel und sociopragmatische Sprachgeschichte in der Sprachcultivierungsepoche// *Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen*. Tübingen, 1995. — S. 39—67. 9. Schlieben-Lange B. Für einer historische Analyse von Sprechacten// *Sprachtheorie und Pragmatik*. Tübinge, 1976. — S. 113—119. 10. Schlieben-Lange B. Traditionen der Sprachen, 1983. Tübinge, 217 s. 11. Sitta H. Pragmatisches Sprachverstehen und pragmatikorientierte Sprachgeschichte// *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. 1980. — S. 23—33.

Зміст

Андреева О. П., Паповянец Э. Г. Развитие исчисляемых значений у неисчисляемых существительных в современном английском языке	3
Бабич Е. Н. Рефлексия в диалоге и проблема истинности и ложности высказывания	6
Бахарева Е. Н., Беляева И. А. Высказывания субъективной оценки в реализации коммуникативного намерения говорящего	9
Безуглая Л. Р. Развитие гиперэксплицитных кветисивов в немецком и английском языке	12
Бондаренко Е. В. Темпоральная номинация в "теплой" лингвистике (на материале американских идиом)	16
Бортничук Е. Н., Пастушенко Л. П. Представление английских аффиксальных производных в лексикографических источниках	21
Братусь Т. В. Детективный роман как этнолингвокультурная проблема (к постановке вопроса)	23
Бутенко Е. В. Стилистический потенциал универсальных фраз	26
Васютинская Е. Б. Метонимическая номинация природы в английской лирике (от ренессанса до романтизма)	28
Говердовский В. И. Das Konnotationssystem im Deutschen in Hinsicht der gegenseitigen Verständigung der Sprachpartner	32
Гребенюк Н. Н. К вопросу о структурировании дискурса: разрешение неоднозначности высказывания диалогической речи	35
Григорьева Л. М. Об изучении квантования информации в тексте (на материале микротекстов на немецком языке)	38
Денисов О. И. Некоторые особенности употребления многокомпонентных фраз в текстах различной принадлежности	41
Дмитренко В. А., Малышева Т. Н. Стилистические функции присоединительной конструкции с сочинительной связью в английском языке	44
Дмитренко В. А. Проблема изучения малосформатных фольклорных текстов с жанрово-стилистической доминантой комического	48
Ейгер Г. В., Маслова Н. И. Лингво-культурные общности (к постановке проблемы)	51

Ейгер Г. В.	Прагматическая характеристика перлокутивных оптимизаторов	58
Иванченко А. И.	Некоторые особенности повтора как характерной черты речевого акта экспрессива	61
Краснящих А. П.	Металингвистика модернизма (М. М. Бахтин и Дж. Джойс)	65
Кузьмина В. С., Меркулова С. В.	Стратегия и тактика использования художественной литературы при обучении иностранному языку в языковом вузе	68
Мизецкая В. Я.	Мейотические структуры и их использование в художественном тексте	72
Минкин Л. М.	К характеристике предложения в лингвистике языка, речи и текста (на французском материале)	75
Михайлова Т. А.	Информационный потенциал значений грамматической формы (к постановке проблемы)	79
Е. И. Морозова	Новый стиль мышления в лингвистике: теоретические и дидактические аспекты	83
Морозова И. Б.	Функционирование различных типов диалогических единств в англоязычном художественном диалоге	87
Пасынок В. Г.	О профессиональных качествах и личности переводчика (вместо рецензии на книгу Р. К. Миньяр-Белоручева "Как стать переводчиком")	89
Пихтовникова Л. С.	Стихотворная басня в ряду родственных литературных форм (на материале немецких басен)	93
Прокопчук К. А.	Соблюдение принципа кооперации в деловой корреспонденции (на примере немецкой торговой переписки)	98
Пудровская Т. Н.	Описание пропозитива как речевого акта (на материале английского языка)	101
Рубцов И. В.	Some usage changes in british youth vernacular language	106
Рыжкова В. В.	К проблеме изучения фразеологических единиц в современном английском языке (к постановке вопроса)	109
Рябых Н. В.	Психологическая схема научения и теория фильтра	111
Сердюк В. Н.	Об иноязычном влиянии на становление форм длительного вида в английском языке	114
Солощук Л. В., Быкова Я. М.	К вопросу о разграничении речевых актов угрозы и предостережения	117
Сотникова С. И.	Языковые средства комического в создании персонажа немецкой народной сказки	120
Старикова О. М., Пономаренко Е. В.	Проблема поясняющих номинаций в английском дискурсе	123

Тарасова Е. В.	
Самонастраивающиеся системы и диахроническое изучение языка	127
Тютенко А. А.	
О влиянии кодекса "политической корректности" на нормы речи немецких политиков	131
Федькина Л. Н.	
Эмоциональное состояние человека и отражающая его лексика	135
Фролова И. Е.	
Некоторые особенности синтаксической структуры речевых актов экспрессивов	139
Черкашин С. В.	
Альтернативные отношения в современном немецком языке (семантические типы и способы их выражения)	143
Шевченко И. С.	
Некоторые эвристические проблемы исторической прагмалингвистики ...	147

ЭПИФИТ НАВОСНОК ПИЛИ

НИЖНЕ

КАРАИЧКОТО

БЕЛКАРКОТО

КАРЕНЧЕТЫ

№ 10

СОВЕТСКОЕ ПИЛИ НАВОСНОК ПИЛИ

А.С. Ковалев

Белкарко, 10

А.С. Ковалев

Белкарко, 10

А.С. Ковалев

Белкарко, 10

А.С. Ковалев

Белкарко, 10

А.С. Ковалев

Белкарко, 10

Белкарко, 10

Белкарко, 10

Белкарко, 10

Белкарко, 10

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
№ 386

СИСТЕМА МОВИ ТА МОВЛЕННЄВА ДІЯЛЬНІСТЬ

Відповідальний редактор

І.С. Шевченко

Комп'ютерний набір та верстка

Л.П. Зябченко

Г.П. Ульяніч

Технічний редактор

К.Л. Пінчук

Художній редактор

В.П. Гарбар

Здано до друку 27.05.96 р. Формат 60х84/16

Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Таймс.

Умовн. друк. арк. 9,8. Умовн. вид. арк. 12. Тираж 300 прим. Зам. 498

Віддруковано в друкарні вид. "Константа", 1000.000=

310145, м. Харків, вул Космічна, 26